

ISSN 2782-6511

ИСТОРИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (ТОМ 1)
2022

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER
«YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2022. Том 1. № 4
2022. Volume 1. Number 4

Екатеринбург 2022 Ekaterinburg

HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL. 2022. VOLUME 1. NUMBER 4

Ekaterinburg

12+

Published since 2022

ISSN 2782-6511

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide.

FOUNDER

Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

**Published with the support of the Fund-Operator of Presidential Grants
for the Development of Civil Society Project № 21-2-002276**

EDITOR

Mikhail V. Mikheev

EDITORIAL BOARD

Elena V. Borodina, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev, Konstantin I. Zubkov, Nadezhda M. Ignatova, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Nikolay A. Mikhalev, Andrea Nanetti, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slashev, Vladimir N. Streletsky, Stepan N. Temushev

PUBLISHER AND EDITORIAL OFFICE ADDRESS

620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
hist-geo@list.ru

© Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. 2022. Том 1. № 4

Екатеринбург

12+

Выходит с 2022 г.

ISSN 2782-6511

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

Издается при поддержке Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества (Проект № 21-2-002276)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

к. и. н. М. В. Михеев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

к. и. н. Е. В. Бородина, Е. С. Гришин, к. и. н. А. В. Дедук, к. г. н. А. А. Зайцев, к. и. н. К. И. Зубков, к. и. н. Н. М. Игнатова, А. О. Кайсин, д. и. н. А. А. Метельский, к. и. н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к. и. н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, д. г. н. В. Н. Стрелецкий, д. и. н. С. Н. Темушев

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ

620144, Екатеринбург, 8 Марта, 190–414
hist-geo@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОДА И ВЕСИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Дедук А. В. Из истории рязанско-литовского пограничья XV в.:
к вопросу о расположении Гордеевского (Гордеева)..... 6

Шеков А. В. К вопросу о землевладении в Смоленской земле и Мстиславском княжестве XV в..... 20

ИСТОРИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Зыкин И. В. Лесопромышленный узел как форма пространственного размещения
советской лесной промышленности в годы первых пятилеток 36

Бочкарёва И. А. Ключевые объекты ядерного наследия советского атомного проекта:
озеро Карачай..... 46

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Татарникова А. И. Сеть сельских поселений Томского округа в 1920-е гг.:
количественные и качественные характеристики 54

Игнатова Н. М. Историко-демографические и историко-географические исследования
в Институте языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН)
в XXI в. 64

ИСТОЧНИКИ

Гришин Е. С. Карты-справочники строительных материалов для Западного фронта
российской армии (1915–1918 гг.) 78

Вебер М. И. Две осады станицы Сарканд в августе 1918 г. на страницах и картах дневника
Н. Д. Кольца..... 82

СООБЩЕНИЯ

Открытый историко-географический семинар в городе Екатеринбурге 92

Итоги исторической реконструкции «Бажовский ОГО!род» 96

CONTENTS

URBAN AND RURAL LANDS OF MEDIEVAL RUS'

- Deduk A. V.* From the History of the 15th Century Ryazan-Lithuanian Borderland:
In Concern with the Question of the Location of Gordeevsky 6
- Shekov A. V.* On the Issue of Land Ownership in the Smolensk Land and the Mstislav Principality
of the 15th Century 20

HISTORY OF NATURE MANAGEMENT

- Zykin I. V.* Timber Industry Hub as a Form of Spatial Placement of the Soviet Forestry Industry
during the First Five-year Plans 36
- Bochkareva I. A.* Key Objects of the Nuclear Legacy of the Soviet Nuclear Project: Lake Karachay 46

HISTORICAL DEMOGRAPHY

- Tatarnikova A. I.* The Network of Rural Settlements of the Tomsk District in the 1920s:
Quantitative and Qualitative Characteristics 54
- Ignatova N. M.* Historical-Demographic and Historical-Geographical Studies at the Institute
of Language, Literature and History of the Federal Research Center «Komi Science
Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences» in the 21st Century 64

SOURCES

- Grishin E. S.* Reference Maps on Building Materials for the Western Front of the Russian Army
(1915–1918) 78
- Weber M. I.* Two Sieges of the Cossack Village of Sarkand in August 1918 on the Pages and Maps
of the Diary of N. D. Koltz 82

INFORMATION

- Open Historical and Geographical Seminar in Ekaterinburg 92
- The Results of the Historical Reconstruction «Bazhovsky OGO! Rod» 96

ГОРОДА И ВЕСИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

УДК 94(470.313)“14”

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-6-19

Дедук Андрей Владимирович

к. и. н., старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-9458-3934

E-mail: deduk@list.ru

Из истории рязанско-литовского пограничья XV в.: к вопросу о расположении Гордеевского (Гордеева)*

АННОТАЦИЯ. В рязанско-литовском докончании, составленном около 1427 г., упомянут ряд географических объектов Рязанского княжества, в которые может «вступать» великий князь литовский Витовт: Тула, Берестей, Ретань, Спаш, Дорожень, Заколотень и Гордеевское. Проблема локализации Гордеева оказывается не решенной на настоящий момент в исторической литературе. Кроме акта 1427 г., Гордеево упоминается как Алексинская волость в духовной Ивана III, составленной в декабре 1503 г. Анализ локализованных объектов грамот 1427 и 1503 гг. позволяет определить регион поиска Гордеева правобережьем верхнего и среднего течений р. Оки (примерно от устья р. Дугны до устья с. Скниги) и средним течением р. Упы. Просмотр кадастровых материалов XVI–XVII вв. и карт XVIII в. позволяет выдвинуть гипотезу о расположении центра волости Гордеевское (Гордеево) на территории пустоши Гордеевской Конинского стана Алексинского уезда. В нескольких километрах на восток от пустоши Гордеевской, у с. Варфоломеева, в 2014 г. был найден клад пражских грошей первой половины XV в., которые являлись основой денежного обращения великого княжества Литовского этого времени. Но такая локализация центра волости не имеет опоры на известные укрепленные памятники археологии, хотя на территории пустоши известно селище XV–XVI вв. Возможно, центр волости Гордеево являлся неукрепленным поселением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: великое княжество Литовское, великое княжество Рязанское, Гордеевский, Алексинский уезд, Конин, Волкона

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159.

URBAN AND RURAL LANDS OF MEDIEVAL RUS'

UDC 94(470.313)"14"

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-6-19

Andrew V. Deduk

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-9458-3934

E-mail: deduk@list.ru

From the History of the 15th Century Ryazan-Lithuanian Borderland: In Concern with the Question of the Location of Gordeevsky

ABSTRACT. The Ryazan-Lithuanian treaty, composed approximately in 1427, mentioned a number of geographical objects belonging to the Ryazan Princeland which could be entered by The Grand Prince Lithuanian Vitovt: Tula, Berestey, Retan, Sparsh, Dorozhen, Zakoloten, and Gordeevsky. The problem of Gordeevsky localization is still not solved in historical literature. Besides the 1427 act Gordeevsky was mentioned as Aleksin Parish in the spiritual will of Ivan III, written in December of 1503. The analysis of the objects localized in the acts of 1427 and 1503 enables us to define the region of searching for Gordeevsky as the right bank of the upper and middle course of the River Oka (approximately from the mouth of the River Dougna to the mouth of the River Skniggi) and the middle course of the River Upa. Studying cadastral materials of the 16–17th centuries and the 18th century maps makes it possible to put forward a hypothesis about the location of Gordeevsky Parish center on the territory of Gordeevsky Wasteland belonging to Koninsky Mill of Aleksin Ditriect. In 2014, in a few kilometres to the east of Gordeevsky Wasteland there was found a treasure trove of Prague pennies dated back to the first half of the 15th century which were a common unit of monetary circulation in the Grand Princeland Lithuanian of that time. But such localization of the parish center is not based on any known fortified archeological sites, though there is a known hamlet on the territory of the wasteland concerned. So, Gordeevsky Parish center might have been an unfortified settlement.

KEYWORDS: Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Ryazan, Gordeevo, Aleksin district, Konin, Volkona

В первой трети XV столетия границы двух великих княжеств — Рязанского и Литовского — сходились в бассейне правого притока р. Оки р. Упы. Некоторые вопросы географии этой границы рассмотрены в ряде работ общего характера¹.

До нас дошел всего один рязанско-литовский договор между великим князем Иваном Федоровичем и великим князем Витовтом². Этот акт датируется между 1425 и 1430 гг. по Л. В. Черепнину, по А. А. Зимину и А. В. Шекову — 1427 г.³ В докончании регламентируются статус и политическая принадлежность географических объектов рязанско-литовского пограничья. Этот пункт в передаче Л. В. Черепнина выглядит следующим образом: «А великому князю(ю) Витовту в вотчину мою не вступатиса, Ивана Федорович(а), в землю, ни в воду, поколѣ рубежъ Рязаньские земли Переяславские, моее вотчин(ы), вынемши Тулоу, Берестей, Ретан(ь) с Паши, Дорожен, Заколотен Гордѣевской»⁴. Настоящая заметка посвящена проблеме локализации Гордеевского (Гордеева).

Кроме рязанско-литовской договорной грамоты, эта административная единица еще упоминается в духовной Ивана III: «...горѣд Сѣлеин (Алексин. — А. Д.) с волостми, и с путма, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Волконою, и с Кониным, и з Гордѣевым, и с Ньюховою, и со всѣмъ с тѣмъ, что к тѣм мѣстом потагло»⁵. Духовная грамота дошла до нас в списке 10-х гг. XVI в., акт датирован С. М. Каштановым декабрем 1503 г.⁶

Вопрос о локализации Гордеевского (Гордеева) не затрагивался в историко-географической литературе. Единственным исключением является С. М. Кучинский, который поместил на карте Гордеев северо-восточнее Конины, оставив такую локализацию без комментариев⁷.

Для начала нужно определить примерный регион поиска Гордеевского по топонимам, упомянутым вместе с ним.

Первым пунктом перечисления в договоре 1420-х гг. является **Тула**. В историческом центре одноименного областного центра отсутствуют следы городского поселения XIV–XV вв.⁸ Однако еще в XIX столетии были известны предания о том, что Тула первоначально находилась на землях стана Старое Городище Тульского уезда, на Торховском городище⁹. На Торховском археологическом комплексе (состоит из городища и нескольких селищ) на р. Тулице известны слои XII — начала XVI в. Судя по всему, именно здесь находилась Тула XIV — начала XVI в.¹⁰ Лишь в начале XVI в. Тула была перенесена на современное место¹¹.

¹ Темушев В. Н. На восточной границе великого княжества Литовского. Тула, 2016; Шебанин Г. А. Историческая география западной части Рязанского княжества XII — начала XVI в. // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 472–474; Петрунь Ф. Східна межа Великого князівства Литовського // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. Київ, 1928. № 76, ч. I. С. 165–168.

² ДДГ. № 25. С. 67–68.

³ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI. С. 294–295; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 108–109; Шеков А. В. Верховские княжества: Середина XIII — середина XVI в. М., 2012. С. 156.

⁴ ДДГ. № 25. С. 68.

⁵ Там же. № 89. С. 360.

⁶ Там же. № 89. С. 353–364; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI вв. М., 1967. С. 198–202. По датировке списка духовной см.: Плигузов А. И. О списках судебника и духовной грамоты Ивана III // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 145–146.

⁷ Kuczyński S. M. Ziemia czernihowski-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. Мапа «Ziem Czernihowsko-Siewierskich włości i kompleksy w XIV i XV wieku».

⁸ Столяров Е. В., Фомин К. Н. Догородские культурные напластования в историческом центре г. Тулы // Город средневековья и раннего нового времени: Археология. История: Матер. IV Всероссийского семинара. Тула, 2013. С. 18–32. Также см.: Фомин К. Н. Историческая топография города Тулы XVI — начала XIX веков // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула, 2007. С. 37–51; Он же. Старая Тула (XVI — начало XIX вв.): По материалам археологических исследований // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2004. Вып. 2. С. 5–14.

⁹ Сахаров И. П. Памятники Тульской губ. СПб., 1851. С. 10.

¹⁰ Воронцов А. М., Гриценко В. П., Фомин К. Н., Шеков А. В. Позднесредневековые слои Торховского городища // Позднесредневековый город III: Археология и история: Матер. III Всероссийского семинара. Тула, 2011. С. 23–59; Гриценко В. П. К вопросу о местонахождении летописной Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 13–15; Он же. Торховское городище и его округа // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Тула, 1997. Вып. 1. С. 20–22; Гриценко В. [П.], Наумов А. [Н.] Древняя Тула: проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2003. Вып. 1. С. 6–11; Наумов А. Н. О двух подходах к вопросу местоположения древней Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 16–20.

¹¹ Фомин К. Н. Историческая топография города Тулы... С. 37–51.

Затем в договоре фигурирует топоним «**Берести**». Ранее акта 1427 г. он присутствует в московско-рязанском докончании 1402 г.¹² И. П. Сахаров соотнес его с Березовским городищем, которое, по данным исследователя, располагалось к югу от современного Венева и которое, по мнению местных жителей, называлось Березуй¹³. В памятниках Куликовского цикла упоминается одноименное урочище¹⁴. Городище до сегодняшнего дня не найдено¹⁵. Локализация И. П. Сахарова оказалась учтена В. Н. Темушевым при составлении карты Великого княжества Литовского¹⁶. Стоит отметить, что относительно расположения Березуя, упомянутого в памятниках куликовского цикла, в исторической науке были высказаны различные точки зрения¹⁷.

А. В. Лаврентьев предположил, что Берести располагался на «Старом Тулицком городище», которое находилось в XVI в. на территории современного Тульского оружейного завода¹⁸. Также историк предположил, что Берести возникло в те годы, когда Тула была под властью московских князей¹⁹. К сожалению, отсутствие в источниках топонимов с корнем «берест» в месте предполагаемой локализации делают построения А. В. Лаврентьева гипотетическими. Таким образом, расположение Берести так и не установлено.

Н. В. Иванов и Г. А. Шебанин локализовали **Ретань** XV в. на археологическом комплексе у пос. Майское Щекинского р-на Тульской обл. (городище и несколько селищ)²⁰. На момент публикации этот археологический комплекс был датирован XII–XIV вв.²¹ Археологические исследования последних лет выявили в непосредственной близости от городища памятники, датируемые XIV–XV вв., в культурном слое которых были найдены пражские гроши первой четверти XV в.²² Это позволяет признать локализацию Ретани более надежной.

Относительно правильности прочтения публикаторами названия «с Паши» в договорной грамоте в литературе были высказаны сомнения. А. В. Лаврентьев вполне обоснованно предложил прочтение «с Паши» как «Спаши» (правда, без обращения к тексту сборника, в составе которого дошел акт)²³. Ранее подобную точку зрения высказал Ф. Е. Петрунь²⁴. Исходя из списка акта, такое чтение представляется возможным²⁵. Спашские князья являлись одним из ответвлений рода тарусских князей²⁶. Центр Спашского удела был соотнесен Н. И. Троицким еще в начале XX столетия с городищем у с. Старое Павшино²⁷. С. Н. Келембет пробует пересмотреть локализацию центра

¹² ДДГ. № 19. С. 53.

¹³ Сахаров И. П. Указ. соч. С. 12. Также см. локализацию Березуя южнее Венева, высказанную И. Ф. Афремовым: Афремов И. Ф. Куликово поле, с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сентября 1380 г. М., 1849. С. 14.

¹⁴ Памятники Куликовского цикла / Ред. В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 164, 165, 237, 238, 324, 325, 327.

¹⁵ Археологическая карта России: Тульская область. М., 1999. Ч. I. С. 30–50; № 832–919.

¹⁶ Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. Мінск, 2009. С. 68–69.

¹⁷ Памятники Куликовского цикла. С. 164, 165, 237, 238, 324, 325, 327. Варианты его локализации см.: Зайдов О. Н., Шебанин Г. А. К вопросу о пути следования войск Дмитрия Донского на Куликово поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 157–158; Зайцев А. К. Где находилось «место, рекомое Березуй» «Сказания о мамеевом побоище»? // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2004. С. 5–12; Он же. Историко-географическое исследование района Куликова поля // Куликово поле и донское побоище 1380 г. М., 2005. С. 198–200. (Тр. ГИМ; вып. 150).

¹⁸ Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI в. М., 2011. С. 209–212; Сахаров И. П. Указ. соч. С. 9.

¹⁹ Лаврентьев А. В. Указ. соч. С. 210.

²⁰ Иванов Н. В., Шебанин Г. А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV–XV в. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2004. Т. 2. С. 71–72. Не так давно С. В. Зацаринным в научный оборот были введены результаты раскопок одного из памятников Майского археологического комплекса: Зацаринный С. В. Древнерусское селище Карьер-1 под городом Щекино // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2008. Вып. 3. С. 58–102.

²¹ Архив ИА РАН. Р. 1. Ед. хр. 16550. Екимов Ю. Г. Отчет о работах археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея в Щекинском районе Тульской обл. в 1991 г. Л. 4, 6, 10, 14, 19, 21; Зацаринный С. В. Древнерусское селище Карьер-1... С. 58–102. Выражаю благодарность Ю. Г. Екимову за возможность ознакомиться с отчетом.

²² Столярова К. А., Столяров Е. В., Петров Ю. Ю. Изучение северной периферии Майского археологического комплекса (Щекинский район) // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Липецк; Воронеж, 2017. С. 188–191.

²³ Лаврентьев А. В. Указ. соч. С. 186–188.

²⁴ Петрунь Ф. Указ. соч. С. 167.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 550 (основное собрание рукописной книги). Q.XVII.58. Л. 48.

²⁶ Шеков А. В. Верховские княжества. С. 155–156, 259, карта 5; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств: Середина XIII — середина XVI в. М., 2018. С. 201–205.

²⁷ Троицкий Н. И. Тульские древности. Тула, 2002. С. 37–38, 42–43. Также см.: Шеков А. В. Верховские княжества. С. 259; карта 5.

Спашского удела на городище в с. Старое Павшино, ссылаясь на «фальсифицированность родословной кн. Волконских 1686 г.»²⁸. Роспись содержит информацию о тождестве центра Спашского удела и современного ее составителям с. Павшино и о том, что «Волкона и Павшино — городища великия в Олексинском уезде и доныне знатны»²⁹. Не совсем ясно, зачем кн. Волконским нужно было «выдумывать» локализацию центра Спашского удела на с. Павшино и городище около этого села, если уже к 10-м гг. XVII в. оно не являлось их вотчиной³⁰. Половина д. Павшино (Новая Слободка) была пожалована кн. Савве Львовичу Волконскому за троицкий поход 1688/89 гг. как «выслуженная вотчина», то есть уже после 16 февраля 1687 г., когда родословная роспись была подана окольным кн. Федолом Федоровичем Волконским в Палату родословных дел³¹.

Тем более И. П. Сахаров, задолго до публикации кн. Волконской родословной росписи 1686 г., при описании Павшинского городища отмечал: «Здесь было родовое владение князей Торусских и родина князей Волконских. По рассказам местных жителей, на городище жили князья Волконские»³².

Кроме этого, сомнения в правильности локализации ранее высказывал О. И. Хоруженко, который справедливо отметил, что «спашские» не может быть производной от топонима Павшино³³.

Как показал В. В. Зайцев, в последней четверти XIV в. существовали т. н. «Спасские деньги» — серебряные монеты, на лицевой стороне которых имеется выполненная зеркально в две строки надпись «СПАС/КАА», помещенная в четырехугольную рамку³⁴.

К сожалению, в настоящее время городища в этом селе археологам обнаружить не удалось³⁵. Не упоминается оно и в описании земель с. Павшино в писцовой книге Алексинского уезда³⁶. В селе находились церковь «Воскресение Христово» и, судя по упоминаниям «Здвиженской церковной земли», «Здвиженского попа Агафонника, что в ней Пашенной слободе», церковь Воздвижения Креста Господня³⁷. Отсутствие в писцовой книге церкви Воздвижения Креста Господня объясняется просто — еще в 1721 г. часть с. Павшина, на которой находилась искомая церковь, была дворцовой³⁸. Впервые с. Павшино упоминается в апреле 1514 г., когда в нем «на поле» ночевал великий князь Василий Иванович³⁹.

Однако в писцовой книге Алексинского уезда 1627/28–1628/29 гг. читается интересующий нас в связи с проблемой локализации центра Спашского удела уникальный топоним. Место перевоза через р. Упу на окраине с. Павшино названо «Спасской переезд»⁴⁰. Таким образом, локализацию Спашска-Спаши на месте с. Павшино следует признать вероятной, а название административной единицы «Спаш» можно «привязать» к среднему течению р. Упы.

Кроме этого, в расспросных речах населения Тульского уезда 1643/44 г. фигурирует «Большая Спасская дорога» около д. Стуколовой Заупского стана Тульского уезда⁴¹. Д. Стуколова распола-

²⁸ Келембет С. Н. Тарусское княжество и его уделы // Средневековая Русь. Вып. 13. М., 2018. С. 96 и особенно прим. 112.

²⁹ Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 777, 778; Родословные росписи, поданные в палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство / Публ. Л. Е. Шабалева // Российская генеалогия: Научный альманах. Вып. 8. М., 2020. С. 271–272.

³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15. Л. 186 об.; Кн. 3. Л. 779–813 об. Ср.: АСЗ. Т. I. № 43. С. 39–40.

³¹ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Алексиному. Ед. хр. 10383. Л. 6 об., 7.

³² Сахаров И. П. Указ. соч. С. 18. Стоит отметить, что данные об Павшино И. П. Сахаров мог почерпнуть из словаря Щекатова (Щекатов А. М., Максимович Л. В. Географический словарь русского государства, сочиненный в настоящем оною виде. Ч. 4. М., 1805. Стб. 1005). Составители словаря могли использовать сведения о Павшино из бумаг Г. Ф. Миллера, знавшего родословную роспись кн. Волконских (РГАДА. Ф. 199. Портф. 284. Ч. 2. Д. 7. Л. 55).

³³ Хоруженко О. И. Родословие как конструкция родовой памяти: Текстология родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 217.

³⁴ Зайцев В. В. О времени и месте чекана Спасских денег // Нумизматический альманах. 2010. № 1 (39). С. 10–16. Также ср.: Беспалов Р. А. Денежное обращение в верховьях рек Оки и Дона во второй половине XIV — первой трети XV века в контексте политической истории региона // Позднесредневековый город III: археология и история: Матер. III Всероссийского семинара. Тула, 2011. С. 92; Ильин А. А. Классификация русских удельных монет. Вып. 1. Л., 1940. С. 26.

³⁵ Шеков А. В. Верховские княжества. С. 109; Он же. Политическая история и география... С. 201–203.

³⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 3. Л. 779–788.

³⁷ Там же. Л. 779–780 об.

³⁸ Там же. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 261. Л. ХОИ (современной нумерации ед. хр. не имеет).

³⁹ Сб. РИО. Т. 95. СПб., 1895. № 6. С. 90.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 3. Л. 843 об., 913. Также см.: Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/28–1628/29 гг. как исторический источник по исторической географии Верховских княжеств // ДРВМ. 2018. № 3 (73). С. 38; Шеков А. В. Верховские князья и их владения во времена походов хана Ахмата на Русь // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 398–400; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств... С. 203.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1209. Стб. по Туле. Ед. хр. 978/40215. Л. б/н.

галась на р. Ямне, левом притоке р. Упы, западнее г. Тулы⁴². Таким образом, «Большая Спасская дорога» вела как раз в район Павшино.

Еще одно упоминание топонима, связанного с локализацией Спаши, мы находим в документации Разрядного приказа XVII столетия. 23 января 1654 г. Семен Кисленский, приставы и старец Бунырева монастыря Герасим привели к алексинскому воеводе З. И. Ростисловскому туляк Федора Стрекалова, Мартемьяна Острейкова, тульского егорьевского дьякона Никиту и двух «девок» — Анисью Ульянову дочь и Пелагею Константинову дочь Кисленских. Их «взяли» в пустой избе в Спасском лесу с двумя «коробьями» книг и мешком рухляди. В документах содержится важное указание, что Спасский лес находился в Алексинском уезде⁴³. Некоторые участники данной драмы и их ближайшие родственники были землевладельцами этой административной единицы: Семен Кисленский владел д. Буколовой Бобошинского стана, Константин Кисленский — жеребьем с. Павшина Павшинского стана, Федор Стрекалов — жеребьем с. Якшина Якшинского стана⁴⁴. Все эти населенные пункты и станы Алексинского уезда находились в среднем течении р. Упы, в непосредственной близости от с. Павшино⁴⁵. Здесь же должен был располагаться и Спасский лес.

Таким образом, Спаш можно локализовать в районе населенных пунктов Старое и Новое Павшино.

Дорожень, по мнению И. Ф. Афремова, И. П. Сахарова и С. М. Кучиньского, располагался на городище у д. Красное, на р. Мокрая Табола⁴⁶. Г. А. Шебанину удалось показать несостоятельность этой локализации⁴⁷. И. Г. Бурцев и А. В. Шеков отметили по поводу локализации **Дорожня**: «Г. А. Шебанин относит его к Одоеву, при впадении р. Дорогоньки в р. Упу»⁴⁸. К сожалению, работа Г. А. Шебанина с доказательством данного утверждения остается неизвестной, что не позволяет нам согласиться или отвергнуть эту точку зрения. Стоит отметить, что эту локализацию, несмотря на ее явную или мнимую необоснованность, следует признать правдоподобной или близкой к истине. В 20–30-е гг. XX в. между с. Заваловым и с. Дорогонькой Одоевского уезда было известно городище⁴⁹. В духовной грамоте М. И. Воротынского 1566 г. среди вотчин князя упоминается «селцо Дорогонка усть реки Дорогонки»⁵⁰. Данный населенный пункт соотносится с более поздней д. Дорогонкой Одоевского уезда⁵¹.

А. В. Лаврентьев предлагает связывать Заколотень рязанско-литовского договора с р. Колодной, правым притоком р. Упы, и осторожно соотносит его с более поздней волостью Колодна — Колоденским станом Тульского уезда XVI–XVIII вв. или с его частью⁵². В таком случае Заколотень и Гордеевский — это два различных географических пункта: Заколотень и Гордеев. Иван III, согласно тексту своей духовной, благословляя Андрея Ивановича, дает ему «горwd СѠлеин (Алексин. — А. Д.) с волостми, и с пѣтма, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Волконою, и с Кониньм, и з Гордѣевьм, и с Нюховою, и со всѣмъ с тѣмъ, что к тѣм мѣстом потагло»⁵³. Василию Ивановичу достается «горwd Торусу з Горwdцѣм, и с-Ѡскан(ь)ю, и с Мышегою, и с Колwdною»⁵⁴. Таким образом, расположение Заколотня не ясно, не понятен вопрос и о расстановке пунктуационных знаков.

⁴² Щепкина Е. Тульский уезд в XVII в.: его вид и население по писцовым и переписным книгам. М., 1892. С. 8, карта.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Стб. Белгородского стола. Ед. хр. 1202. Л. 372–375.

⁴⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 3. Л. 783 об.–784, 1030–1032; Кн. 4. Л. 240–242 об.

⁴⁵ ОР БАН. Основное собрание карт. Ех. хр. 420.

⁴⁶ Афремов И. Ф. История Тульского края (Историческое обозрение Тульской губернии). Тула, 2002. Цв. вкл. Карта к «Историческому обозрению Тульской губернии»; Сахаров И. П. Указ. соч. С. 17; Kuczyński S. M. Op. cit. S. 39, тара «Ziem Czernihowsko-Siewerskich włości i kompleksy w XIV i XV wieku».

⁴⁷ Шебанин Г. А. К вопросу о локализации Дорожня // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. I. Тула, 2002. С. 209–213.

⁴⁸ Бурцев И. Г. Проблемы исторической географии Тульского края: от описания к изучению // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Матер. XXIII Межд. науч. конф. М., 2011. С. 193; Бурцев И. Г., Шеков А. В. О методе комплексного использования источников в исторической географии (на примере Окско-Донского водораздела в XIV–XVI вв.) // Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. II. М., 2013. С. 156. Прим. 12.

⁴⁹ Научный архив ГВИПМЗ «Куликово поле». Инв. № 4353. Нарциссов П. В. История, археология Тульской губернии. Машинопись. 1920-е гг. Л. 73; Научный архив Тульского областного краеведческого музея. Картотека М. А. Дружинина. Карт. 75/26; Нарциссов П. Памятники времен татарщины // По Тульскому краю (пособие для экскурсий). Тула, 1925. С. 577, карта между с. 568 и 569.

⁵⁰ АСЗ. Т. III. М., 2002. № 86. С. 74; Беликов В. Ю., Колычева В. И. Документы о землевладении князей Воротыньских во второй половине XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. № 2. М., 1992. С. 114.

⁵¹ Шеков А. В. Верховские княжества. М., 2012. С. 230–231, 271, карта 4.

⁵² Лаврентьев А. В. Указ. соч. С. 188–189.

⁵³ ДДГ. № 89. С. 360.

⁵⁴ Там же. С. 354.

Теперь перейдем к анализу локализации географических объектов, упомянутых вместе с Гордеевым в духовной Ивана III. Это Алексин, Волкона, Конин и Нюхов.

Алексин XV — начала XVI в. располагался на Ильинском или Сорокинском городищах, которые находятся на правом берегу р. Оки, в черте современного города⁵⁵.

Волкона соответствует Волконскому уделу Тарусского княжества. Центром Волконского удела было Тимофеевское городище на р. Волконе, датированное А. В. Шековым концом X–XI, XIV — началом XVI в.⁵⁶

Согласно челобитной кн. Григория Волконского, поданной 13 декабря 1626 г. в ходе местного спора с Семеном Васильевичем Колтовским, «вотчина государь наша родовая, что уделил князь Юрья Михайлович прапрадеду нашему, Волкона, тридцать шесть тысяч земли... были родители наши с вотчинами своими в уделе у князя Володимера Одреевича, а после, государь, удельнова жили деды наши по своим родовым вотчинам и служили вам, великим государем, а как государь царь Иван за князя Одрее Волконского на нас опалу свою положил, и вотчины наши взял на себя, государя, во дворец. А за нами государь за Гришкою, и за Ивашком, и за Левкою прародителей наших родовой вотчинки адин жеребей тысяча двесте чети...»⁵⁷. Таким образом, в XVI в. Волконские потеряли часть или все свои вотчины, а затем их права вотчинников были восстановлены, но, вероятно, не в полном объеме.

Центр Волконы, Тимофеевское городище и близлежащее с. Березово с деревнями и пустошами оставался за Волконскими до первой четверти XVII в.⁵⁸ Утрата вотчины произошла по неясным причинам ок. 1622/23 г.⁵⁹

Южнее Тимофеевского городища, на правом берегу р. Упы, раскинулись земли Колоденского стана Тульского уезда⁶⁰. По приправочному списку 1619/20 гг. с писцовой книги Тульского уезда 1586/87–1587/88 гг., письма и меры Ивана Жеребцова «с товарищи», на территории Колоденского стана находились родовые вотчины князей Волконских⁶¹. Эти вотчины локализованы А. В. Шековым⁶². Все Волконские, которые являлись вотчинниками в Колоденском стане, были потомками Петра Вериги, а их вотчины располагались компактно «вдоль правобережья р. Упы от р. Опоченки до с. Супруты севернее г. Крапивны»⁶³. В духовной Ивана III и в разрядной книге 1475–1605 гг. при описании татарского набега 1512 г. Колодна и Волкона упоминаются как две отдельные волости⁶⁴. Это дает основание полагать, что к XVI в. они были двумя различными административными единицами. Согласно указной грамоте царя Михаила Федоровича 1614 г., дошедшей в составе спорного дела о родовых вотчинах кн. Волконских в Колоденском стане Тульского уезда, «бил нам челом князь Григорей Волконский, а сказал: вотчина де его в Волконе приписана платежом к Туле...»⁶⁵. Кн. Григорий Волконский являлся вотчинником с. Супруты и половины сельца Беликова «з деревнями» в Колоденском стане Тульского уезда⁶⁶. Из этого следует, что вотчины Волконских в Колоденском стане еще в начале XVII в. воспринимались как часть Волконы.

⁵⁵ Дедук А. В. К вопросу об исторической топографии Алексина XIV–XVI вв. // Русь в XIII–XV вв.: Новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 223–238; Екимов Ю. Г., Зацаринный С. В. Этапы заселения и хронология средневекового Сорокина городища // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Матер. X Регион. научн. конференции. Калуга, 2003. С. 26–27; Зацаринный С. В. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (к вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2003. С. 96–112.

⁵⁶ Шеков А. В. Волкона — городской центр княжеского удела конца XIV–XV в. // Город средневековья и раннего нового времени: Археология. История: Матер. IV Всероссийского семинара. Тула, 2013. С. 93–94, 97; Он же. Политическая история и география... С. 313–318.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 559. Л. 57. Изложение местнического дела см.: Маркевич А. О местничестве. Ч. 1. Киев, 1879. С. 451. Описание дела см.: Эскин Ю. М. Описание подлинных местнических дел. М., 2017. С. 55–58.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Ед. хр. 85. Л. 83–83 об.; Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Алексин. Кн. 10359. Л. 880–880 об.

⁵⁹ Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/28–1628/29 гг... С. 35–37.

⁶⁰ Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 321; Шеков А. В. Политическая история и география... Карты 5, 6; Щепкина Е. Указ. соч. Карта.

⁶¹ Писцовые книги Московского государства. Отд. II. С. 1200–1202, 1206.

⁶² Шеков А. В. Политическая история и география Верховских княжеств. С. 341–370. Карта 5, 6.

⁶³ Там же. С. 334; карта 5, 6.

⁶⁴ ДДГ. № 89. С. 360, 442; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 117. Событие, описанное в разрядной книге, имело место в 1512 г. (то есть помещено в разрядной книге под годом позже). См.: Зимин А. А. Текстология иностранной редакции разрядных книг (за 1475–1537 гг.) // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 158.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1209. Стб. по Туле. Ед. хр. 657/37795. Л. 79. Автор настоящих строк готовит совместно с А. В. Шековым публикацию спорного дела о вотчинах князей Волконских. Для этого производится выделение материалов дела из россыпи документов XVII в., хранящейся в столбцах Поместного приказа по Туле.

⁶⁶ Там же. Л. 81. Более подробно см.: Шеков А. В. Политическая история и география... С. 335–336. Также см.: Щепкина Е. Указ. соч. С. 32–40.

Таким образом, Волконское княжество («Волкона») занимало земли в среднем течении р. Упы, от впадения ручья Песочны до с. Супруты.

О. И. Хоруженко высказаны сомнения относительно тождества Волконского княжества и Волконой, позднее поделенной между Тульским и Алексинским уездами. Взамен исследователь предлагает вариант локализации Волконы под Брянском⁶⁷. Нам представляется, что построения О. И. Хоруженко выдернуты из историко-географического контекста и основаны только на признании некоторых актов XVI столетия (дошли в списках второй половины XVIII в.) по князьям Волконским подложными. Во-первых, исследователь не учитывает существование родовых вотчин Волконских на землях Тульского и Алексинского уездов уже в XVI столетии⁶⁸. Во-вторых, именно в географию Верхней Оки и Тарусского княжества вписывает Волконских «Родословец князей Одинцевичей», дошедшей в рукописи первой четверти XVI в.⁶⁹ В-третьих, некая Волкона фигурирует наряду с Тулой и некоторыми другими географическими пунктами в ярлыках крымских ханов начала XVI столетия великим князьям Литовским, которые восходят к актам XV в. и в которых Волкона, скорее всего, фигурирует в сильно искаженном виде (самый ранний дошедший ярлык датируется 1461–1463 гг.)⁷⁰. В-четвертых, в 1491 г. «на Волконе» пребывало крымское посольство, направлявшееся в Москву⁷¹. Маловероятно, что здесь речь идет о центре брянской волости Волконеск, над которой московский контроль был установлен только в 1503 г.⁷² В-пятых, брянская волость Волконеск хорошо известна по актам XV в., дошедшим в составе Литовской метрики, в указанный период эта административная единица находилась не во владении или держании Волконских⁷³. Сами же князья Волконские фигурируют в актах метрики, но в связи с другими землями⁷⁴. В-шестых, точка зрения О. И. Хоруженко на акты кн. Волконских как на подложные, похоже, требует значительной корректировки. Так, грамота кн. Андрея Ивановича Старицкого, которую исследователь считает «научным подлогом» конца XIX в., предпринятого кн. Е. Г. Волконской (1838–1897)⁷⁵, на самом деле известна в полноценном списке 80-х гг. XVIII в., приведенном в рукописи кн. М. М. Щербатова⁷⁶.

Таким образом, топоним Волкона в районе Тулы и Алексина, примыкавших к землям Воротынского княжества, фиксируется с 1490-х гг., если не с 1460-х гг. Здесь же мы обнаруживаем в XVI столетии и родовые вотчины князей Волконских. В пользу брянской версии локализации Волконского княжества аргументов, кроме простой созвучности топонимов и фамилии, нет. По этой причине мы продолжаем придерживаться тульско-алексинской версии расположения Волконского княжества.

Конин — это центр Конинского удела. В. М. Кашкаров первым указал на возможность его расположения на городище на р. Крушма⁷⁷. Городище было изучено А. В. Шековым. По итогам исследований оно было датировано XI, XIII–XIV вв.⁷⁸ Князь Конинский упоминается в летописных текстах всего один раз: при описании сражения «на Суходрови» в 1445 г. в плен попал Иван Конинский, служивший одному из князей московского дома⁷⁹. Таким образом, возможно, что уже к 1440-м гг. Конинский удел вошел в состав Московского княжества. Его территория, вероятно, соответствовала землям Конинского стана Алексинского уезда XVII–XVIII вв.

Волость **Нюхова** упомянута в связи с событиями 1480 г., когда татары, направляясь с Угры, прошли по Конину и Нюхово⁸⁰. К февралю 1519 г. Нюхово вошла в состав Нюховского стана Тульского уезда

⁶⁷ Хоруженко О. И. Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII веков. М., 2019. С. 7–8; Он же. Грамоты князей Волконских XVI в.: дипломатическое исследование // Российская история. 2022. № 1. С. 38–39.

⁶⁸ О них см. подробнее: Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда 1627/28–1628/29 гг... С. 34–41; Они же. Борьба князей Волконских за родовые земли в первой половине XVII в. // ДРВМ. 2021. № 2 (84). С. 79–90.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 282.

⁷⁰ Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. P. 529–530, 540, 556, 557–558, 596, 606, 634, 643, 682, 703, 723.

⁷¹ Сб. РИО. Т. 41. № 32. С. 120, 127; № 34. С. 148; Лаврентьев А. В. Указ. соч. С. 209; Шеков А. В. Политическая история и география... С. 219–220.

⁷² ДДГ. № 89. С. 359; Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 75. С. 399.

⁷³ Lietuvos Metrika. Vilnius, 2004. Kn. Nr. 4 (1479–1491); Vilnius: 2012. № 16.11. С. 70; Vilnius: s. n., 2007. Kn. Nr.6 (1494–1506). № 608. С. 348.

⁷⁴ Ibid. Vilniu, 2004. Kn. Nr. 4 (1479–1491); Vilnius, 2012. № 13.3. С. 48; № 75. С. 115.

⁷⁵ Хоруженко О. И. Грамоты князей Волконских XVI в. С. 40–42.

⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 885. Эрм. собр. Ед. хр. 470. Л. 38 об.

⁷⁷ Кашкаров В. М. Конинский удел Тарусского княжества // Калужская старина. Год 2-й. Т. 2. Кн. 1. Калуга, 1902. С. 12–13.

⁷⁸ Шеков А. В. Верховские княжества. С. 244–245; Он же. Политическая история и география... С. 312–314.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 395; Т. 26. М., 2006. С. 196; Т. 27. М., 2007. С. 109; Иоасафовская летопись. С. 32.

⁸⁰ Там же. Т. 26. С. 274.

и позже не относилась к Старицкому уделу Андрея Ивановича⁸¹. Политическая принадлежность Нюховы в XIV в. нам неизвестна, как и сам факт существования волости. Вероятно, Нюхова XV в. полностью или частично соответствовала более позднему Нюховскому стану Тульского уезда XVI–XVIII вв.

Таким образом, регион поиска Гордеева можно очертить правобережьем верхнего и среднего течения р. Оки (примерно от устья р. Дугны до устья с. Скниги) и средним течением р. Упы. Это территория Алексинского, Тульского и Каширского уездов XVI–XVIII вв.

* * *

В настоящий момент на этой территории можно предположить только один вариант локализации Гордеева, который идеально вписывается в текст рязанско-литовского договора, но имеет под собой весьма шаткое обоснование.

В писцовой книге Алексинского уезда письма, меры и межевания Петра Сафонова и подьячего Григория Никифорова 1627/28–1628/29 гг. при описании земель Конинского стана трижды упоминается пустошь Гордеевская: 1) «За Оксентьем Митрофановым сыном Ходыревым в поместье **(пус), что была деревня Гордеевская... (здесь и далее выделено нами. – А. Д.)** (пус), что была деревня Сахорова... (пус), что была деревня Селиванова... (пус), что была деревня Нестерова...»⁸²; 2) «За Яковом Богдановым сыном Бегичевым в вотчине жеребей (пус), что было сельцо Скороварово, Балыматово тож, на речке на Упской... (пус), что была деревня Кетрея на реке на Упе... **(пус), что было сельцо Пречистой Гордеевской**, а другой жеребей тое пустоши за Левонтьем Бегичевым...»⁸³; 3) «За Левонтьем Семеновым сыном Бегичевым отца его выслуга в вотчине **жеребей (пус), что было сельцо Пречистые Гордеевской, а село без жеребья, за братом иво за Яковом Бегичевым...** (пус), что была деревня Луковицына на речке на Упской... (пус), что была деревня Токмаково на Рудне, диком верху...»⁸⁴.

Район поиска сельца Пречистого Гордеевского, упомянутого во втором и третьем отрывке, ясен — это р. Упка (Упская), правый приток р. Упы, и ее притоки. Для уточнения локализации пустоши Гордеевской из первой цитаты мы обратились к отказным книгам.

23 февраля 1635 г. часть пустоши Гордеевской Конинского стана Алексинского уезда была отказана «на прожиток» вдове Аксинья Ходырева Авдотье⁸⁵. 5 июня 1680 г. Ивану Никитину, сыну Чирикову, была отказана пуст. Гордеевская Авдотьи Ходыревой и земли этой пустоши «сверх дачи» вдовы⁸⁶. Сенные покосы отказанной пустоши Гордеевской находились на уже известной нам «речке Упской»⁸⁷. Таким образом, Гордеевскую следует искать в бассейне правого притока р. Упы, р. Упки.

В 1777 г. отхожая пустошь Гордеевская была обмежевана в ходе Генерального межевания. На плане дачи мы обнаруживаем Гордеевский овраг⁸⁸. С востока к пустоши Гордеевской примыкала пустошь Балымова Конинского стана, которая, скорее всего, соответствует пустоши, «что было сельцо Скороварово, Балыматово тож», упоминаемой в писцовой книге⁸⁹. Скорее всего, пустошь, план которой был составлен в 1777 г., соответствует землевладению, которое в XVII столетии было за Ходыревыми, остальные одноименные пустоши к моменту Генерального межевания отказались сокрыты в составе ближайших землевладений (см. цв. вклейку, рис. 1).

Стоит отметить уникальность топонима: его однокоренных производных нам не удалось обнаружить в Алексинском и Тульском уездах⁹⁰. Известно только упоминание Гордеевского луга на р. Восьме, в Тешиловском стане Каширского уезда⁹¹. По списку гидронимов Г. П. Смолицкой, топоним с корнем «горд» известен только в бассейне р. Мышеги, левого притока р. Оки⁹² (рис. 1).

⁸¹ АСЗ. Т. 4. № 453. С. 334–335; № 455, С. 335–336.

⁸² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 2. Л. 160–162.

⁸³ Там же. Л. 335 об. — 337 об.

⁸⁴ Там же. Л. 367 об. — 369 об.

⁸⁵ Там же. Оп. 2. Ч. 1. Алексин. Кн. 10337. Л. 347–349 об.

⁸⁶ Там же. Кн. 10360. Ч. 1. Л. 693–696.

⁸⁷ Там же Л. 694.

⁸⁸ Там же Ф. 1354. Оп. 535. Ч. 1. Ед. хр. Г — 8 син.

⁸⁹ Там же. Ед. хр. Б — 13 син.

⁹⁰ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 2, 3; Писцовые книги, издаваемые Русским географическим обществом. Ч. I. Указатель. СПб., 1895. С. 248, 252 (по указ.); Щепкина Е. Указ. соч. С. 257 (по указ.).

⁹¹ Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачова. Отд. II. С. 1495.

⁹² Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки: (список рек и озер). М., 1976. С. 89, 312 (по указ.).

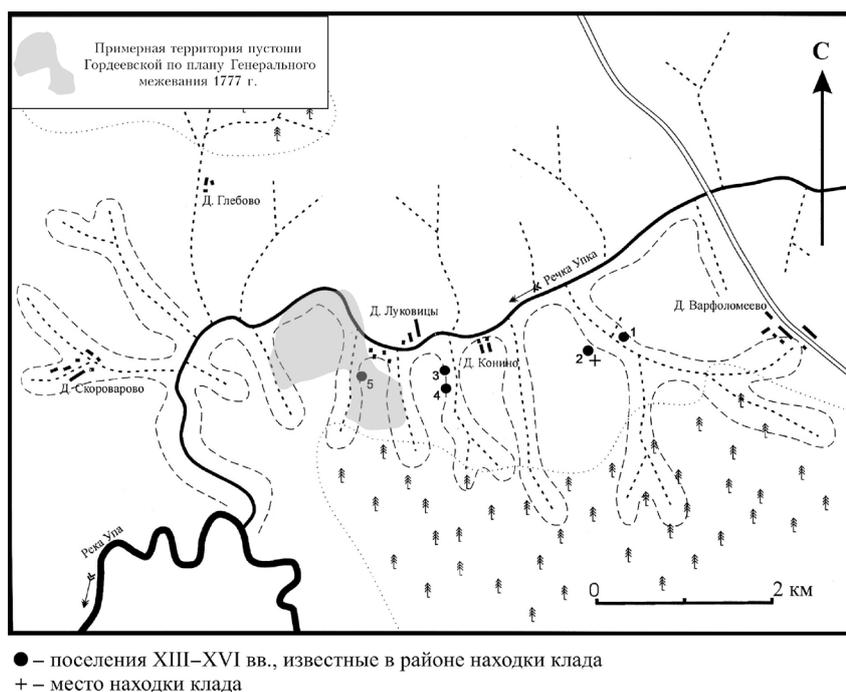

Рис. 1. Примерное расположение пустоши Гордеевской на схеме расположения группы средневековых поселений в низовьях р. Упки.

Географическая основа карты: Воронцов А. М., Гриценко В. П., Столярова К. А., Фомин К. Н., Шабанин Г. А., Шеков А. В. Новые находки пражских грошей в Тульской обл. // Город средневековья и раннего нового времени. Вып. II (V). Тула, 2016. Рис. 13. С. 269.

- 1 — поселение Варфоломеево 1 (XVI в.),
2 — поселение Варфоломеево 2 (XV — первая половина XVI в.),
3 — поселение Конино 1 (XIII–XIV вв.), 4 — поселение Конино 2 (XIII–XIV вв.),
5 — поселение Луковицы 1 (XV–XVI вв.)

Таким образом, довольно редкий топоним с корнем «горд» обнаруживается в непосредственной близости от других объектов рязанско-литовского договора (Тула, Ретань, Спаш и, возможно, Заколотень) и на территории Алексинского уезда, в состав которого входил Гордеевский по духовной Ивана III. Отметим, что в XVII–XVIII вв. пустошь Гордеевская находилась на землях Конинского стана Алексинского уезда и восточнее территории Нюховского стана Тульского уезда. Напомним, что в духовной Ивана III Гордеевский упомянут как раз между Кониным и Нюховой. Стоит отметить, что в нескольких километрах восточнее пустоши Гордеевской, у с. Варфоломеева, в 2014 г. был найден клад пражских грошей XV в. Рядом с местом находки клада было выявлено селище Варфоломеево 2, датируемое XV — первой половиной XVI в.⁹³ Это показывает, что в XV в. бассейн р. Упки был заселен.

Относительно этимологии названия села Пречистое Гордеевское стоит отметить, что, вероятно, в населенном пункте находилась церковь, освященная в честь одного из праздников, связанных с Богородицей.

Археологическое обоснование этой локализации наталкивается на проблемы. На плане генерального межевания пустоши Балымовой показан «земляной вал»⁹⁴. В археологической литературе этот памятник известен как городище Кетри и датируется ранним железным веком, эпохой роменской культуры (IX–X вв.) и XII–XIII вв. (в «археологической карте России») или даже

⁹³ Воронцов А. М., Гриценко В. П., Столярова К. А., Фомин К. Н., Шабанин Г. А., Шеков А. В. Новые находки пражских грошей в Тульской области // Город средневековья и раннего нового времени II (V): Археология, история. Материалы V Всерос. семинара. Тула, 2016. С. 245.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 535. Ч. 1. Ед. хр. Б — 13 син.

XII–XIV вв. (у А. В. Григорьева)⁹⁵. Обращение же к отчету К. Н. Фомина, который исследовал памятник в 2000 г., показало, что на площадке городища встречается только раннекруговая керамика XI–XII вв.⁹⁶ Работы И. С. Простякова на городище позволили выделить два этапа его существования: X — начало XI в. и вторая половина XI — первая половина XII в.⁹⁷ Таким образом, связывать городище Кетри с центром волости Гордеевской не стоит. Правда, нельзя полностью исключать, что история административной единицы не прекратилась с исчезновением жизнедеятельности в границах укрепленной площадки городища. Возможно, Гордеевское (Гордеев) было неукрепленным центром сельской округи. Отметим, что Гордеевское (Гордеев) отсутствует в списке городов Свидригайло (1432 г., по С. В. Полехову), в отличие от Тулы, Берестья Ретани и Дороженя⁹⁸.

Нижнее течение р. Упки довольно хорошо изучено археологически⁹⁹. И здесь не известны городища со слоями XIV–XV вв., только сельские поселения. Возможно, центром волости Гордеевой было неукрепленное поселение. В частности, на Гордеевском овраге или поблизости от него известно селище Луковицы 1, датированное XV–XVI вв. Оно занимает площадь ок. 4,5 тыс. кв. м (90 × 50 м)¹⁰⁰. Его уверенно можно связать с пустошью, «что было сельцо Пречистой Гордеевской», алексинской писцовою книги 1620-х гг.

В таком случае надо продолжить работу по изучению размеров и времени существования средневековых поселений в бассейне р. Упка. Может быть, перспективным окажется сравнение структуры расселения в районе пустоши Гордеевской с другими средневековыми волостями, на территории которых не известны синхронные укрепленные городища (Нюхова, Беспута). Предложенная выше локализация Гордеевской является вероятной, но требующей дополнительного обоснования в контексте структур расселения правобережья р. Оки XIV–XV вв. (см. цв. вклейку, рис. 2).

References

Arkheologicheskaya karta Rossii: Tul'skaya oblast' [Archaeological Map of Russia: Tula Region]. Moscow: IA RAN Publ., 1999, part 1. (In Russian).

Arkheologicheskaya karta Rossii: Tul'skaya oblast' [Archaeological Map of Russia: Tula Region]. Moscow: IA RAN Publ., 2002, part 2. (In Russian).

Belikov V. Yu., Kolycheva V. I. [Documents on the Land Tenure of the Vorotynsky Princes in the Second Half of the 16th — Early 17th Centuries]. *Arkhirv russkoy istorii* [Archive of Russian history]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1992, iss. 2, pp. 94–121. (In Russian).

Bespalov R. A. [Monetary Circulation in the Upper Reaches of the Oka and Don Rivers in the Second Half of the 14th — First Third of the 15th Century in the Context of the Political History of the Region]. *Pozdnesrednevekovyy gorod III: arkheologiya i istoriya: Materialy III Vseros. seminara* [Late Medieval

⁹⁵ Археологическая карта России: Тульская область. М., 2002. Ч. II. № 1390. С. 151; Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005. № 9. С. 177–178.

⁹⁶ Архив ИА РАН. Р-1. Ед. хр. 24289. Фомин К. Н. Отчет об археологических исследованиях в Тульской обл. в 2000 г. Т. II. Л. 16–17. Карта 21–27; Григорьев А. В. Славянское население... С. 14, 17, 28, 142, 167–168, 173, 186–187; Шеков А. В. Политическая история и география... С. 138, 315–317. Основным хронологическим маркером первой половины XII столетия является керамика IV типа по А. В. Григорьеву. Ее характеристику см.: Григорьев А. В. Славянское население... С. 128–133.

⁹⁷ Архив ИА РАН. Р-1. Ед. хр. 64267. Простяков И. С. Отчет об археологических раскопках на городище у бывшей деревни Кетри, расположенном на территории муниципального образования г. Тула в 2019 г. Л. 70. Автор выражает благодарность И. С. Простякову за возможность ознакомиться с отчетом.

⁹⁸ Полехов С. В. «Список городов Свидригайла»: датировка и публикация // ДРВМ. 2014. № 4 (58). С. 119; Он же. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е гг. XV в. М., 2015. С. 522.

⁹⁹ Архив ИА РАН. Р-1. Ед. хр. 24289. Фомин К. Н. Отчет об археологических исследованиях в Тульской обл. в 2003 г. Л. 4–5; Ед. хр. 48641; Столярова К. А. Отчет об археологических разведках в Ленинском и Щекинском районах Тульской обл. в 2014 г. Л. 11–15. Карта 2–17; Воронцов А. М., Гриценко В. П., Столярова К. А., Фомин К. Н., Шибанин Г. А., Шеков А. В. Новые находки пражских грошей... С. 267–268. Карта 12–13. Автор выражает благодарность И. С. Простякову, К. А. Столяровой и К. Н. Фомину за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами отчетов по итогам археологических исследований.

¹⁰⁰ Воронцов А. М., Гриценко В. П., Столярова К. А., Фомин К. Н., Шибанин Г. А., Шеков А. В. Новые находки пражских грошей... С. 268. Карта 13; Архив ИА РАН. Р-1. Ед. хр. Ед. хр. 33564; Фомин К. Н. Отчет об археологических исследованиях в Тульской обл. в 2003 г. Л. 4–5.

City III: Archaeology and History: Proceedings of the 3rd All-Russian Seminar]. Tula: Gos. voyenno-ist. i prirodnyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2011, pp. 84–97. (In Russian).

Burtsev I. G. [Problems of Historical Geography of the Tula Region: From Description to Study]. *Istoricheskaya geografiya: Prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve: Materialy XXIII mezhdunar. nauch. konf.* [Historical Geography: Human Space vs Human in Space: Proceedings of the 23rd International Sci. Conf.]. Moscow: RGGU Publ., 2011, pp. 192–194. (In Russian).

Burtsev I. G., Shekov A. V. [On the Method of Complex Use of Sources in Historical Geography (On the Example of the Oka-Don Watershed in the 14th–16th Centuries)]. *Problemy istoricheskoy geografii i demografii Rossii* [Problems of Historical Geography and Demography of Russia]. Moscow: In-t rossiyskoy istorii RAN Publ., 2013, iss. 2, pp. 138–167. (In Russian).

Cherepnin L. V. *Russkiye feodal'nyye arkhivy XIV–XV vekov* [Russian Feudal Archives of the 14th–15th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1948, part 1. (In Russian).

Deduk A. V. [On the question of the Historical Topography of Aleksin in the 14th–16th Centuries]. *Rus' v XIII–XV vv.: Novyye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii* [Rus' in the 13th–15th Centuries: New Discoveries in the Field of Archaeology and History]. Moscow: Indrik Publ., 2021, pp. 223–238. (In Russian).

Deduk A. V., Shekov A. V. [Regarding the Question of the Land Ownership of the Princes Volkonskys in the First Half of the 17th Century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Old Russia. The questions of Middle Ages], 2021, no. 2 (84), pp. 79–90. DOI: 10.25986/IRI.2021.84.2.007 (In Russian).

Deduk A. V., Shekov A. V. [The Cadaster of the Aleksin District of 1627/1628–1628/1629 as a Source of Historical Geography of the Upper Oka Principalities]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Old Russia. The questions of Middle Ages], 2018, no. 3 (73), pp. 34–41. (In Russian).

Ekimov Yu. G., Zatsarinny S. V. [Stages of Populating and Chronology of the Medieval Sorokin Settlement]. *Voprosy arkheologii, istorii, kul'tury i prirody Verkhnego Pooch'ya: Materialy X Region. nauch. konf.* [Issues of Archaeology, History, Culture and Nature of the Upper Poochie: Proceedings of the 10th Regional Sci. Conf.]. Kaluga: Grif Publ., 2003, pp. 24–28. (In Russian).

Eskin Yu. M. *Opisaniye podlinnykh mestnicheskikh del* [Description of Genuine Local Affairs]. Moscow: Kvadriga Publ., 2017. (In Russian).

Fomin K. N. [Historical Topography of Tula in the 16th — early 19th Centuries]. *Pozdnesrednevekovyy gorod: arkheologiya i istoriya* [Late Medieval city: Archaeology and History]. Tula: Gos. voyenno-ist. i prirodnyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2007, part 1, pp. 37–51. (In Russian).

Fomin K. N. [Old Tula (16th — early 19th Century): Based on Materials from Archaeological Research]. *Tul'skiy krayevedcheskiy al'manakh* [Tula Local Lore Almanac]. Tula: Infra Publ., 2004, iss. 2, pp. 5–14. (In Russian).

Grigoriev A. V. *Slavyanskoye naseleniye vodorazdela Oki i Dona v kontse I — nachale II tys. n. e.* [Slavic Populating of the Oka and Don Watershed at the End of the 1st — Beginning of the 2nd Millennium AD]. Tula: ZAO "Reproniks" Publ., 2005. (In Russian).

Gritsenko V. [P.], Naumov A. [N.] [Ancient Tula: Problems of Localization and History]. *Tul'skiy krayevedcheskiy al'manakh* [Tula Local Lore Almanac]. Tula: Infra Publ., 2003, iss. 1, pp. 6–11. (In Russian).

Gritsenko V. P. [To the Question of the Location of the Chronicle Tula]. *Tula istoricheskaya: proshloye i nastoyashcheye* [Historical Tula: Past and Present]. Tula: TulGU Publ., 1997, pp. 13–15. (In Russian).

Gritsenko V. P. [Torkhovo Settlement and its Surroundings]. *Istoriko-arkheologicheskiye chteniya pamyati N. I. Troitskogo* [Historical and Archaeological Readings in Memory of N. I. Troitsky]. Tula: "Grif i K" Publ., 1997, iss. 1, pp. 20–22. (In Russian).

Ilyin A. A. *Klassifikatsiya russkikh udel'nykh monet* [Classification of Russian Principalities Coins]. Leningrad: S. n., 1940, iss. 1. (In Russian).

Ivanov N. V., Shebanin G. A. [Political Affiliation of the Basins of the Plava and Solova Rivers in the Second Half of the 14th–15th Century]. *Verkhneye Podon'ye: Priroda. Arkheologiya. Istoriya* [Upper Don: Nature. Archaeology. History]. Tula: Infra Publ., 2004, vol. 2, pp. 68–77. (In Russian).

Kashtanov S. M. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Rossii kontsa XV — pervoy poloviny XVI v.* [Socio-political History of Russia of the Late 15th — First Half of the 16th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1967. (In Russian).

Kelembet S. N. [Tarusa Principality and its Portions]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Moscow: Indrik Publ., 2018, iss. 13, pp. 69–124. (In Russian).

Khoruzhenko O. I. [Genealogy as the Construction of Family Memory. The Textual Analysis of the Genealogies of Princes Volkonsky in the 16th–17th cc]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2012, iss. 41, pp. 203–234. (In Russian).

Khoruzhenko O. I. [The 16th Century Letters of the Princes Volkonsky: A Diplomatic Research]. *Rossiiskaia Istorია* [Russian History], 2022, no. 1, pp. 37–46. DOI: 10.31857/S0869568722010046 (In Russian).

Khoruzhenko O. I. *Istoricheskaya geografiya Obolenskogo uyezda XVII–XVIII vekov* [Historical Geography of the Obolensky District of the 17th–18th Centuries]. Moscow: Kvadruga Publ., 2019. (In Russian).

Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston: Brill, 2011. (In English).

Kuczyński S. M. *Ziemle czernihowski-siewierskie pod rządami Litwy* [Chernihiv-Seversk Lands under Lithuanian Rule]. Warsaw: Fundusz Kultury Narodowej Publ., 1936. (In Polish).

Lavrentiev A. V. *Posle Kulikovskoy bitvy: Ocherki istorii Oksko-Donskogo regiona v posledney chetverti XIV — pervoy chetverti XVI v.* [After the Battle of Kulikovo: Essays on the History of the Oka-Don Region in the Last Quarter of the 14th — First Quarter of the 16th Century]. Moscow: Kvadruga Publ., 2011. (In Russian).

Nartsissov P. [Monuments of the Times of the Tatars]. *Po Tul'skomu krayu (posobiye dlya ekskursiy)* [Across the Tula Region (A Guide for Excursions)]. Tula: Izd-vo Tul'skogo gubispolkoma Publ., 1925, pp. 557–578. (In Russian).

Naumov A. N. [On Two Approaches to the Question of the Location of Ancient Tula]. *Tula istoricheskaya: proshloye i nastoyashcheye* [Historical Tula: Past and Present]. Tula: TulGU Publ., 1997, pp. 16–20. (In Russian).

Petrun F. [Eastern Border of the Grand Duchy of Lithuania]. *Zbirnyk Istorychno-filolohichnoho viddilu UAN. Yuvileynyy zbirnyk na poshanu akad. M. S. Hrushevs'koho* [Collection of the Historical and Philological Department of the Ukrainian Academy of Sciences. Jubilee Collection in Honor of Acad. M. S. Hrushevskiy]. Kyiv: Druk. Vseukrayyns'koyi akad. nauk Publ., 1928, no. 76, part 1, pp. 165–168. (In Ukrainian).

Pliguzov A. I. [On the Variants of the Sudebnik and the Spiritual Diploma of Ivan III]. *Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossiyskogo i zarubezhnogo prava XI–XIX vv.* [The Sudebnik of 1497 in the Context of the History of Russian and Foreign Law of the 11th–19th Centuries]. Moscow: Parad Publ., 2000, pp. 138–148. (In Russian).

Polekhov S. V. [The List of Svitrigaila's Towns. Dating and Edition]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2014, no. 4 (58), pp. 111–125. (In Russian).

Polekhov S. V. *Nasledniki Vitovta: Dinasticheskaya vojna v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-ye gg. XV v.* [Vitovt's Heirs: Dynastic War in the Grand Duchy of Lithuania in the 30s of the 15th Century]. Moscow: Indrik Publ., 2015. (In Russian).

Shebanin G. A. [Historical Geography of the Western Part of the Ryazan Principality of the 12th — early 16th Century]. *Velikoye knyazhestvo Ryazanskoye: Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya i materialy* [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and Archaeological Research and Materials]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2005, pp. 458–479. (In Russian).

Shebanin G. A. [To the Question of the Localization of Dorozhen]. *N. I. Troitskiy i sovremennyye issledovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noy Rossii* [N. I. Troitsky and Modern Studies of the Historical and Cultural Heritage of Central Russia]. Tula: Gos. muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2002, vol. 1, pp. 209–213. (In Russian).

Shekov A. V. [Verkhovskiy Princes and Their Possessions during the Campaigns of Khan Akhmat against Russia]. *Velikoye stoyaniye na reke Ugre i formirovaniye Rossiyskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal'nyye i global'nyye konteksty* [The Great Stand on the Ugra River and the Formation of the Russian Centralized State: Local and Global Contexts]. Kaluga: Izdatel' Zakharov S. I. ("SerNa") Publ., 2017, pp. 381–404. (In Russian).

Shekov A. V. [Volkona — Urban Center of the Princely Inheritance of the Late 14th–15th Century]. *Gorod srednevekov'ya i rannego novogo vremeni: Arkheologiya. Istoriya: Materialy IV Vseros. seminara* [City of the Middle Ages and Early Modern Times: Archaeology. History: Proceedings of the 4th All-Russian Seminar]. Tula: Gos. voyenno-ist. i prirodnyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2013, pp. 93–136. (In Russian).

Shekov A. V. *Politicheskaya istoriya i geografiya Verkhovskikh knyazhestv: Seredina XIII — seredina XVI v.* [Political History and Geography of the Verkhovsky Principalities: the Mid-13th — Mid-16th Century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2018. (In Russian).

Shekov A. V. *Verkhovskiye knyazhestva: Seredina XIII — seredina XVI v.* [Verkhovsky Principalities: The Mid-13th — Mid-16th Century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2012. (In Russian).

Smolitskaya G. P. *Gidronimiya basseyna Oki: (spisok rek i ozer)* [Hydronymy of the Oka Basin: (List of Rivers and Lakes)]. Moscow: Nauka Publ., 1976. (In Russian).

Stolyarov E. V., Fomin K. N. [Pre-city Cultural Layers in the Historical Center of Tula]. *Gorod srednevekov'ya i rannego novogo vremeni: Arkheologiya. Istoriya: Materialy IV Vseros. seminara* [City of the Middle Ages and Early Modern Times: Archaeology. History: Proceedings of the 4th All-Russian Seminar]. Tula: Gos. voyenno-ist. i prirodnyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2013, pp. 18–32. (In Russian).

Stolyarova K. A., Stolyarov E. V., Petrov Yu. Yu. [Study of the Northern Periphery of the Maysky Archaeological Complex (Shchekinsky District)]. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'ye* [Archaeological Research in the Central Chernozem region]. Lipetsk; Voronezh: OOO "Novyy vzglyad" Publ., 2017, pp. 188–191. (In Russian).

Temushev V. N. *Na vostochnoy granitse velikogo knyazhestva Litovskogo* [On the Eastern Border of the Grand Duchy of Lithuania]. Tula: Kulikovo pole Publ., 2016. (In Russian).

Troitsky N. I. *Tul'skiye drevnosti* [Tula Antiquities]. Tula: Priokskoye kn. izd-vo Publ., 2002. (In Russian).

Vorontsov A. M., Gritsenko V. P., Fomin K. N., Shekov A. V. [Late Medieval Layers of the Torkhovsky Settlement]. *Pozdnesrednekovyy gorod III: arkheologiya i istoriya: Materialy III Vseros. seminara* [Late Medieval City III: Archaeology and History: Proceedings of the 3rd All-Russian Seminar]. Tula: Gos. voyenno-ist. i prirodnyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2011, pp. 23–59. (In Russian).

Vorontsov A. M., Gritsenko V. P., Stolyarova K. A., Fomin K. N., Shebanin G. A., Shekov A. V. [New Finds of Prague Pennies in the Tula Region]. *Gorod srednevekov'ya i rannego novogo vremeni II (V): Arkheologiya, istoriya. Materialy V Vseros. seminara* [City of the Middle Ages and Early Modern Times II (V): Archaeology, History. Materials of the 5th All-Russian Seminar]. Tula: Gos. voyenno-ist. i prirodnyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2016, pp. 243–282. (In Russian).

Zaidov O. N., Shebanin G. A. [On the Question of the Route of the Troops of Dmitry Donskoy to the Kulikovo Field]. *Dmitriy Donskoy i epokha vozrozhdeniya Rusi: Sobytiya, pamyatniki, traditsii* [Dmitry Donskoy and the Era of Rus' Revival: Events, Monuments, Traditions]. Tula: Tul. poligrafist Publ., 2001, pp. 155–161. (In Russian).

Zaitsev A. K. [Historical and Geographical Study of the Kulikovo Field Area]. *Kulikovo pole i donskeye poboishche 1380 g.* [Kulikovo Field and the Don Battle of 1380]. Moscow: GIM Publ., 2005, pp. 181–208. (Proceedings of the State Historical Museum; iss. 150). (In Russian).

Zaitsev A. K. [Where was the "place named Berezu" "Tales of Mamaev's Massacre"?]. *Verkhneye Podon'ye: Priroda. Arkheologiya. Istoriya* [Upper Don: Nature. Archaeology. History]. Tula: Infra Publ., 2004, vol. 2, pp. 5–12. (In Russian).

Zaitsev V. V. [On the Time and Place of Minting the Spassky Money]. *Numizmaticheskiy al'manakh* [Numismatic Almanac], 2010, no. 1 (39), pp. 10–16. (In Russian).

Zatsarinny S. V. [Closed Complex of the 15th Century from the Sorokin Settlement (To the Question of the Localization of the Chronicle Aleksin)]. *Kulikovo pole: Istoricheskiy landshaft. Priroda. Arkheologiya. Istoriya* [Kulikovo Field: Historical Landscape. Nature. Archaeology. History]. Tula: Tul. poligrafist Publ., 2003, vol. 2, pp. 96–112. (In Russian).

Zatsarinny S. V. [The Old Russian Settlement Kar'yer-1 Near the City of Shchekino]. *Verkhneye Podon'ye: Arkheologiya. Istoriya* [Upper Don: Archaeology. History]. Tula: Gos. muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2008, iss. 3, pp. 58–102. (In Russian).

Zimin A. A. [About the Chronology of Spiritual and Contractual Letters of the Great and Local Princes of the 14th–15th Centuries]. *Problemy istochnikovedeniya* [Problems of Source Studies]. Moscow: Nauka Publ., 1958, iss. 6, pp. 275–324. (In Russian).

Zimin A. A. [Textology of the Lengthy Edition of Ranks Books (For 1475–1537)]. *Arkhiv russkoy istorii* [Archive of Russian History]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1992, iss. 2, pp. 149–170. (In Russian).

УДК 94(470.313)“14”

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-20-35

Шеков Александр Владимирович

к. и. н., доцент, независимый исследователь (Россия, Тула)

ORCID: 0000-0002-7010-9672

E-mail: shekovav@mail.ru

**К вопросу о землевладении
в Смоленской земле и Мстиславском княжестве XV в.**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются некоторые вопросы феодального землевладения на Смоленщине и в Мстиславском княжестве XV в., недостаточно освещенные в историографии. Уточняется, что земли в волости Молохва, переданные литовским великим князем Витовтом Мстиславскому княжеству, были возвращены Смоленской земле не позже 1448 г., скорее всего, около 1442 г. Локализуются поселение Ржавеск около Молохвы, волость Нагать на левом берегу р. Днепр, сельцо Мошенское в Верхнем Посожье, пожалованные литовскими правителями князьям Мунче Селеменевичу, Крошинским и С. И. Глинскому в Смоленской земле. Очевидно, еще при Витовте князья Крошинские получили во владение не только северо-восточные вяземские волости, но и земли около Смоленска. Скорее всего, от Витовта получил во владение юго-восточные вяземские волости князь С. И. Глинский. К 1440 г. этот князь владел волостью Нагать, возвращенной не позже 1447/1448 г. князю Ф. Крошинскому в качестве его отчины. Брат князя С. И. Глинского — Борис Иванович получил сельцо Ходосово под Мстиславлем, предположительно от литовского великого князя Сигизмунда Кейстутовича, в 1438 — начале 1440 г. Около Нагати в Верхнем Посожье король Казимир IV пожаловал в 1448 г. князю Ф. Л. Воротынскому двор Немчиновское. Несколько южнее в 1481 г. этот король передал под власть князей М. И. и Ф. И. Одоевских свой двор Болваничи на левом берегу р. Сож с зависимыми землями. Литовские правители XV в. жаловали на Смоленщине земли не только местным боярам, но и членам различных княжеских родов. В конце этого столетия отдельные смоленские землевладельцы, занимавшие высокие административные должности, создавали в этом регионе собственные сеньории. Прежде всего это смоленский казначей князь К. Ф. Крошинский и известный сановник И. С. Сопега.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Смоленская земля, Мстиславское княжество, волость Молохва, князь Мунча, князья Глинские, князья Крошинские, князь Ф. Л. Воротынский, князья Одоевские

UDC 94(470.313)''14''

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-20-35

Alexander V. Shekov

Candidate of Historical Sciences (Russia, Tula)

ORCID: 0000-0002-7010-9672

E-mail: shekovav@mail.ru

**On the Issue of Land Ownership
in the Smolensk Land and the Mstislav Principality of the 15th Century**

ABSTRACT. The article deals with some issues of feudal land tenure in the Smolensk region and in the Mstislav principality of the 15th century, which are insufficiently covered in historiography. It is clarified that the lands in the Molokhva volost, transferred by the Lithuanian Grand Duke Vitovt to the Mstislav principality, were returned to Smolensk land no later than 1448, most likely around 1442. The following objects are located — Rzhavesk settlement near Molokhva, the Nagat volost on the left bank of the Dnieper river, the village of Moshenskoye in Upper Posozhye; they were granted by the Lithuanian rulers to the princes Muncha Selemenevich, Kroshinsky and S. I. Glinsky in the Smolensk land. Obviously even while under Vitovt, the princes Kroshinsky received possession not only of the northeastern Vyazma volosts, but also of the land near Smolensk. Most likely, Prince S. I. Glinsky received possession of the southeastern Vyazma volosts from Vitovt. By 1440, this prince owned the parish of Nagat, which was returned no later than 1447/48 r. to Prince F. Kroshinsky as his fatherland. The brother of Prince S. I. Glinsky, Boris Ivanovich, received the village of Khodosovo near Mstislavl, presumably from the Lithuanian Grand Duke Sigismund Keistutovich, in 1438 — early 1440. Near Nagati in Upper Posozhye, King Casimir IV granted in 1448 to Prince F. L. Vorotynsky yard Nemchinovskoe. Somewhat to the south, in 1481, this king transferred his court Bolvanichi on the left bank of the Sozh river with dependent lands to the authority of princes M. I. and F. I. Odoevsky. Lithuanian rulers of the 15th century granted land in the Smolensk region not only to local boyars, but also to members of various princely families. At the end of this century, individual Smolensk landowners, who held high administrative positions, created their own seigneuries in this region. First of all, these are the Smolensk treasurer Prince K. F. Kroshinsky and the famous dignitary I. S. Sopega.

KEYWORDS: Smolensk land, Mstislav principality, Molokhva volost, Prince Muncha, princes Glinsky, princes Kroshinsky, prince F. L. Vorotynsky, princes Odoevsky

В 1359 г. литовский великий князь Ольгерд захватил г. Мстиславль, принадлежавший Смоленскому княжеству¹. В 1386 г. литовским наместником в Мстиславле был князь Коригойло Ольгердович². Вскоре после гибели в 1390 г. этого князя Мстиславль с зависимыми землями были пожалованы в удел польским королем Ягайло-Владиславом своему брату — князю Семену-Лугвеню. Удельное княжество, очевидно, было образовано в 1392 г., когда Семен-Лугвень вернулся из Новгорода в Литву³. В 1403 г. по приказу литовского великого князя Витовта Семен-Лугвень захватил г. Вязьму и пленил местных князей из смоленских Рюриковичей — Ивана Святославича и Александра Михайловича⁴. В 1404 г. Смоленск был окончательно завоеван Витовтом и до конца июля 1514 г. находился в составе Великого княжества Литовского и Русского, управляясь сменявшимися друг друга наместниками⁵. Мстиславское княжество под властью Литвы существовало в 1392 — около 1438, 1440, 1446, 1447–1527 гг.⁶

Историческая география Смоленской земли и Мстиславского княжества под литовской властью впервые была детально рассмотрена М. К. Любавским в конце XIX в.⁷ В том числе он описал состав феодального землевладения на этих территориях. Диссертация Н. Б. Шеламановой, защищенная в 1970 г., посвящена исторической географии Смоленщины и других западных регионов России XVI в., в отношении проблем XV в. может быть использована лишь ретроспективно⁸. Дальнейшее серьезное изучение проблем исторической географии Смоленской земли XV в. было продолжено только в начале XXI в. В. Н. Темушевым⁹. Вопросы исторической географии Мстиславского княжества примерно в это же время были тщательно рассмотрены А. А. Метельским в капитальной монографии о Мстиславской земле в XII–XVIII вв.¹⁰ Исследование системы средневековых поселений Смоленщины, в том числе XV в., на основе комплексного привлечения источников проводится В. С. Курмановским¹¹. Тем не менее представляется возможным уточнить отдельные вопросы землевладения в этих исторических регионах.

Начнем с уточнения времени возвращения молоховских земель из состава Мстиславского княжества Смоленской земле. В привилее польского короля Александра Казимировича Смоленску от 1 марта 1505 г. записано, «што великий князь Витовт обернул был ко Мстиславлю

¹ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68.

² Там же. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 343; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 484; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów // Biblioteka Genealogiczna. Poznań; Wrocław, 1999. Т. 2. S. 145–146; Лицкевич О. В. «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора. СПб., 2019. С. 195–196.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.-Л., 1950. С. 385; Лицкевич О. В. «Летописец великих князей литовских»... С. 200, 522–526.

⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 394, 395; Т. 6. Вып. 1. Стб. 522; Спб., 1913. Т. 18. С. 150, 281.

⁵ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 395–397; Т. 6. Вып. 1. Стб. 523–524; Т. 18. С. 150, 281; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 2-е изд. М., 2010. С. 186–189, 217–220.

⁶ Мяцельскі А. А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. 2-е выд. Мінск, 2014. С. 124–166.

⁷ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. С. 13–15, 32–35, 136–139, 267–287, 352–354, 356.

⁸ Шеламанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. Кн. 2. С. 1–105.

⁹ Темушев В. Н. К вопросу о московско-литовской границе XV в. (владения князей Крошинских) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 102–103; Он же. Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009. С. 26–53; Он же. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013. С. 136–182, 193–220; Он же. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV — первая половина XVI в. Тула, 2016. С. 6–44, 65–90, 95–110, 263–272, 280–286 (то же в пер. на белорусский язык: Цемушаў В. М. На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV — першая палова XVI ст.). Смаленск, 2014. С. 11–65, 92–127, 134–155, 360–374, 386–393).

¹⁰ Мяцельскі А. А. Мсціслаўскае княства... С. 116–166, 616–620.

¹¹ Курмановский В. С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: предварительные результаты // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск, 2017. С. 82–105; Он же. К исторической географии местности Вержавляне Великие // История военного дела: исследования и источники. 2015. Спецвып. 4. Ч. 1. С. 150–179. [Электронный ресурс] URL: <http://www.milhist.info/2015/09/23/kurmanovsky> (дата обращения: 23.09.2015); Он же. Территориальные структуры центральных районов Смоленской земли в XI–XV веках. К постановке проблемы // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М., 2018. С. 126–142.

Смоленское волости молоховский люди, и тые люди его милость опять привернул к Молохве по-старому...»¹². М. К. Любавский отметил упоминания в книгах Литовской Метрики волости Молохва (Молоховской волости) и Молоховского пути как одной, по его мнению, административно-территориальной единицы, расположенной на р. Молохве (совр. р. Молоховка — прав. пр. р. Вихра — прав. пр. р. Сож)¹³. Территория Молохвы XV — начала XVI в. была картографирована В. С. Курмановским в границах Молоховского стана Смоленского уезда второй половины XVII в.¹⁴ Исследователь предположил, что центром Молоховского пути, где концентрировалось землевладение мелких военно-служилых людей — «слуг», был Мартиновский литовский великокняжеский двор на Молохве¹⁵.

Действительно, в акте 1494 г. упомянут «Мартиновского двора повет на Молохве». К этому двору относились сельца, которые ранее литовский великий князь Александр Казимирович (с 1492 г.) пожаловал смоленским боярам Тереховичам и Голосовичу¹⁶. Кроме того, в волости были молоховский «приказник» и молоховские бояре¹⁷. В ходе судебного разбирательства в 1495 г. они и «мужи старые» были свидетелями того, что дед и отец смоленских бояр Тереховичей владели сельцом Руковское-Ходориковское в Молохве во времена смоленских наместников Судивоя (1445–1447 гг.) и Семена Гедигольдовича (1447–1451 гг.)¹⁸. Сами Тереховичи предоставили грамоту смоленского наместника князя Семена Ямонтовича (вероятно, 1441–1445 гг.) о признании прав их деда на это земельное владение в итоге судебного разбирательства с молоховскими «людьми»¹⁹. По акту 1495 г., сельцо находилось недалеко от имения Хролковичи, которое локализовано В. С. Курмановским в южной части Молоховского стана Смоленского уезда XVI–XVIII вв.²⁰ Очевидно, сельцо Руковское-Ходориковское находилось на руч. Рышковской (прав. пр. р. Фроловка — лев. пр. р. Городня — прав. пр. р. Вихра), судя по карте Генерального межевания Краснинского уезда Смоленской губернии второй половины XVIII в.²¹ Сейчас примерно там находится д. Красатинка — в 2,5 км к юго-востоку от д. Андрусово, места заключения русско-польского перемирия 1667 г.²²

В 1442/43 г. (6-й индикт) литовский великий князь Казимир Ягайлович пожаловал «на Молохве» некоему Ермолу тяглому человека²³. В составе 4-й книги записей Литовской Метрики сохранился список князей, бояр и иных военно-служилых людей Смоленской земли²⁴. По мнению М. М. Крома, он датируется второй половиной 1480-х гг.²⁵ В этом списке приведены персональные перечни «Слуги Молоховского путя пансырнии», «Слуги Молоховского путя щытнии» и «Слуги Молоховского ж путя, што конь дают на третий год»²⁶. Социальный статус этих военно-служилых людей частично ясен из пожалования короля Александра Казимировича

¹² Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5 (1427–1506) / Par. E. Banionis. Vilnius, 1993 (1994). № 157. P. 272. Ранее привилей публиковался в: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. № 213. С. 359–363; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М., 1915. С. 369–373.

¹³ Любавский М. К. Областное деление.... С. 274–276, 352.

¹⁴ Курмановский В. С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г. С. 95. Рис. 2; Он же. Территориальные структуры... С. 127–132. Рис. 1–3; Шеламанова Н. Б. Указ. соч. С. 88–90.

¹⁵ Курмановский В. С. Территориальные структуры... С. 129, 131.

¹⁶ РИБ. СПб., 1910. Т. 27. № 78. Стб. 592–593; также см.: № 61. Стб. 571–573.

¹⁷ Там же. № 61. Стб. 571–572; № 78. Стб. 592–593; № 101. Стб. 621–623.

¹⁸ РИБ. Т. 27. № 101. Стб. 621–624; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy / Pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2003. Т. 4. S. 49–50. О Тереховичах см.: Кром М. М. Указ. соч. С. 285.

¹⁹ РИБ. Т. 27. № 101. Стб. 622; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. Т. 4. S. 49.

²⁰ РИБ. Т. 27. № 101. Стб. 622; Курмановский В. С. Территориальные структуры... С. 127. Рис. 1.

²¹ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5378. Архивный картографический материал для этой статьи любезно подобран А. В. Дедуком, которому выражаю искреннюю благодарность.

²² Смоленская область. Топографическая карта. [Без м. изд.] 1996. С. 37; Полный исторический атлас России. М., 2010. С. 37.

²³ РИБ. Т. 27. Стб. 38 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3 (1440–1498) / Par. L. Anužytė, A. Baliulis. Vilnius, 1998. P. 33).

²⁴ РИБ. Т. 27. № 141. Стб. 477–508 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4 (1479–1491) / Par. L. Anužytė. Vilnius, 2004. № 141. P. 152–165).

²⁵ Кром М. М. Указ. соч. С. 235; Бережков Н. Г. Литовская Метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. Ч. 1. С. 78, 93–94, 119, 149.

²⁶ РИБ. Т. 27. № 141. Стб. 498–499, 500–501, 507 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. № 141. P. 161–162, 165).

в 1503 г. своему дворянину Михаилу Олтуфьевичу Старому по его просьбе села в Молоховской волости, которое являлось одной окладной единицей — «панцирной службой» Ходневых. Последние несли конную военную службу «на третий год» и платили медовую дань в монастырь Св. Петра²⁷. Ходневы упомянуты в третьем из названных перечней «слуг Молоховского пути»²⁸. Очевидно, Молоховский путь составляли такие окладные «службы» мелких военно-служилых людей, и он был частью Молоховской волости²⁹. О том, что последняя имела неоднородный состав, свидетельствует ее характеристика в списке московско-литовской перемирной грамоты 1522 г. — «Молохвы всей, что к ней потягло». При этом остальные смоленские пограничные волости просто перечислены³⁰.

Скорее всего, приведенная характеристика появилась в итоге зафиксированной, по крайней мере, в указанном привилее 1505 г., Смоленску информации о передаче великим князем Витовтом части Молохвы в состав Мстиславского княжества. О том, что к Мстиславу была придана только часть волости, можно судить о ее возвращении в состав той же волости — «опять привернул к Молохве по-старому»³¹. Под власть мстиславского князя Витовт передал молоховских «людей», а не панцирных или щитных «слуг»³². Это были земли феодально зависимых крестьян, обремененные платежами дани и несением повинностей³³. Наиболее вероятно, это произошло после окончательного завоевания Смоленска Витовтом в 1404 г.³⁴

«Его милостью», которая вернула земли в состав смоленской волости Молохвы, согласно привилею 1505 г., был отец короля Александра — Казимир. Фрагмент текста о Молохве и ее «людях» является частью пересказа более раннего привилея Смоленску литовского великого князя Казимира Ягайловича с целью его подтверждения³⁵. Последний выдал привилей, «будучи еще великим князем», то есть до того, как стал польским королем в июне 1447 г.³⁶ В историографии принято, предположительно, считать, что это произошло в 1442 г. — после подавления смоленского восстания 1440 г. и с началом великокняжеских пожалований в Смоленской земле, датированных 6-м индиктом (1442/43 г.)³⁷.

Действительно, как указано выше, в 1495 г. свидетели помнили, что бояре Тереховичи владели селцом Руковское-Ходориковское в Молохве при смоленских наместниках Судивое (1445–1447 гг.) и Семене Гедигольдовиче (1447–1451 гг.)³⁸. Напомним, что в 1446 г. Мстиславль стал центром удела перешедшего на литовскую службу московского князя Василия Ярославича³⁹. В конце года он оставил свои литовские владения и неожиданно вернулся в Москву, восстановив там власть великого князя Василия Васильевича⁴⁰. В 1447 г. король Казимир Ягайлович снова передал земли Мстиславского княжества под власть князя Юрия Семеновича⁴¹. В 1431 — около 1438 г., после смерти своего отца Семена-Лугвеня, и в 1440 г. Юрий уже был мстиславским князем, а с 1447 г. оставался им до своей смерти, произошедшей около 1460–1461 гг.⁴²

²⁷ РИБ. Т. 27. № 264. Стб. 869–870; Доўнар-Запольскі М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009. С. 217.

²⁸ РИБ. Т. 27. № 141. Стб. 507 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. № 141. P. 165).

²⁹ Шеков А. В. К вопросу о социальном статусе путных бояр Московской Руси // Сборник статей и публикаций, посвященный А. А. Булычеву. М., 2020. С. 249–267; ср.: Курмановский В. С. Территориальные структуры... С. 129.

³⁰ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. № 93. С. 639.

³¹ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5. № 157. P. 272.

³² Там же.

³³ Доўнар-Запольскі М. В. Дзяржаўная гаспадарка... С. 204–205, 212–214.

³⁴ Мяцельскі А. А. Указ. соч. С. 143; Курмановский В. С. Территориальные структуры... С. 128.

³⁵ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5. № 157. P. 272; Кром М. М. Указ. соч. С. 186.

³⁶ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5. № 157. P. 272; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 141.

³⁷ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 60; РИБ. Т. 27. Стб. 38 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 33); Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 116; Кром М. М. Указ. соч. С. 186.

³⁸ РИБ. Т. 27. № 101. Стб. 621–624.

³⁹ ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т. 25. С. 266–268; Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М., 2008. С. 158–160.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 268–269.

⁴¹ Варонін В. А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі: Гістарычны партрэт. Мінск, 2010. С. 34–36; Мяцельскі А. А. Указ. соч. С. 133.

⁴² Варонін В. А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі... С. 16, 20, 22, 25, 28, 44–47; Мяцельскі А. А. Указ. соч. С. 129, 131–132, 133.

Таким образом, названное сельцо, расположенное в южной части волости Молохва, граничившей с Мстиславским княжеством, в 40-е гг. XV в. в состав последнего не входило. Либо оно не относилось к землям, которые «великий князь Витовт обернул был ко Мстиславлю», либо относилось, и великий князь Казимир Ягайлович «опять привернул к Молохве по-старому» это сельцо около 1442 г.⁴³ Князь Семен Ямонтлович, бывший смоленским наместником, примерно в 1441–1445 гг. уже рассматривал спор о земле сельца Руковское-Ходориковское⁴⁴.

Однако А. А. Метельский предположил, что возвращение земель Молоховской волости в состав Смоленского наместничества произошло в 1486–1487 гг., после смерти мстиславского князя Ивана Юрьевича⁴⁵. Мнение основано на записи в Литовской Метрике о пожаловании в 11-м индикте королем Казимиром Ягайловичем Мунче Селеменевичу Ржавеска «у Смоленску», где под его власть передавалась одна «служба» из шести человек. Эти люди платили дань церкви Св. Троицы, и на дань права Мунчи не распространялись. Кроме того, «в тые ему люди не вступатися, что под городом Молоховские люди; велели есмо тым людям к Смоленску тягнути по давному»⁴⁶.

При пане Гаштольде князю Мунче было пожаловано Давыдово дворище. Запись об этом сделана среди записей в Метрике о раздаче земель «у Мстиславли и у Кричеве», «у Мстиславли», очевидно, при Иване Гаштольде, воеводе трокском в 1440–1443 гг., воеводе виленском в 1443–1458 гг.⁴⁷ Если она относилась к мстиславским землям, то Давыдово дворище было пожаловано не позже начала 1446 г., когда Мстиславль был отдан в удел князю Василию Ярославичу⁴⁸. Десятым индиктом датирована запись: «Мунчи на отмену под Микиткою Дасуговичом боярское поместье...» Это пожалование было сделано от имени великого князя Казимира Ягайловича, то есть до 25 июня 1447 г., при писаре Семене Сопеге, то есть в 1446/47 г.⁴⁹ Таким образом, приведенную запись о молоховских «людях» под 11-м индиктом следует отнести не к 1486–1487 гг., а к периоду с 1 сентября 1447 г. по 31 августа 1448 г.⁵⁰

Подобным образом, «лист князя Федора Воротыньского о держанье города Козельска к великому князству Литовскому» был «писан у Троцех, в лето 6955, месяца февраля 5 день, индик(т) 11», то есть в 1448 г. (6955 г. по мартовскому стилю)⁵¹. Тогда же, 5 февраля 1448 г., в Троках князь Федор Львович Воротынский поручился королю Казимиру Ягайловичу за своего зятя, князя Ивана Андреевича Можайского. Запись об этом была сделана «в лето 6956 февраля 5 день, индик(т) 11», то есть по ультрамартовскому стилю⁵².

Однако где находился Ржавеск, пожалованный Мунче? Учитывая, что ему также было дано Давыдово дворище, отметим среди записей о раздачах владений в Смоленской земле одну из них: «Давыду Вержавеск до воли»⁵³. Этот Давыд, очевидно, был смоленским боярином, так как, по актам 1486 г., известен смоленский боярин Митько Давыдович⁵⁴. В уже упомянутом списке князей и бояр Смоленской земли 1480-х гг. в одном фрагменте перечислены сыновья князя Мунчи — Сенько и Ивашко; сыновья, брат и племянники боярина Ходыки; а также боярин Борис Давыдович⁵⁵.

⁴³ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5. № 157. P. 272.

⁴⁴ РИБ. Т. 27. № 101. Стб. 622.

⁴⁵ Мяцельскі А. А. Мсціслаўскае княства... С. 153. Иван Юрьевич умер «на службе в Киеве», вероятно, в 1484 г. (Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012. С. 282, 290; Шеков А. В. Политическая история и историческая география Верховских княжеств. Середина XIII — середина XVI в. М., 2018. С. 230–231. Прим. 681; Пятраўскас Р. Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст.: Склад — структура — улада. 2-е выд. Смаленск, 2014. С. 334). 1486/87 г. — это 5-й индикт.

⁴⁶ РИБ. Т. 27. Стб. 47 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 37).

⁴⁷ РИБ. Т. 27. Стб. 46 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 36); Пятраўскас Р. Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст. С. 229–230.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 266–268; Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 111–112.

⁴⁹ РИБ. Т. 27. Стб. 71–72 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 47); Груша А. І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. С. 142.

⁵⁰ Темушев В. Н. Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в. С. 56. Прим. 15.

⁵¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л. В. Черепнин. М.-Л., 1950. № 49. С. 149 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5. № 131. P. 248).

⁵² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. № 50. С. 149–150 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5. № 132. P. 248–249).

⁵³ РИБ. Т. 27. Стб. 42, 46 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 35, 36).

⁵⁴ РИБ. Т. 27. № 93. Стб. 403–404; № 94. Стб. 404 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. № 93. P. 121–122; № 94. P. 122).

⁵⁵ РИБ. Т. 27. Стб. 478 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. № 141. P. 153).

Давыд был братом окольничего Ходыки Басича — основателя влиятельного рода смоленских бояр Ходыкиных⁵⁶. Боярина Митько Давыдовича нет в названном списке князей и бояр Смоленской земли. Вероятно, он умер к моменту его составления, не ранее 1486 г. В июне 1486 г. князь Иван Мунча получил 4 копы грошей, то есть 240 грошей, со смоленской таможи⁵⁷. Очевидно, он был сыном Мунчи Селеменевича⁵⁸.

Во временное владение боярину Давыду была передана волость Вержавск, располагавшаяся к северу от Смоленска, в правобережье р. Каспля (лев. пр. р. Западная Двина)⁵⁹. В. С. Курмановский считает, что Мунча получил владение в этой волости, с которой поступали платежи в смоленский Троицкий монастырь⁶⁰. Город Вержавск, известный с 30-х гг. XII в., находился между озерами Городище (Ржавец) и Поганое, в правобережье р. Гобза (прав. пр. р. Каспля). Он был центром одноименной волости и к середине XV в., вероятно, превратился в городище⁶¹. Оно находится примерно в 105 км к северо-востоку от интересующей нас р. Молоховки. Поэтому Ржавеск, полученный Мунчей, следует искать ближе к Молохве. В известные монастыри, как правило, доходы поступали из разных местностей⁶².

На упомянутой карте Генерального межевания Краснинского уезда Смоленской губернии находим ручей Ржавец, впадающий слева в р. Молоховку, подписанную как «река Малохва», в ее верховье⁶³. Это водоток как безымянный указан на современной карте впадающим в р. Молоховку, примерно в 600 м к западу от окраины д. Забродье и в 1,3 км к югу от окраины д. Антоновичи. Обе деревни находятся в Краснинском районе Смоленской области РФ⁶⁴. Этот же ручей, подписанный как «Ржавиц», на котором находилось сельцо Панково, расположенное к западу от д. Забродье («Забродья»), видим на межевом плане названного сельца 1777 г.⁶⁵

Таким образом, пожалованный Мунче Ржавеск, вероятно, находился в бассейне верхнего течения р. Молоховки и являлся небольшим сельским поселением. Шесть хозяев, проживавших на переданной под власть Мунчи земле, платили дань церкви Св. Троицы⁶⁶. К сожалению, археологические памятники по Ржавцу пока неизвестны⁶⁷. Скорее всего, «Ржавеск у Смоленску» к волости Молохва не относился, а только граничил с ней, так как Мунча должен был «не вступатися, што под городом Молоховские люди»⁶⁸. Однако не исключено, что верна версия В. С. Курмановского о локализации владения Мунчи в волости Вержавск. Весной 1506 г. князю Василию Мунче, очевидно, внуку Мунчи Селеменевича, король Александр Казимирович пожаловал с. Тулеговичи в Мозырском повете Киевского воеводства, так как «отчина» князя была занята московским неприятелем и он лишился источника доходов.⁶⁹ По московско-литовскому договору

⁵⁶ РИБ. Т. 27. Стб. 65, 68 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 44, 46); Кром М. М. Указ. соч. С. 235–238.

⁵⁷ РИБ. Т. 27. Стб. 210 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. № 1.8. P. 39); Бектинеев Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках: нумизматические исследования. 2-е изд. Минск, 2018. С. 286.

⁵⁸ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 273–274.

⁵⁹ Курмановский В. С. К исторической географии... С. 152; Он же. Территориальные структуры... С. 129, 130, 139. Рис. 2.

⁶⁰ Курмановский В. С. К исторической географии местности Вержавляне Великие. С. 151–152.

⁶¹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 143, 146; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 47; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 158–161; Археологическая карта России: Смоленская область / Под ред. Ю. А. Краснова. М., 1997. Ч. 1. № 446–448. С. 174–176.

⁶² Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. Т. 2. С. 370–378; Груша А. И. Вкладные записи XIV века в книгах Евагелия: акты или проакты? // Русский книжник, 2014. М., 2015. С. 38–42.

⁶³ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5378.

⁶⁴ Смоленская область. Топографическая карта. С. 29.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 452. Ч. 1. Ед. хр. П-27 син. д. Панькова.

⁶⁶ РИБ. Т. 27. Стб. 47 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 37).

⁶⁷ Археологическая карта России: Смоленская область. Ч. 1. С. 209. Рис. 91.

⁶⁸ РИБ. Т. 27. Стб. 47 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 37).

⁶⁹ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 6 (1494–1506) / Par. A. Baliulis. Vilnius, 2007. № 22. P. 65; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 273–274; Шеков А. В. Об одной королевской грамоте 1510 г. в связи с историей политической иммиграции в Московское государство // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII веке. Калуга, 2020. С. 623.

1503 г. волость Вержавск вошла в состав Русского государства и была возвращена Литве в 1508 г.⁷⁰ Район волости Молохва все это время оставался под властью последней⁷¹. В таком случае до пожалования в Вержавске Мунча имел владение в Молохве. Главное, что при пожаловании Мунче в 1447–1448 гг. Ржавеска было оговорено положение молоховских «людей», возвращенных под власть смоленского наместника, наиболее вероятно, несколько ранее — около 1442 г.

Уточнив время возвращения молоховских земель Смоленской земле, можно попытаться понять, когда появилось землевладение князей Глинских на территориях Мстиславского и Вяземского княжеств. Как известно, князья Глинские были «пришлым» для Смоленщины родом. Они были потомками крещеного татарина Алексы, внука известного во второй половине XIV в. ордынского беклярибека Мамая⁷². Возможно, что и князь Мунча Селеменевич был выходцем из Орды. Его имя переводится с татарского языка как «баня»⁷³.

«Память о роде князей Глинских», составленная в Москве в 1532–1534 гг., сообщает о бывшем землевладении князя Льва Борисовича Глинского, отца известного в истории князя Михаила, под Мстиславлем — сельце Ходосово⁷⁴. Оно находилось примерно в 20 км к юго-западу от этого города⁷⁵. Согласно этому источнику, при мстиславском князе Иване Юрьевиче (около 1460/61–1484 гг.) князь Лев Борисович имел место с боярами мстиславского князя «в столе, а боярства не дослужился»⁷⁶. Очевидно, это положение князя Глинского было следствием сравнительно высокого, но не местного происхождения.

На третьем месте в боярской «раде» князя Ивана Юрьевича «Память» называет боярина Олгиша⁷⁷. Сведения о каком-то Олгише сохранились в Литовской Метрике. В 1440-е гг. он получил во владение от литовского великого князя Казимира Ягайловича Омросово в Логойской волости, с. Острошичи, в 9 км к юго-западу от г. Логойска, села Знобов и Порохонь в Новгород-Северской волости, имение Тихинцы в 14 км к северо-западу от г. Рогачева, в волости этого города⁷⁸. В 1448/49 г. (12-й индикт) этот Олгиш был еще жив, а умер ближе к сентябрю 1450 г. (14-й индикт)⁷⁹. Таким образом, Олгиш, упоминаемый в Метрике, не жил во второй половине XV в. Нет сведений и о его причастности к землям Мстиславщины.

Можно лишь обратить внимание на д. Ходосовичи в 7 км к юго-востоку от Рогачева и д. Старый Мазолов (Мазолово) в 10 км к юго-западу от этого же города⁸⁰. Эти деревни схожи с названиями уже упомянутого сельца Ходосово под Мстиславлем и с. Мазолово в 10 км к юго-западу от последнего⁸¹. В 1440-е гг. Ивашка Мазалов подтвердил старые и получил новые владения «у Мстиславли»⁸². Еще при мстиславском князе Семене-Лугвене (вероятно, 1392–1431 гг.) он распорядился частью Старого

⁷⁰ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5. № 118.13. P. 210; Kn. Nr. 8 (1499–1514) / Par. A. Baliulis. Vilnius, 1995. № 80. P. 125–126; Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 180; Курмановский В. С. К исторической географии местности Вержавляне Великие. С. 152–153.

⁷¹ Кром М. М. Указ. соч. С. 114. Карта 5.

⁷² Бычкова М. Е. Указ. соч. С. 273–275, 293, 303; Трепавлов В. В. Большая Орда перед стоянием на Угре // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 326.

⁷³ Некий Селимень получил 6 коп грошей со смоленской таможи в марте 1490 г. (8-й индикт) (РИБ. Т. 27. Стб. 322, 323; то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. № 23. 15. P. 87).

⁷⁴ Бычкова М. Е. Указ. соч. С. 283, 290.

⁷⁵ Мяцельскі А. А. Указ. соч. С. 137, 262. Мал. 43. № 93.

⁷⁶ Бычкова М. Е. Указ. соч. С. 290.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ РИБ. Т. 27. Стб. 14, 54, 64, 84; № 16. Стб. 139–140; № 68. Стб. 382–383 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 23, 40, 44, 52; № 20. P. 76–77; Kn. Nr. 4. № 68. P. 113); Груша А. І. Канцлярыя Вялікага княства Літоўскага... С. 142; Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Мінск, 2009. Т. 1. С. 117, 129; Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. М., 2009. С. 159–160; Пятраўскас Р. Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст. С. 230–231.

⁷⁹ РИБ. Т. 27. Стб. 54, 64 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 40, 44).

⁸⁰ Республика Беларусь. Гомельская область. Общегеографический атлас. Минск, 2005. С. 4, 5; Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. С. 129.

⁸¹ Смоленская область. Топографическая карта. С. 37. Между современными н. п. Ходосы и н. п. Мазолово Мстиславского района Могилевской области Респ. Беларусь — 8 км.

⁸² РИБ. Т. 27. Стб. 44, 45 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 36; Груша А. І. Канцлярыя Вялікага княства Літоўскага... С. 142).

Села, примерно в 8 км к северо-западу от Мстиславля⁸³. А. А. Метельский отметил, что с этим Мазаловым, возможно, связано название одноименного села под Мстиславлем⁸⁴. Не исключено, что Иван Мазалов либо его близкие родственники имели владения в Рогачевской волости.

В. Н. Темушев отметил, что до 1487–1488 гг. приобретенные в XV в. вотчины князей Глинских находились на юго-востоке Вяземского княжества, между левыми притоками р. Угра — реками Турея, Воря и верховьями рек Сежа, Малая Гжать, относящихся к бассейну р. Вазуза (прав. пр. р. Волга)⁸⁵. Вместе с владениями князей Крошинских, происхождение рода которых неясно, они до 1486–1487 гг. образовывали дополнительный «буфер» вдоль границы Вяземского княжества с Московским, созданный литовской властью⁸⁶.

Следует напомнить, что в XV в. князья Глинские были, прежде всего, землевладельцами Киевской земли⁸⁷. К их числу относился Борис Иванович — отец Льва, владевшего сельцом Ходосово под Мстиславлем⁸⁸. Землями на Смоленщине и в Вяземском княжестве владели брат Бориса Ивановича — князь Семен и его сыновья Иван, Федор, Андрей, Дмитрий⁸⁹. Согласно записи в Литовской Метрике, князю Семену Глинскому были пожалованы земли двух феодально зависимых «людей» в смоленской волости Пруды и один из дворов — «меньший» — князя Крошинского «в городе»⁹⁰. Запись относится к фрагменту реестра, который предваряет фраза: «Смоленск. Оттуль приказывал пан Петраш, пан Ондрей Сакович», — а заканчивает фраза: «Дотуль олиж приказывал пан Петраш а пан Андрей Сакович. Сопега»⁹¹. Значит, князь С. И. Глинский получил земли в Прудах и двор в Смоленске в 1440 г., когда смоленским наместником в начале этого года и его конце был Андрей Сакович, а Петр Монтигердович в 1434–1459 гг. — земским маршалком⁹².

В 1492 г. князья Крошинские утверждали, что владения на северо-востоке Вяземского княжества их деда и отцы получили от литовского великого князя Витовта⁹³. Поэтому и дворами в Смоленске они стали владеть не ранее окончательного подчинения этого города Витовту в 1404 г. Волость Пруды В. С. Курмановский локализовал в бассейне р. Хмара (лев. пр. р. Сож), где и сейчас находится д. Прудки Починковского района Смоленской области⁹⁴. Судя по карте Генерального межевания Смоленского уезда одноименной губернии второй половины XVIII в., эти же, тогда село, Прудки находились на р. Абуховка (прав. пр. р. Хмара)⁹⁵.

В 1447/48 г. (11-й индикт) король Казимир Ягайлович пожаловал «князю Сеньку Глинскому сельцо Мошенское, а в нем два чловеки, што было за князем Григорем; Григорей дей того поступил Глинскому. Што Глинский перво держал, то от него отошло — Крошинского сыну дано»⁹⁶. Эту запись в Метрике предваряют две записи о пожалованиях от литовского великого князя в 1446/47 г. (10-й индикт). Уже упомянутая — «Мунчи на отмену под Микиткою

⁸³ РИБ. Т. 27. Стб. 45; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 385; Варонін В. А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі. С. 10; Мяцельскі А. А. Указ. соч. С. 135.

⁸⁴ Мяцельскі А. А. Указ. соч. С. 135.

⁸⁵ Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война. С. 65, 67, 154, 170. Карта 10; Он же. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 79, 83, 142, 143. Карта 8.

⁸⁶ Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война. С. 63–64, 154, 170–178. Карта 10; Он же. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 83–87, 141. Карта 8.

⁸⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 900; РИБ. Т. 27. № 16. Стб. 527; № 187. Стб. 717; Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 6. № 120. P. 114 (ранее опубликовано в: Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. № 129. С. 151–152); Wolff J. Książowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 77–79; Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 84, 359, 423, 573; Шеков А. В. Об одной королевской грамоте... С. 623, 626–630.

⁸⁸ Бычкова М. Е. Указ. соч. С. 293, 303; Полехов С. В. Указ. соч. С. 359, 423, 573.

⁸⁹ Wolff J. Książowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 86; Бычкова М. Е. Указ. соч. С. 303.

⁹⁰ РИБ. Т. 27. Стб. 70–71 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 46).

⁹¹ РИБ. Т. 27. Стб. 69–70, 71 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 46, 47).

⁹² Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386–1795. Kraków, 1885. S. 49; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. Т. 4. S. 49; Пятраўскас Р. Літоўская значь у канцы XIV–XV ст. С. 267, 293, 333, 335.

⁹³ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. С. 74; Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 87. Прим. 354.

⁹⁴ Курмановский В. С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г. С. 95. Рис. 2; Смоленская область. Топографическая карта. С. 31.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5403.

⁹⁶ РИБ. Т. 27. Стб. 72 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 47).

Дасуговичом боярское поместье...» и — вяземскому князю Борису Дмитриевичу⁹⁷. Перед ними — недатированная запись: «Князю Филипу Нагат отчина, што Глинский держал»⁹⁸. Еще Ю. Вольф считал, что последняя связана с упоминанием сына князя Крошинского в записи 1447/48 г.⁹⁹ Таким образом, до 1447/48 г. (возможно, до 1446/47 г.) князю Филиппу Крошинскому была возвращена его отчина Нагат, которой временно владел князь С. И. Глинский.

В духовной грамоте 1507 г. князя Константина Федоровича Крошинского упоминаются когда-то купленное им «село на Наготи на Острой горце», которое он завещал вместе с землями и угодьями Успенскому собору в Смоленске, двор «на Наготи», который он завещал жене и детям, храм Рождества Богородицы и Константина и Елены «на Наготи», которому он завещал с. Нестерово «за Рудницю» и копу, то есть 60 грошей¹⁰⁰. Река Нагат впадает слева в Днепр в 14 км к юго-востоку от исторического центра Смоленска¹⁰¹.

На карте Генерального межевания Смоленского уезда одноименной губернии второй половины XVIII в. указаны д. Нагат и д. Дворец в районе нижнего течения Нагати, а также два села Нагат, две одноименные деревни и еще два одноименных землевладения в районе верхнего течения этой реки¹⁰². В бассейне среднего течения р. Нагат находится д. Остров Смоленского района (Острая Горка — ?)¹⁰³. Князь Константин Федорович был племянником либо более дальним родственником князя Филиппа Крошинского¹⁰⁴. Скорее всего, волость Нагат их отец и дед получил либо получили от литовского великого князя Витовта, как и вяземские волости.

В. Н. Темушев, предположительно, соотносил сельцо Мошенское, пожалованное князю С. И. Глинскому, с центром вяземской волости Мощиновичи в среднем течении р. Угра¹⁰⁵. Однако Мошенское, в котором князю Семену были даны «два чловеки», скорее всего, тождественно пожалованному ему еще в 1440 г. землевладению — «два чловеки на Прудех»¹⁰⁶. По карте Генерального межевания Краснинского уезда Смоленской губернии второй половины XVIII в., с. Мошевое на р. Мошева (лев. пр. р. Сож) находилось примерно в 9 км к юго-западу от упомянутого с. Прудки, на р. Абуховке¹⁰⁷. К юго-западу от села (соврем. с. Слобода), на правом берегу р. Сож, находилась и находится д. Мошевая¹⁰⁸. Сельцо Мошенское в середине XV в. относилось к смоленской волости Пруды. Очевидно, в 1447/48 г. князь С. И. Глинский решил получить от короля подтверждение на владение, пожалованное ему в 1440 г. представителями великокняжеской власти. Мошенским до князя Глинского владел некий князь Григорий. Предположительно, это князь Крошинский, чей двор «меньший» в Смоленске Семен Иванович получил в 1440 г. Не был ли упомянутый князь Филипп Крошинский сыном этого Григория?¹⁰⁹

⁹⁷ РИБ. Т. 27. Стб. 71–72 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 47); Кром М. М. Указ. соч. С. 65.

⁹⁸ РИБ. Т. 27. Стб. 71 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 47).

⁹⁹ Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 186, 188.

¹⁰⁰ Miscellanea з архіўных і бібліятэчных сховішчаў (XIV–XVII ст.) / Падр. Ю. М. Мікульскі // Беларуская даўніна. Мінск, 2015. Вып. 2. С. 267–270. Искренне благодарю А. В. Кузьмина за возможность ознакомиться с этой публикацией.

¹⁰¹ Смоленская область. Топографическая карта. С. 31; Курмановский В. С. Территориальные структуры центральных районов Смоленской земли в XI–XV веках. С. 136.

¹⁰² РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5402.

¹⁰³ Смоленская область. Топографическая карта. С. 31.

¹⁰⁴ Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 193. Упоминание в 1492 г. «дедов» князей Крошинских позволяет думать, что Константин Федорович, с одной стороны, Иван и Тимофей Филипповичи, с другой, были не двоюродными братьями, а троюродными (Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. С. 74).

¹⁰⁵ Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 15–16.

¹⁰⁶ РИБ. Т. 27. Стб. 70 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 3. P. 46).

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5378; Смоленская область. Топографическая карта. С. 31, 39.

¹⁰⁸ Там же. В 2 км к северо-западу от д. Мошевая находится городище Тушемля (Мокрядино), по которому названа известная — тушемлинская — археологическая культура IV–VII вв. (Археологическая карта России: Смоленская область / Под ред. Ю. А. Краснова. М., 1997. Ч. 2. № 1072 (124). С. 83–87.

¹⁰⁹ Ср.: Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 193. К сожалению, в синодиках среди князей Крошинских Григория найти не удалось, хотя Филипп поминался (Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) / Сообщил С. Т. Голубев // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1892. Кн. 6. Отд. III. Приложение. С. 39, 70, 75; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. М., 1892 (то же в: Летопись занятий Археологической комиссии за 1882–1884 гг. СПб., 1893.

Возможно, в рассматриваемых записях Метрики речь шла об утверждении властью итогов обмена землями между князьями Крошинскими и Глинским, произошедшего в 1440 г.¹¹⁰

В таком случае первая из сохранившихся в Метрике записей сообщала о переходе под власть князя Семена земель в волости Пруды и двора в Смоленске (1440 г.). Вторая запись сообщала о возвращении князю Филиппу его отчины Нагать (1440 г. — ?). Третья запись, датированная 1447/48 г., уточняла и констатировала итог этих земельных приобретений, утвержденных королем.

В начале уже упоминавшегося списка князей и бояр Смоленской земли 1480-х гг. записаны «князя Семеновых сынов Глинского 4: Федор, Андрей, Дмитрей, Иван»¹¹¹. Других князей Глинских в нем нет. Летом 1482 г. король Казимир написал распоряжение смоленскому наместнику о передаче князьям Глинским долевого владения («дельницы») и городского двора их брата Ивана, бежавшего в Москву¹¹². Именно «князи Глинские, князь Феодор з братьею», владели к 1480-м гг. волостями Щательша, Судилов и Турье на юго-востоке Вяземского княжества¹¹³. Полуудельное Вяземское княжество под литовской властью было частью Смоленской земли. Вяземские князья в это время подчинялись смоленскому наместнику, как и князья Глинские — смоленские землевладельцы¹¹⁴. По сути, принадлежавшие последним перечисленные волости относились не к Вяземскому княжеству, а к его бывшим землям.

Уже к 1440 г. князь С. И. Глинский имел владения в Смоленской земле. Относились ли к их числу названные вяземские волости? Учитывая, что князья Крошинские получили свои вяземские волости от Витовта, и отмеченную в источниках связь землевладения князей Крошинских и Глинских, это вполне вероятно. Сельцо Ходосово под Мстиславлем, предположительно, мог получить князь Б. И. Глинский от литовского великого князя Сигизмунда Кейстутовича в 1438 — начале 1440 г. — после ликвидации Мстиславского княжества в ходе династической войны и до земельных раздач великого князя Казимира Ягайловича 1440-х гг., сведения о которых преимущественно сохранились в книгах Метрики¹¹⁵. А. И. Груша отметил, что великие князья Сигизмунд Кейстутович, Казимир Ягайлович документировали не все свои пожалования¹¹⁶. Однако «при Казимире в первые десятилетия его княжения мы наблюдаем ажиотаж в издании документов...»¹¹⁷.

Интересно, что в июне 1498 г. литовский великий князь Александр Казимирович пожаловал смоленскому казначею князю Константину Федоровичу Крошинскому в наследственное владение и распоряжение двор Болваничи с Белицкой волостью¹¹⁸. До этого они принадлежали князьям Михаилу и Федору Ивановичам Одоевским, после смерти которых не осталось мужского потомства¹¹⁹. В апреле 1499 г. князь К. Ф. Крошинский добился от великого князя Александра Казимировича подтверждения на приобретенные имения в Смоленском повете¹²⁰. К их числу, среди прочих, относились двор Болваничи «на реце на Сожы», Белицкая волость и купленное у великокняжеского боярина Мишки Кумпея «село Мошовское в тех же Болваничах»¹²¹.

Волость Белицкая (Белик) локализована В. Н. Темушевым в верховьях р. Остер (лев. пр. р. Сож), а двор Болваничи — В. С. Курмановским на левом берегу р. Сож, примерно в 5 км

Вып. 9). С. 29, 166; Поменник Введенської церкви в Близніх печерах Києво-Печерської лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. / Упоряд. О. Кузьмук // Лаврський альманах. Київ, 2007. Вип. 18. Спецвип. 7. С. 19, 26).

¹¹⁰ Груша А. И. Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV — первая треть XVI в.). М.; СПб., 2019. С. 238–241.

¹¹¹ РИБ. Т. 27. № 141. Стб. 477 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. № 141. P. 152).

¹¹² РИБ. Т. 27. № 74. Стб. 386 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. № 74. P. 114–115).

¹¹³ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. С. 3, 20, 36; Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 79, 83, 142, 143.

¹¹⁴ Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 74–75; Кром М. М. Указ. соч. С. 65–66.

¹¹⁵ Полехов С. В. Указ. соч. С. 573.

¹¹⁶ Груша А. И. Кризис доверия? С. 208–213.

¹¹⁷ Там же. С. 238.

¹¹⁸ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 6. № 277, 278. P. 183–185 (ранее первый акт опубликован в: Любавский М. К. Областное деление... Прил. № 2. С. I–II); Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 187.

¹¹⁹ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 6. № 277. P. 183–184; Шеков А. В. Политическая история... С. 225–226.

¹²⁰ РИБ. Т. 27. № 210. Стб. 757–760; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 187.

¹²¹ РИБ. Т. 27. № 210. Стб. 757–758; Любавский М. К. Областное деление... С. 276.

к северо-западу от упомянутого выше с. Мошевое (соврем. с. Слобода) на р. Мошева¹²². На карте Генерального межевания Краснинского уезда Смоленской губернии погост Болванич указан в непосредственной близости от северо-восточной окраины с. Княжое¹²³. Это село находится и сейчас в 4 км к северо-западу от указанного с. Слобода¹²⁴. Таким образом, сельцо Мошенское, которым в 40-е гг. XV в. владел князь С. И. Глинский, к концу столетия оказалось в собственности у боярина Мишки Кумпея, который продал его князю К. Ф. Крошинскому. Принадлежа князю С. И. Глинскому, сельцо относилось к волости Пруды, а к концу XV в. стало относиться к Болваничам. По духовной грамоте 1507 г., Константин Федорович завещал двор Болваничи с Белицкой волостью, зависимыми землями и угодьями жене и детям¹²⁵. Мошенское в грамоте отдельно не упомянуто. Названы лишь владения в волости Мошкова Гора, захваченные московским неприятелем вместе с волостями Клыпин, Волста, очевидно, в ходе войны 1500–1503 гг. в бассейне р. Угра¹²⁶.

В той же грамоте 1499 г. великий князь подтвердил князю К. Ф. Крошинскому владение селом Мартиново, купленным вместе с другими землями в Болваничах и Белицкой волости у новодворского наместника Ивана Семеновича Сопеги¹²⁷. Очевидно, его следует локализовать на месте с. Мартиново, расположенного в 2 км к северо-востоку от с. Княжое и известного как минимум со второй половины XVIII в.¹²⁸ Это село, называвшееся тогда Смолин Конец, в феврале 1496 г. было пожаловано литовским великим князем Александром Казимировичем своему писарю И. С. Сопеги¹²⁹. В то время селом владел болваницкий боярин Мартин, получивший его в «держание» от смоленского наместника Ивана Вяжевича (1459–1466, 1469–1475 гг.), а после его смерти сохранивший владение селом, когда Болваничи были взяты королем Казимиром «на себе», а затем отданы в качестве феода князьям Михаилу и Федору Ивановичам Одоевским. Находившийся «при старости» Мартин, у которого не было жены и детей, передавался под пожизненную опеку И. С. Сопеги¹³⁰.

В списке князей и бояр Смоленской земли 1480-х гг. упомянут лишь один Мартин — после Михайло и Олехно Вяжевичей с определением как «бискупий брат»¹³¹. Смоленским епископом тогда был Яким¹³². Учитывая, что с. Смолин Конец боярин Мартин получил от наместника Ивана Вяжевича, вполне вероятно, что это он был братом епископа. И. С. Сопега, под опеку которого в начале 1496 г. был передан боярин Мартин, в апреле 1497 г. представлял на великокняжеском суде интересы смоленского епископа Иосифа¹³³. На суде рассматривалось дело о владении Дедковским садом около с. Жыхоревское, который, по утверждению оппонента Иосифа, купил еще епископ Яким, умерший к моменту суда. Эти обстоятельства свидетельствуют в пользу того, что под опеку Ивана Семеновича был передан престарелый брат епископа. Правда, судя по упомянутому судебному делу, у последнего были племянники¹³⁴. Учитывая, что князь К. Ф. Крошинский, согласно грамоте 1499 г., купил с. Мартиново у И. С. Сопеги, завещанный им в 1507 г. жене и детям один из двух дворов в Смоленске — «серед города Мартиновский», возможно, как и село, ранее принадлежал боярину Мартину¹³⁵.

¹²² Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 18. Карта 1; Курмановский В. С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г. С. 95. Рис. 2; Он же. Территориальные структуры центральных районов Смоленской земли в XI–XV веках. С. 127, 130, 134. Рис. 1, 2; Шеков А. В. Политическая история... Карта 2.

¹²³ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5378; Любавский М. К. Областное деление... С. 276.

¹²⁴ Смоленская область. Топографическая карта. С. 31.

¹²⁵ Miscellanea з архіўных і бібліятэчных сховішчаў. № 2. С. 269.

¹²⁶ Там же. С. 269–270; Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 17, 154.

¹²⁷ РИБ. Т. 27. № 210. Стб. 758; Варонін В. Іван Сямёнавіч і Іван Багданавіч Сапегі: дзве кар'еры на фоне эпохі // Сапегі: асобы, кар'еры, маёнткі: зб. навук. арт. Мінск, 2018. С. 9–10.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5378; Смоленская область. Топографическая карта. С. 31.

¹²⁹ РИБ. Т. 27. № 133. Стб. 652–653. Это пожалование было подтверждено в декабре 1497 г. (Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 6. № 243. P. 166–168).

¹³⁰ РИБ. Т. 27. № 133. Стб. 652–653; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4. S. 50.

¹³¹ РИБ. Т. 27. Стб. 484 (то же в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. P. 155).

¹³² РИБ. Т. 27. № 127. Стб. 442–443; № 152. Стб. 672–674 (первый акт переиздан в: Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 4. № 127. P. 138); Строев П. [М.] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 589–590; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4. S. 50.

¹³³ РИБ. Т. 27. № 152. Стб. 672–674.

¹³⁴ РИБ. Т. 27. № 152. Стб. 673.

¹³⁵ РИБ. Т. 27. № 210. Стб. 758; Miscellanea з архіўных і бібліятэчных сховішчаў. № 2. С. 269.

Ранее мы полагали, что двор Болваничи был пожалован королем Казимиром еще отцу князей М. И. и Ф. И. Одоевских — князю Ивану Юрьевичу Одоевскому¹³⁶. Однако следует более доверительно отнестись к утверждению И. С. Сопеги в его челобитной великому князю в начале 1496 г. о том, что Болваничи король Казимир «дал князю Михайлу и брату его князю Федору Одоевским»¹³⁷. 26 января 1481 г. князья М. И. и Ф. И. Одоевские и их троюродный племянник, князь Иван Васильевич Белевский, заключили договор о службе с королем Казимиром¹³⁸. Очевидно, он был заключен в связи со смертью отца князей Одоевских — Ивана Юрьевича¹³⁹. Вероятно, двор Болваничи, скорее всего, с Белицкой волостью были пожалованы королем братьям князьям Одоевским в связи с принятием их «у службу».

Двоюродному дяде князей М. И. и Ф. И. Одоевских — князю Федору Львовичу Воротынскому — еще в феврале 1448 г. король Казимир пожаловал в Смоленской земле свой двор Немчиновское и несколько волостей в верховьях рек Угры и Десны¹⁴⁰. В марте 1455 г. король подтвердил эти пожалования Федору Львовичу, уточнив, что жалует их и «его детем». Кроме волостей, перечисленных в акте 1448 г., в акте 1455 г. также названы несколько волостей в Верхнем Поочье¹⁴¹. Эти факты хорошо известны в историографии¹⁴². Однако двор Немчиновское (Немчиновский) лишь сравнительно недавно был локализован В. С. Курмановским в верховьях р. Сож около современной д. Немчино, расположенной примерно в 19 км к юго-востоку от центра Смоленска¹⁴³.

На карте Генерального межевания Смоленского уезда второй половины XVIII в. с. Немчино показано на правом берегу Сожа, примерно в 1,5 км к западу от современной одноименной деревни, расположенной на левом берегу этой реки¹⁴⁴. Вероятно, остатками этого двора либо поселения при нем является археологическое селище Горяны на левом берегу Сожа, в 1 км к западу от д. Немчино и в 2 км к северо-западу от д. Горяны. Памятник датируется XI–XIII, XIV–XVII вв.¹⁴⁵ В 0,5–1,3 км к северо-западу от д. Горяны находится курганный могильник¹⁴⁶. Двор Немчиновское был расположен примерно в 7–8 км к юго-западу от р. Нагать и 26 км к северу от двора Болвановичи.

Подведем итоги. Молоховские земли, переданные великим князем Витовтом в состав Мстиславского княжества, были возвращены под власть смоленского наместника, вероятно, около 1442 г. (не позже 1448 г.). В бассейне верхнего течения р. Молоховка, предположительно, находилось сельское поселение Ржавеск, пожалованное князю Мунче Селеменевичу в 1447–1448 гг. От Витовта князья Крошинские получили не только северо-восточные вяземские волости, но, скорее всего, и смоленскую волость Нагать на левом берегу Днепра. К 1440 г. Нагатью владел князь С. И. Глинский, которая не позже 1447/48 г. была возвращена князю Ф. Крошинскому как его отчина. Брат этого князя Глинского — Борис Иванович получил сельцо Ходосово под Мстиславлем, предположительно, от великого князя Сигизмунда Кейстутовича, брата Витовта, в 1438 — начале 1440 г.

В 1440 г. князю С. И. Глинскому достался один из дворов князя Крошинского в Смоленске и сельцо Мошенское в левобережье верхнего течения р. Сож, возможно, принадлежавшее этому же князю Крошинскому. Как и князья Крошинские, свои юго-восточные вяземские волости князь

¹³⁶ Шеков А. В. Политическая история... С. 226.

¹³⁷ РИБ. Т. 27. № 133. Стб. 652, 653.

¹³⁸ Казакоў А. У. Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г. // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Минск, 2010. Вып. 3. С. 291–300.

¹³⁹ Там же. С. 293; Шеков А. В. Политическая история... С. 230.

¹⁴⁰ РИБ. Т. 27. Стб. 48 (то же в: *Lietuvos Metrika*. Kn. Nr. 3. P. 37).

¹⁴¹ РИБ. Т. 27. XI. Стб. 52–53 (то же в: *Lietuvos Metrika*. Kn. Nr. 3. P. 39); Шеков А. В. Политическая история... С. 188–190, 205–209.

¹⁴² Зотов Р. В. Указ. соч. С. 309–310; Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*. S. 585; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 1. Князья Черниговские. СПб., 1906. Ч. 1. С. 50; Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 153, 155.

¹⁴³ Курмановский В. С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г. С. 95. Рис. 2; Он же. Территориальные структуры центральных районов Смоленской земли в XI–XV веках. С. 130, 131. Рис. 2.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 5403; Смоленская область. Топографическая карта. С. 31.

¹⁴⁵ Археологическая карта России: Смоленская область. Ч. 1. № 79 (229). С. 92–93.

¹⁴⁶ Там же. № 80 (230). С. 93.

С. И. Глинский, скорее всего, получил от великого князя Витовта. Названное сельцо в Верхнем Посожье в конце XV в. было приобретено князем К. Ф. Крошинским.

Несколько юго-западнее волости Нагать в Верхнем Посожье находился великокняжеский двор Немчиновские, пожалованный в 1448 г. королем Казимиром князю Ф. Л. Воротынскому. Также в левобережье верхнего течения р. Сож, рядом с сельцом Мошенским, вероятно, в 1481 г. этот король пожаловал князьям М. И. и Ф. И. Одоевским свой двор Болваничи с зависимыми землями.

Если литовские правители, начиная с Витовта, жаловали земли на Смоленщине не только местным боярам, но и представителям разных княжеских родов, то в конце XV в. отдельные знатные администраторы создавали в этом регионе собственные сеньории¹⁴⁷. Смоленский казначей князь К. Ф. Крошинский получил во владение двор Болваничи, Белицкую волость, включая купленные там земли у известного сановника И. С. Сопеги. Последний также приобретал земли на Смоленщине и в самом городе¹⁴⁸.

References

Alekseev L. V. *Smolenskaya zemlya v IX–XIII vv.: Ocherki istorii Smolenshchiny i Vostochnoy Belorussii* [Smolensk Land in the 9th–13th Centuries: Essays on the History of the Smolensk Region and Eastern Belarus]. Moscow: Nauka Publ., 1980. (In Russian).

Arkheologicheskaya karta Rossii: Smolenskaya oblast' [Archaeological Map of Russia: Smolensk Region]. Moscow: Institut arkheologii RAN Publ., 1997, part 1. (In Russian).

Arkheologicheskaya karta Rossii: Smolenskaya oblast' [Archaeological Map of Russia: Smolensk Region]. Moscow: Institut arkheologii RAN Publ., 1997, part 2. (In Russian).

Bektineev Sh. I. *Denezhnoe obrashchenie na territorii Belarusi v IX–XVI vekah: numizmaticheskie issledovaniya* [Money Circulation on the Territory of Belarus in the 9th–16th Centuries: Numismatic Studies]. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2018. (In Russian).

Berezhkov N. G. *Litovskaya Metrika kak istoricheskiy istochnik* [Lithuanian Metrics as a Historical Source]. Moscow; Leningrad: izd-vo AN SSSR Publ., 1946, part 1. (In Russian).

Bychkova M. E. *Russko-litovskaya znat' XV–XVII vv. Istochnikovedenie. Genealogiya. Geral'dika* [Russian-Lithuanian Nobility of the 15th–17th Centuries. Source Study. Genealogy. Heraldry]. Moscow: Kvadriga Publ., 2012. (In Russian).

Dovnar-Zapolski M. V. *Dziaržaŭnaja haspadarka Vialikaha kniastva Litoŭskaga pry Jahielonach* [The State Economy of the Grand Duchy of Lithuania under the Jagiellons]. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2009. (In Belarusian).

Grusha A. I. [Insert Notes of the 14th Century in the Books of the Gospel: Acts or Pro-Acts?]. *Russkiy knizhnik*, 2014 [Russian Scribe, 2014]. Moscow: Pashkov dom Publ., 2015, pp. 32–63. (In Russian).

Grusha A. I. *Kancyliaryja Vialikaha kniastva Litoŭskaha 40-ch gadoŭ XV — pieršaj palovy XVI st.* [Chancellery of the Grand Duchy of Lithuania, 40s of the 15th — First Half of the 16th Century]. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2006. (In Belarusian).

Grusha A. I. *Krizis doveriya? Poyavleniye i utverzheniye pravovogo dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konets XIV — pervaya tret' XVI v.)* [Crisis of Confidence? Appearance and Approval of a Legal Document in the Grand Duchy of Lithuania (The End of the 14th — the First Third of the 16th Century)]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh initsiativ Publ., 2019. (In Russian).

Kazakov A. U. [The Unknown End of the King of Poland and Grand Duke of Lithuania Casimir and Prince of Navasil and Odоеvsky Mikhail Ivanovich in 1481]. *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy* [Studia Historica Europae Orientalis = Studies on the History of Eastern Europe]. Minsk: RIVSh, 2010, iss. 3, pp. 291–300. (In Belarusian).

Krom M. M. *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnyye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV — pervoy treti XVI v. 2-ye izd.* [Between Russia and Lithuania. Borderlands in the System of Russian-Lithuanian Relations at the End of the 15th — First Third of the 16th Century. 2nd ed.]. Moscow: Kvadriga: Ob'edinennaya redakciya MVD Rossii Publ., 2010. (In Russian).

¹⁴⁷ РИБ. Т. 27. № 210. Стб. 757–760; Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 6. № 127. P. 116–117; № 243. P. 166–168; Варонін В. Іван Сямёнавіч і Іван Багданавіч Сапегі: дзве кар'еры на фоне эпохі. С. 10.

¹⁴⁸ Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 109, 270.

Kurmanovsky V. S. [On the Historical Geography of the Area Verzhavlyane the Great]. *Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of Military Affairs: Studies and Sources], 2015, special iss. 4, part 1, pp. 150–179. Available at: <http://www.milhist.info/2015/09/23/kurmanovsky> (accessed: 23.09.2015). (In Russian).

Kurmanovsky V. S. [Territorial Structures of the Central Regions of the Smolensk Land in the 11th–15th Centuries. To the Formulation of the Problem]. *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba... K yubileyu A. Ye. Leont'yeva* [The Past Fate of the Native Land... To the Anniversary of A. E. Leontiev]. Moscow: IA RAN Publ., 2018, pp. 126–142. (In Russian).

Kurmanovsky V. S. [Works at the Glushitsa 1 Settlement in 2016: Preliminary Results]. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N. A. Krenke* [De Mare Ad Mare. Archaeology and History: A Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of N. A. Krenke]. Smolensk: IA RAN Publ., 2017, pp. 82–105. (In Russian).

Litskevich O. V. “*Letopisets velikikh knyazey litovskikh*” i “*Povest' o Podol'ye*”: *opyt kompleksnogo kriticheskogo razbora* [“Chronicle of the Grand Dukes of Lithuania” and “The Tale of Podolia”: An Experience of a Comprehensive Critical Analysis]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2019. (In Russian).

Mazurov A. B., Nikandrov A. Yu. *Russkiy udel epokhi sozdaniya yedinogo gosudarstva: Serpukhovskoye knyazheniye v seredine XIV — pervoy polovine XV v.* [Russian Destiny of the Era of the Creation of a Single State: Serpukhov Reign in the Middle of the 14th — First Half of the 15th Century]. Moscow: Inlight Publ., 2008. (In Russian).

Myetelski A. A. *Mscislaŭskaje kniastva i vajavodstva ŭ XII–XVIII stst. 2-je vyd.* [Mstislav Principality and Voivodeship in the 12th–18th Centuries. 2nd ed.]. Minsk: Bieloruskaja navuka Publ., 2014. (In Belarusian).

Nasonov A. N. “*Russkaya zemlya*” i *obrazovaniye territorii drevnerusskogo gosudarstva: Istoriko-geograficheskoye issledovaniye. Mongoly i Rus': Istoriya tatarskoy politiki na Rusi* [“Russian Land” and the Formation of the Territory of the Ancient Russian state: Historical and Geographical Research. Mongols and Rus': A History of Tatar Policy in Rus']. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2002. (In Russian).

Petrauskas R. *Litoŭskaja znač u kancy XIV–XV st.: Sklad — struktura — ulada. 2-je vyd.* [Lithuanian Nobility at the End of the 14th–15th Centuries: Composition — Structure — Power. 2nd ed.]. Smolensk: Inbelkul't Publ., 2014. (In Belarusian).

Polekhov S. V. *Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaya voyna v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-ye gody XV veka* [Vitovt's Heirs. Dynastic War in the Grand Duchy of Lithuania in the 30s of the 15th Century]. Moscow: Indrik Publ., 2015. (In Russian).

Shekov A. V. [On a Royal Charter of 1510 in Connection with the History of Political Immigration to the Muscovite State]. *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV–XVII veke* [On the Way to the States of Modern Times: West and East of Europe at the End of the 15th–17th Century]. Kaluga: Kaluzhskiy gosudarstvennyy institut razvitiya obrazovaniya Publ., 2020, pp. 618–637. (In Russian).

Shekov A. V. [On the Issue of the Social Status of the putnyj boyars of Moscow Rus']. *Sbornik statey i publikatsiy, posvyashchenny A. A. Bulychevu* [Collection of Articles and Publications Dedicated to A. A. Bulychev]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2020, pp. 249–267. (In Russian).

Shekov A. V. *Politicheskaya istoriya i istoricheskaya geografiya Verhovskikh knyazhestv. Seredina XIII — seredina XVI v.* [Political History and Historical Geography of the Verkhovskiy Principalities. Mid-13th — Mid-16th Century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2018. (In Russian).

Shelamanova N. B. *Obrazovaniye zapadnoy chasti territorii Rossii v XVI v. v svyazi s yeye otnosheniyami s Velikim knyazhestvom Litovskim i Rech'yu Pospolitoj: kand. diss.* [Formation of the Western Part of the Territory of Russia in the 16th Century in Connection with its Relations with the Grand Duchy of Lithuania and the Polish–Lithuanian Commonwealth: Diss. Cand.]. Moscow, 1970, book 2. (In Russian).

Teĝowski J. [The First Generations of the Giedyminowicz Family]. *Biblioteka Genealogiczna* [Genealogical Library]. Poznan; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne Publ., 1999, vol. 2, pp. 145–146. (In Polish).

Temushev V. N. [On the Issue of the Moscow-Lithuanian Border of the 15th Century (Possession of Princes Kroshinskys)]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The questions of Middle Ages], 2005, no. 3 (21), pp. 102–103. (In Russian).

Temushev V. N. *Gomel'skaya zemlya v kontse XV — pervoy polovine XVI v. Territorial'nyye transformatsii v pgranichnom regione* [Gomel Land at the End of the 15th — First Half of the 16th Century. Territorial Transformations in the Border Region]. Moscow: Kvadriga Publ., 2009. (In Russian).

Temushev V. N. *Na vostochnoy granitse Velikogo knyazhestva Litovskogo. Seredina XIV — pervaya polovina XVI v.* [On the Eastern Border of the Grand Duchy of Lithuania. Mid-14th — First Half of the 16th Century]. Tula: Kulikovo pole Publ., 2016. (In Russian).

Temushev V. N. *Pervaya Moskovsko-litovskaya pogranichnaya voyna: 1486–1494* [The First Moscow-Lithuanian Frontier War: 1486–1494]. Moscow: Kvadriga Publ., 2013. (In Russian).

Temushov V. M. *Na ŷskhodnyaj myazhy Vyalikaga Knyastva Litoŷskaga (syaredzina XIV — pershaya palova XVI st.)* [On the Eastern Border of the Grand Duchy of Lithuania (Mid-14th — First Half of the 16th Century)]. Smolensk: Inbelkul't Publ., 2014. (In Belarusian).

Trepavlov V. V. [The Great Horde before Stand on the Ugra River]. *Velikoye stoyaniye na reke Ugre i formirovaniye Rossiyskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal'nyye i global'nyye konteksty* [The Great Stand on the Ugra River and the Formation of the Russian Centralized State: Local and Global Contexts]. Kaluga: S. n., 2017, pp. 321–342. (In Russian).

Varonin V. [Ivan Semyonovich and Ivan Bogdanovich Sapegi: Two Careers against the Background of the Era]. *Sapiehi: asoby, karjery, sasloŷi: zb. navuk. art.* [Sapegi: Individuals, Careers, Classes: A Collection of Sci. Articles]. Minsk: A. M. Yanushkevich Publ., 2018, pp. 9–15. (In Belarusian).

Varonin V. A. *Kniaź Juraj Lynhvienievič Msciclaŷski: Histaryčny partret* [Prince Yura Lingvnevich Mstichlavski: Historical Portrait]. Minsk: Tekhnologiya Publ., 2010. (In Belarusian).

Zaitsev A. K. *Chernigovskoe knyazhestvo X–XIII vv.: izbrannye trudy* [Chernigov Principality of the 10th–13th Centuries: Selected Works]. Moscow: Kvadriga Publ., 2009. (In Russian).

Zimin A. A. *Vityaz' na rasput'ye: Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* [The Knight at the Crossroads: Feudal War in Russia in the 15th century]. Moscow: Mysl' Publ., 1991. (In Russian).

ИСТОРИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

УДК 94(470)''19'':630

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-36-45

Зыкин Иван Валерьевич

к. и. н., доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-9994-6036

E-mail: zivverh@mail.ru

Лесопромышленный узел как форма пространственного размещения советской лесной промышленности в годы первых пятилеток

АННОТАЦИЯ. За годы первых пятилеток лесную промышленность предполагалось превратить в индустриально развитую отрасль. Необходимость освоения лесных ресурсов северных и восточных районов, строительства новых предприятий обусловили активизацию исследований в деле формулирования направлений и форм пространственного размещения лесной промышленности. Опыт первых пятилеток имеет большую ценность для современного этапа развития российской лесной промышленности. Сформированные в советский период центры лесной промышленности составляют основу пространственного каркаса отрасли, и по-прежнему актуальна тема освоения новых лесных массивов.

Анализ материалов первых пятилетних планов показал, что, помимо освоения лесных ресурсов северных и восточных районов страны, ключевыми направлениями развития лесной промышленности являлись внутриотраслевое и межотраслевое комбинирование и кооперация. Использование методов картографии позволило определить перспективные лесопромышленные центры. Конкретные формы пространственного размещения были сформулированы экономистами и эконом-географами. Для лесной промышленности такой формой стал лесопромышленный узел, где сочетались разные производства по механической обработке и глубокой переработке древесины и достигалось комплексное использование лесных ресурсов. И. Капитонов и С. Славин определили основные лесопромышленные узлы и комплексы для Советского Севера, наиболее перспективного макрорегиона в деле развития лесной промышленности. Д. Богорад показал особенности формирования лесопромышленного узла на примере Енисейского узла в Восточной Сибири. Формулирование практических аспектов размещения и создания лесопромышленных узлов следует считать крупным достижением в деле пространственного развития лесной промышленности периода первых пятилеток.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лесная промышленность, первые пятилетки, пространственное размещение, лесопромышленный узел, Советский Север, Енисейский лесопромышленный узел

HISTORY OF NATURE MANAGEMENT

UDC 94(470)“19”:630

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-36-45

Ivan V. Zykin

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-9994-6036

E-mail: zivverh@mail.ru

Timber Industry Hub as a Form of Spatial Placement of the Soviet Forestry Industry during the First Five-year Plans

ABSTRACT. During the first five-year plans, the forest industry was supposed to be turned into an industrially developed industry. The need to develop the forest resources of the northern and eastern regions, to construct new enterprises led to the intensification of research in the formulation of directions and forms of spatial placement of the forest industry. The experience of the first five-year plans is of great value for the current stage of development of Russia's forestry industry. The forest industry centers formed in the Soviet period constitute the basis of the spatial framework of the industry, and the topic of the development of new forests is still relevant. Analysis of the materials of the first five-year plans showed that, in addition to the development of forest resources in the northern and eastern regions of the country, the key areas of development of the forest industry were intra- and inter-industry combination and cooperation. The use of cartography methods made it possible to identify promising timber industry centers. Specific forms of spatial placement were formulated by economists and economic geographers. For the forest industry, such a form became a timber-processing hub, where various mechanical processing and deep processing of wood were combined, achieving integrated use of forest resources. I. Kapitonov and S. Slavin identified the main timber industry hubs and complexes for the Soviet North, the most promising macro-region in the development of the forest industry. D. Bogorad showed the peculiarities of the formation of a timber industry hub on the example of the Yenisei hub in Eastern Siberia. The formulation of practical aspects of the placement and creation of timber hubs should be considered a major achievement in the spatial development of the forest industry during the first five-year plans.

KEYWORDS: forest industry, first five-year plans, spatial placement, timber industry hub, Soviet North, Yenisei timber industry hub

ВВЕДЕНИЕ

В истории России в XX столетии, обернувшись сменой форм правления, политических режимов и экономических систем, прослеживается преемственность — с конкретными поправками в зависимости от политической, экономической и идеологической конъюнктуры — направлений и форм пространственного размещения промышленности, выступавшей драйвером экономического развития. Наиболее масштабные сдвиги имели место в советский период: освоение новых ресурсных баз, строительство крупных предприятий, создание комбинатов, промышленных узлов, территориально-производственных комплексов. Ярким примером этих сдвигов является лесная промышленность, одна из системообразующих отраслей отечественной экономики¹. Анализ пространственных форм размещения лесной промышленности, сформулированных в советский период², свидетельствует о концептуальном видении партийно-государственными, плановыми, хозяйственными органами и научными учреждениями проблем и перспектив отрасли, стремлении интегрировать ее в экономику страны посредством освоения новых видов продукции и производства товаров для других отраслей.

Ключевыми формами пространственного размещения отрасли стали лесопромышленные узлы и территориально-производственные комплексы, организация и функционирование которых в процессе освоения новых лесных массивов позволяли добиться более комплексного, по сравнению с отдельными, как правило, малыми, предприятиями, использования сырья и отходов — за счет комбинирования компонентов лесной промышленности и кооперации с другими отраслями. Лесопромышленные узлы и территориально-производственные комплексы показали в целом жизнеспособность и на современном этапе формируют пространственный каркас отечественной лесной промышленности.

При этом в документах, определяющих перспективы развития отрасли, например, в Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. (принята в 2018 г., обновлена в 2021 г.³), проблемам пространственного развития лесной промышленности уделено недостаточно внимания. Анализ сведений «Атласа экономической специализации регионов России», изданного в 2021 г., выявил низкий уровень кооперации лесопромышленного комплекса с другими отраслями. В частности, высокий уровень взаимосвязи отмечается между видами экономической деятельности «Целлюлозно-бумажные изделия» и «Полиграфия и печать» в Калужской, Московской областях, Москве, Ленинградской, Новгородской областях, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан и Пермском крае; между видами «Изделия из дерева» и «Животноводство и смешанное сельское хозяйство» — в Удмуртской республике и Кировской области⁴. В связи с этим изучение опыта первых пятилеток имеет важное значение.

Попытки комбинирования компонентов лесной отрасли имели место в Российской империи в конце XIX — начале XX вв., но носили — на фоне большого числа мелких предприятий, кустарных промыслов и ремесленных мастерских — исключительный характер. Можно выделить два наиболее ярких примера. Так, в районе г. Архангельска в связи с активизацией эксплуатации лесных массивов и увеличением экспорта древесины возникло большое количество лесопильных пред-

¹ Касательно периода первых пятилеток автор включает в структуру лесной промышленности: заготовку древесины (заготовка, вывозка и сплав лесных ресурсов); механическую обработку (лесопиление, деревообработка, выпуск фанеры, мебели, спичек, изделий из дерева, строительных деталей, домостроение); глубокую переработку древесины (изготовление древесной массы, целлюлозы, бумаги и картона, древоплитное производство, лесохимия, гидролизная отрасль).

² Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск, 1980; Закиров А. Некоторые проблемы формирования и развития лесопромышленных узлов // Лесной журнал. Известия высших учебных заведений. 1979. № 1. С. 112–115; Капитонов И., Славин С. Проблемы освоения Севера во второй пятилетке // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 168–189; Колосовский Н. Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Колосовский Н. Н. Избранные труды. Смоленск, 2006. С. 87–121; Algreve K. V. Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Stockholm, 1966.

³ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/34064/> (дата обращения: 30.08.2022).

⁴ Атлас экономической специализации регионов России / Под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко. М., 2021. С. 107–108, 111–112, 114–115, 117–118, 120–121, 123, 126–128, 130–132, 134–136, 138, 141, 144, 156–160, 162–164, 166, 168–169, 173–174, 177, 180, 183–185, 187, 189, 192, 194, 196–198, 201.

приятый, ставших существенным заделом для превращения в середине 1930-х гг. этого портового города на Европейском Севере в мощный лесопромышленный узел в составе лесопильно-деревообрабатывающих, целлюлозно-бумажных, гидролизных и машиностроительных предприятий.

Второй пример — Николае-Павдинский горный округ на Северном Урале. Здесь в начале XX в. сначала владельцем округа К. П. Воробьевым, затем Акционерным обществом Николае-Павдинского горного округа был создан комплекс предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины (см. цв. вклейку, рис. 3). Началось, но не было завершено строительство первого в стране завода сульфатной целлюлозы⁵. Уникальность этого примера в том, что в пространстве хозяйственно-территориального образования — горнозаводского округа — была осуществлена попытка комплексного лесопользования. В довоенный период лесопильные заводы, бумажная фабрика были реконструированы, целлюлозный завод достроен, в годы Великой Отечественной войны начал работать гидролизный завод. В результате оформился лесопромышленный узел.

Представляется актуальным обратиться к периоду первых пятилеток (конец 1920-х — начало 1940-х гг.), когда — в контексте политики индустриализации — была поставлена задача формирования индустриально развитой лесной промышленности, осуществлялось строительство большого числа предприятий. Базовой теорией исследования является концепция модернизации. Автор разделяет положения о выделении пореформенной и советской волн модернизации и их противоречиях, о том, что Россия, Советский Союз шли «по пути модернизации в русле мирового прогресса», но эта модернизация насаждалась сверху⁶. Это касалось также направлений, форм пространственного размещения промышленности. И рассматривать их имеет смысл как на макро-, так и на микроуровне⁷.

Нужно отметить, что в процессе разработки первых пятилетних планов четкая терминология форм пространственного размещения промышленности не была выработана. Касательно лесной промышленности анализ материалов пятилетних планов, отраслевых научно-технических конференций, статей в журнале «Плановое хозяйство» показал, что термины «промышленный узел», «промышленный комплекс» хоть и присутствовали в экономическом дискурсе, но его не определяли. Пространственное развитие отрасли виделось в первую очередь во внутриотраслевом и межотраслевом комбинировании и кооперации. Определения производственного комплекса (производственно-территориального сочетания), энергопроизводственного цикла сформулировал в 1940-х гг. Н. Н. Колосовский⁸.

Тем не менее наиболее часто упоминаемой формой пространственного размещения лесной промышленности являются промышленные узлы. Они должны были удовлетворять нескольким условиям: наличие запасов древесины, речных и железнодорожных путей для поступления сырья, сбыта продукции — и создаваться в контексте комбинирования и кооперирования с другими отраслями. В условиях индустриализации древесина являлась одним из значимых товаров и была востребована вагоно- и авиастроением, сельскохозяйственным машиностроением, металлургией, угольной промышленностью и другими отраслями. Помимо этого, древесина (с преобладанием круглого леса, пиломатериалов и фанеры) была важной статьёй дохода в советском экспорте.

Определение лесопромышленного узла удалось обнаружить в статье преподавателя Уральского лесотехнического института А. Закирова, изданной в 1979 г. Автор выстроил иерархию понятий, характеризующих структуру лесной промышленности, и обозначил два пути формирования «единого территориально-производственного комплекса» в отрасли (то, что очень близко по смыслу к понятию «лесопромышленный комплекс»): создание крупных предприятий — лесопромышленных комплексов и формирование их основы и, вследствие длительного срока осуществления, масштабных проектов, лесопромышленных узлов.

⁵ Архивный отдел администрации Серовского городского округа. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 9. Л. 35об.–38, 41об.–43; ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–3 об.; Д. 35. Л. 4; Д. 46. Л. 4–5.

⁶ Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Модернизация России: назад в будущее? Екатеринбург, 2000; Трейвиш А. И. Исторический опыт модернизации российского общества и пространства // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / Ред. В. М. Котляков, А. Н. Швецов, О. Б. Глезер. М., 2020. С. 12–49.

⁷ Побережников И. В. Теоретико-методологическое обоснование многоуровневого изучения модернизации // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург, 2011. С. 27–28.

⁸ Колосовский Н. Н. Указ. соч. С. 91–93, 96.

А. Закиров под лесопромышленным узлом понимал «территориально-производственный комплекс лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий, размещенных в одном или нескольких промышленных пунктах, находящихся в непосредственной территориальной близости, связанных между собой на основе рациональной специализации, кооперирования и комбинирования с целью комплексного освоения, использования и воспроизводства лесных ресурсов определенного, ограниченного района и обеспечивающих создание единой производственной и социальной инфраструктуры». В лесопромышленных узлах, по мнению ученого, промышленность представлена «набором производств, между которыми нет должной пропорциональности и оптимальной взаимосвязи», тогда как формирование комплекса связано с созданием «лучших условий для функционирования существующих взаимосвязанных производств»⁹, то есть с развитием специализации и кооперирования, организацией необходимых для оптимальной структуры производств.

НАМЕТКИ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Наибольшее количество новых лесопромышленных объектов проектировалось в первом и втором пятилетних планах. Делать выводы о формировании лесопромышленных узлов можно только на основании локализации на карте страны объектов нового строительства. Размещение на компактной территории предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины преследовало цели комплексного использования ресурсов, внутриотраслевого и межотраслевого комбинирования. В первой пятилетке планировалось возвести более 250 предприятий¹⁰. Ведущими центрами лесной промышленности становились п. Правдинск в Центрально-промышленном районе, где возводился комплекс предприятий по глубокой переработке древесины, г. Архангельск (строились крупнейшие в стране лесопильные заводы, проектировались производства по глубокой переработке лесных ресурсов), п. Тавда в Уральской области (лесопромышленные предприятия, комбинированные с металлургией), район у р. Кама западнее г. Пермь (будущий п. Краснокамск), где намечалось сооружение крупного целлюлозно-бумажного комбината и лесопильного завода. В Белорусской ССР, Северокавказском и Средневолжском краях, несмотря на высокую концентрацию предприятий, в том числе деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных, говорить о формировании лесопромышленных узлов нецелесообразно — прежде всего в силу малых размеров производств (см. цв. вклейку, рис. 4).

Второй пятилетний план в отношении пространственного размещения лесопромышленного комплекса предполагал дальнейшее повышение удельных весов Европейского Севера, Урала и Сибири в разных отраслях за счет строительства большого числа лесопильно-деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных комбинатов, что позволяло расширить ассортимент продукции, рациональнее использовать лесные ресурсы. Выделялись такие регионы, как Северный край, Карелия, Ленинградская область, Горьковский край, Свердловская и Обско-Иртышская области, Башкирия, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный края¹¹. В каждом из этих регионов, за исключением Дальнего Востока, должен был строиться крупный целлюлозно-бумажный комбинат (в некоторых случаях — несколько), представлявший собой высокотехнологичное индустриальное производство, способное стать «точкой роста» региональной экономики и подтянуть менее развитые сферы заготовки и механической обработки древесины.

К ведущим центрам лесной промышленности, формировавшимся с первого пятилетнего плана и продолжавшим развиваться во второй пятилетке (п. Правдинск, г. Тавда, г. Архангельск), должны были добавиться г. Котлас (возводились лесной комбинат, фанерный завод и мебельная фабрика) и г. Сыктывкар (сооружались лесной и целлюлозно-бумажный комбинаты, лесопильный, фанерный и канифольно-экстракционный заводы) в Северном крае, п. Сегежа в Карелии (строились лесной и целлюлозно-бумажный комбинаты), г. Уфа (возводились лесной и целлюлозно-бумажный комбинаты, мебельная фабрика, завод бумагоделательных машин), п. Краснокамск в Уральской

⁹ Закиров А. Указ. соч. С. 112–113.

¹⁰ Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие (1928/29–1932/33 гг.). Приложение к III тому пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929.

¹¹ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). М., 1934. Т. 1. С. 580–581, 588, 607, 614, 627–637, 639.

области (сооружались целлюлозно-бумажный комбинат, бумажная фабрика), г. Сталинград (лесопильные предприятия, завод гидролиза древесины и пропиточный завод), г. Красноярск (целлюлозно-бумажное, лесопильное и мебельное предприятия) (см. цв. вклейку, рис. 5). В первой и второй пятилетках одним из мест концентрации предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины являлась Москва, которую тем не менее вряд ли можно считать лесопромышленным узлом. Столичные предприятия были ориентированы на решение узких производственных задач (например, производство мебели, бумаги) и оторваны от сырьевых баз.

Благодаря локализации новых строителей на карте хорошо видны сдвиги в размещении лесной промышленности в северном и восточном направлениях, четче просматриваются лесопромышленные узлы: на Европейском Севере, в Волго-Вятском районе, на Урале, в Сибири. Однако ключевые принципы размещения промышленности — о необходимости развития окраинных и национальных районов, приближения предприятий к источникам ресурсов, комбинирования и кооперирования производств — для лесопромышленного комплекса не срабатывали в полной мере. Часть предприятий размещалась в северных и восточных районах, богатых лесными ресурсами, в целях выпуска полуфабрикатов и готовой продукции, которые было удобнее транспортировать на дальние расстояния. Другая часть производств (в первую очередь связанных с деревообработкой) находилась в основных районах потребления продукции, то есть в Европейской части страны. В некоторых случаях размещение лесопромышленных предприятий происходило без реальной привязки к транспортной инфраструктуре. Направленность экономической политики Советского государства на комбинирование и кооперацию в лесной промышленности следует признать актуальной и целесообразной для данного периода. Это позволило реализовать ряд крупных проектов в автономной Карельской республике, Северном крае, Уральской области, ставшими «точками роста» в регионах, где происходило освоение новых технологий в сферах механической обработки и глубокой переработки древесины, новых видов продукции, при этом в совокупности с развитием отраслевого машиностроения.

Проявления проблемы лесопромышленных узлов на региональном уровне немногочисленны и, скорее, отражают попытки проектирования промышленных комплексов и узлов без конкретной теоретико-методологической базы. Так, в последний год первой пятилетки В. Ф. Васютин, выступивший с докладом о перспективах Урало-Кузнецкого комбината во второй пятилетке на I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил, о роли лесопромышленного комплекса говорил поверхностно, в основном в связи с развитием уральской древесно-угольной металлургии, которая должна была выпускать наиболее высокие сорта металла и комбинироваться с лесохимией. Однако в перечне основных комплексов Урало-Кузбасса присутствуют те, перспективы которых напрямую зависели от лесопромышленной деятельности. Комплексное лесопользование (развитие сфер заготовки, механической обработки и глубокой переработки древесины) должно было осуществляться в Верхнекамском районе, в северо-восточной части Урала (Тобольский Север), Томско-Чулымском и Хакасском районах. Лесная, бумажная отрасли развивались в Вишерском, Пермском узлах и в Ойротии (Горный Алтай)¹². В перечне комплексов не упоминаются Северный Урал (с центром в г. Надеждинске), где делалась ставка на развитие древесно-угольной металлургии и лесохимии, и Уфимский узел, где должны были развиваться фанерная и целлюлозно-бумажная отрасли, лесное машиностроение.

В Северном крае в 1932 г. для разработки отдельных элементов второго пятилетнего плана при Крайплане было организовано 20 бригад по отраслям и крупным промышленным узлам (Архангельскому, Котласскому, Сыктывкарскому, Печорскому, Бирючевскому, Соколо-Вологодскому) в составе специалистов научных и научно-исследовательских организаций, профсоюзов, комсомола. Бригада лесной промышленности была одной из самых представительных (75 человек из 500) и работала по четырем направлениям: лесозаготовительному, деревообделочному, лесохимическому и целлюлозно-бумажному¹³. В Нижегородском крае в годы первой пятилетки

¹² Васютин В. Ф. Основные линии развития Урало-Кузбасса во втором пятилетии. Переработанный и дополненный доклад, прочитанный на I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил. М., 1932. С. 21–22, 60, 62, 67–68.

¹³ За большевистский план второй пятилетки Северного края (к краевой конференции по второй пятилетке). Архангельск, 1932. С. 5.

было положено начало формированию мощных производственных узлов (и в период 1933–1937 гг. они еще более укреплялись), три из которых имели лесопромышленный характер: Балахнинский (целлюлозно-бумажная отрасль комбинировалась с энергетикой), Марийский и Ветлужский (лесная промышленность и химия)¹⁴. В 1937 г. государственный институт по проектированию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности спроектировал Сыктывкарский промышленный узел в Коми АССР. Он включал целлюлозно-бумажный комбинат, канифольно-экстракционный, фанерный и гидролизный заводы¹⁵.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫХ УЗЛОВ: ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Следует более подробно проанализировать две работы 1930-х гг., где были осуществлены попытки концептуализации проблемы лесопромышленных узлов на макро- и микроуровнях.

И. Капитонов и С. Славин, рассматривая перспективы развития Советского Севера¹⁶ во второй пятилетке, располагавшего основными лесными запасами страны, по сути, сформулировали методологическое обоснование размещения и функционирования лесопромышленного комплекса. Север к концу первой пятилетки давал 42,7 % общего объема заготовки древесины в стране и почти целиком обеспечивал лесной экспорт. При этом авторы отмечали «наибольшую экономическую связь отдельных регионов Севера с более южно расположенными индустриальными районами и минимальные внутренние связи между экономическими районами Севера» с усилением их к западу страны и предлагали решение проблем освоения территории посредством выделения шести экономических комплексов с конкретными специализациями.

Ключевым принципом размещения и функционирования лесопромышленных (лесопромышленных и транспортных) узлов стала направленность на удовлетворение внутренних потребностей страны, экспорта (в том числе возможность изменить эту направленность в зависимости от конъюнктуры мирового лесного рынка). И. Капитонов и С. Славин описали роли экономических комплексов Севера в обеспечении лесными ресурсами и материалами внутренних потребностей страны и экспорта, введя понятие маневренных лесопромышленных узлов¹⁷. При этом авторы не вводили определений комплексов и узлов, и различие между ними можно уловить только по количеству отраслей и территориальному охвату.

Архангельский, Игарский и ряд дальневосточных узлов должны были работать на экспорт; Обь-Иртышский комплекс и узел в устье р. Подкаменная Тунгуска становились маневренными узлами; Карелия, Котласский, Сыктывкарский, Енисейский и некоторые дальневосточные узлы, Якутский комплекс должны были удовлетворять внутренние потребности страны (см. цв. вклейку, рис. б). Новые лесопромышленные узлы размещались на водных артериях, при условии пересечения их с железными дорогами из районов, которые они призваны были обслуживать. В результате на Советском Севере еще более укреплялись характерные для Европейского Севера и Урала железнодорожно-речная система (сетчатая — из-за пересечения рек железными дорогами) движения лесной продукции, линейно-ареальные формы территориальной концентрации населения.

Можно сделать вывод о глубоком понимании И. Капитонова и С. Славина направлений пространственного размещения лесопромышленного комплекса на Советском Севере, который уже в среднесрочной перспективе превращался в основной лесопромышленный район страны, учитывавших изменчивую конъюнктуру мирового лесного рынка, особенно в связи с мировым

¹⁴ Основные линии развития хозяйства Нижегородского края во втором пятилетии (1933–1937). 2-е изд., испр. Нижний Новгород, 1932. С. 29–30.

¹⁵ Малкова Т. А. Сыктывкарский промышленный узел в довоенные годы: к вопросу исследования и формирования // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар, 2013. С. 68–69. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 72.)

¹⁶ Авторы относили к Советскому Северу Кольский полуостров, Карельскую АССР, Северный Урал (севернее г. Надеждинска, г. Соликамска) и бывший Тобольский округ, Западную Сибирь (севернее района, охватываемого Урало-Кузнецким комбинатом, то есть часть бывших Томского и Тарского округов), Восточную Сибирь (севернее г. Черемхово и оз. Байкал), Якутскую АССР, Дальневосточный край (до Хабаровска, район севернее Уссурийской железной дороги и далее севернее 50-й параллели), Северный край в его административных границах.

¹⁷ Капитонов И., Славин С. Указ. соч. С. 169, 171, 175.

экономическим кризисом, и увеличение внутренних потребностей в древесине. В связи с планировавшимся возрастанием роли Советского Севера в заготовке, механической обработке и глубокой переработке древесины, увеличением потребностей страны в лесных ресурсах и материалах подход Капитонова и Славина, сильной стороной которого является также прогнозирование транспортных потоков древесины, представляется рациональным. Скорее всего, идеи авторов использовались при определении перспектив пространственного размещения лесопромышленного комплекса СССР, поскольку в последующие десятилетия отрасль развивалась в направлении дальнейшего освоения лесов северных и восточных районов и формирования новых лесопромышленных узлов, в том числе функционирующих в рамках территориально-производственных комплексов.

В 1938 г. в журнале «Плановое хозяйство» вышла статья эконом-географа Д. Богорада, посвященная конкретному лесопромышленному комплексу — Енисейскому. За годы первых пятилеток это, скорее всего, единственная (или одна из немногочисленных) работа, посвященная характеристике данной формы пространственного размещения лесной промышленности Советского Союза на микроуровне.

Д. Богорад считал наиболее перспективным создание в Сибири Енисейского лесопромышленного узла (хотя в заглавии статьи он называется комплексом — видимо, на будущее) в устье р. Ангары, к которому тяготели массивы с запасом древесины в 3,3 млрд куб. м с преобладанием сосны и лиственницы, причем преимущественно спелых и перестойных насаждений (и это на фоне слабой изученности лесов к северу от г. Красноярск). К концу второй пятилетки использование лесов Ангарского бассейна было минимальным — около 1 млн куб. м в год. Древесина перерабатывалась на Маклаковском, Енисейском и Игарском лесозаводах и отправлялась на экспорт, что обуславливало ведение выборочных, а местами приисковых рубок и приводило к захламлению лесов и частым пожарам.

С пожеланием как можно быстрее освоить лесные массивы, Д. Богорад весьма романтично описывает перспективы лесопромышленного узла, по замыслу эконом-географа, чуть ли не одного из крупных мировых лесопромышленных центров. Только лесопильных рам можно было установить не менее 250, исходя из амортизационного срока работы заводов 20 лет. Напротив, Главлесэкспорт рассчитывал построить в Енисейском узле 54 рамы, что позволяло предприятиям бесперебойно работать 50–60 лет. Енисейский лесопромышленный узел должен был включать также крупный целлюлозно-бумажный комбинат (его сырьевая база требовала еще более подробного изучения), фанерное и лесохимическое производство. Набор лесохимических отраслей, по замыслу Д. Богорада, был представлен выпуском древесноволокнистых плит — актуальной продукции для строительной отрасли, лигнофоли, уксусной кислоты, смолы, канифоли, спирта, пластмасс и другой продукции¹⁸. То есть крупные запасы лесных ресурсов, большой объем отходов лесопиления стимулировали создание в Нижнем Приангарье лесопромышленного узла (имевшего все шансы для превращения в мощный лесопромышленный комплекс), деятельность которого основывалась на комплексном использовании сырья.

Д. Богорад обследовал берег р. Енисей на участке от устья р. Ангары до д. Баженово (в 43 км севернее от г. Енисейска) и выявил восемь потенциальных площадок для строительства предприятий, две из которых — в 10–14,5 и 16–27 км к северу от г. Енисейска — считал наиболее пригодными. Автор надеялся, что изученность трассы железной дороги Ачинск — Енисейск и начало работ над ее техническим проектом позволят в 1941 г. ввести линию в эксплуатацию, но тут же критиковал Наркомлес за слабую работу по изучению лесных массивов. Д. Богорад рисовал радужные планы насчет того, что уже в 1939 г. в районе г. Енисейска начнется промышленное строительство и в случае реализации проекта в городе будут проживать 100–150 тыс. человек¹⁹ (в конце 1930-х гг. в наиболее крупных лесопромышленных центрах — Соколе, Тавде, Краснокамске — насчитывалось по 25–30 тыс. жителей), большинство из которых будет занято в лесной промышленности. В перспективе намечалось развивать здесь и тяжелую промышленность.

¹⁸ Богорад Д. Енисейский лесопромышленный комплекс // Плановое хозяйство. 1938. № 2. С. 128–131.

¹⁹ Там же. С. 131–132.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществление программы индустриализации лесной промышленности потребовало обоснования форм пространственного размещения отрасли, которая, помимо осуществления задач по заготовке древесины, производству и экспорту продукции, развивалась в тесной кооперации с другими компонентами советской экономики. Строительство новых предприятий преследовало цели приближения их к источникам сырья и потребления продукции, внутриотраслевого и межотраслевого комбинирования и кооперации. Масштабность задач обусловила концентрацию производств в наиболее благоприятных — с точки зрения расположения лесных массивов, транспортных путей, объектов энергетики, потребителей продукции — районах. Ими стали в первую очередь Европейский Север, Волго-Вятский район, Урал, тогда как первыми пятилетними планами сооружение мощных предприятий предполагалось также в Сибири.

В первых пятилетних планах, на отраслевых технических конференциях основное внимание уделялось районам размещения предприятий, их комбинированию и кооперированию, конкретные формы этих процессов — комбинаты, узлы, комплексы — прописывались поверхностно. Напротив, на страницах журнала «Плановое хозяйство» экономисты и эконом-географы сделали первые попытки обоснования форм пространственного размещения лесной промышленности, что свидетельствует о большом значении отрасли в экономическом и пространственном развитии Советского Союза в годы первых пятилеток.

Локализация новых строений на картах — по материалам первого и второго пятилетних планов — позволила глубже понять направления и формы пространственного размещения лесной промышленности. Налицо ориентир на создание мощных лесопромышленных узлов в составе предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины (в ряде случаев — по отраслевому машиностроению) в многолесных, то есть северных и восточных, районах страны.

Использование И. Капитоновым и С. Славным при обосновании размещения лесной промышленности понятий «комплекс» и «узел» следует считать одной из первых попыток определить характер территориально-производственных структур в условиях осуществлявшейся индустриализации. Однако трактовка этих терминов не была представлена, и к разграничению их содержания ученые вернулись в 1960–1970-х гг., когда потребовалось сформулировать сущность территориально-производственных комплексов и их место в структуре экономики Советского Союза. Эконом-географ Д. Богорад проделал большую работу по изучению района перспективного для Сибири Енисейского лесопромышленного узла, рассмотрев лесные запасы территории и определив набор производств.

То есть уже в годы первых пятилеток лесопромышленный узел как форма пространственного размещения лесной промышленности был обоснован — но в первую очередь в практическом плане, а не в теоретико-методологическом. Это позволило определить направления освоения лесных ресурсов, комплексирования компонентов лесной промышленности, что было весьма актуально для экономики северных и восточных районов Советского Союза, где отрасль играла важную роль в экономике, в процессе их индустриализации. Эти разработки сыграли важную роль при проектировании в послевоенный период мощных лесопромышленных комплексов на Европейском Севере и в Восточной Сибири.

References

Alekseev V. V., Alekseeva E. V. *Modernizatsiya Rossii: nazad v budushchee?* [Modernization of Russia: Back to the Future?]. Ekaterinburg: Akademkniga Publ., 2000. (In Russian).

Algvare K. V. *Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities*. Stockholm: Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. (In English).

Atlas ekonomicheskoy spetsializatsii regionov Rossii [Atlas of Economic Specialization of Russia's Regions]. Moscow: NIU VShE Publ., 2021. (In Russian).

Bandman M. K. *Territorial'no-proizvodstvennye komplekсы: teoriya i praktika predplanovykh issledovaniy* [Territorial Production Complexes: Theory and Practice of Pre-planned Research]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980. (In Russian).

Bogorad D. [Yenisei Timber Industry Complex]. *Planovoe khozyaystvo* [Planned Economy], 1938, no. 2, pp. 126–132. (In Russian).

Kapitonov I., Slavin S. [Problems of Development of the North in the Second Five-Year Plan]. *Planovoe khozyaystvo* [Planned Economy], 1932, no. 3, pp. 168–189. (In Russian).

Kolosovskiy N. N. [Industrial-Territorial Combination (Complex) in Soviet Economic Geography]. *Kolosovskiy N. N. Izbrannye trudy* [Kolossofsky N. N. Selected Works]. Smolensk: Oykumena Publ., 2006, pp. 87–121. (In Russian).

Malkova T. A. [Syktyvkar Industrial Hub in the Pre-War Years: On the Issue of Research and Formation]. *Industrializatsiya Evropeyskogo Severo-Vostoka Rossii: predposylki, sposoby osushchestvleniya i vliyaniye na sotsial'no-ekonomicheskoe, politicheskoe, etnodemograficheskoe i kul'turnoe razvitie regiona* [Industrialization of the European North-East of Russia: Prerequisites, Methods of Implementation and Impact on the Socio-economic, Political, Ethnodemographic and Cultural Development of the Region]. Syktyvkar: Komi nauch. tsentr UrO RAN Publ., 2013, pp. 62–73. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS; iss. 72). (In Russian).

Osnovnye linii razvitiya khozyaystva Nizhegorodskogo kraya vo vtorom pyatiletii (1933–1937). 2-oe izd. [The Main Lines of Development of the Economy of the Nizhny Novgorod Region in the Second Five-Year Period (1933–1937). 2nd ed.]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya kraevaya planovaya komissiya Publ., 1932. (In Russian).

Poberezhnikov I. V. [Theoretical and Methodological Justification of the Multilevel Study of Modernization]. *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv.: vzaimodeystvie makro- i mikroprotsessov* [The Experience of Russian Modernization of the 18th–20th Centuries: Interaction of Macro- and Micro-Processes]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2011, pp. 12–48. (In Russian).

Treyvish A. I. [Historical Experience of Modernization of Russian Society and Space]. *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke* [Challenges and Policy of Spatial Development of Russia in the 21st Century]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2020, pp. 12–49. (In Russian).

Vasyutin V. F. *Osnovnye linii razvitiya Uralo-Kuzbassa vo vtorom pyatiletii. Pererabotannyy i dopolnennyy doklad, pročitannyy na I Vsesoyuznoy konf. po razmeshcheniyu proizvoditel'nykh sil* [The Main Lines of Development of Ural-Kuzbass in the Second Five Years. Revised and Supplemented Report Read at the First All-Union Conf. on the Deployment of Productive Forces]. Moscow: “Sovetskaya Aziya” Publ., 1932. (In Russian).

Za bol'shevistskiy plan vtoroy pyatiletki Severnogo kraya (k kraevoy konferentsii po vtoroy pyatiletke) [For the Bolshevik Plan of the Second Five-Year Plan of the Northern Krai (To the Regional Conference on the Second Five-Year Plan)]. Arkhangel'sk: Partizdat Publ., 1932. (In Russian).

Zakirov A. [Some Problems of Formation and Development of Timber Industry Hubs]. *Lesnoy zhurnal. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Forest Journal. News of Higher Educational Institutions], 1979, no. 1, pp. 112–115. (In Russian).

УДК 94(470.55)“19”

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-46-53

Бочкарёва Ирина Алексеевна

к. и. н., и. о. заведующего кафедрой «Экономика и управление» ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет» (Россия, Челябинск)

ORCID: 0000-0002-3595-2963

E-mail: bochkareva_1969@mail.ru

Ключевые объекты ядерного наследия советского атомного проекта: озеро Карачай*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается становление отечественного ядерно-промышленного комплекса в свете радиоэкологических последствий. Как известно, атомный проект СССР сыграл важнейшую роль в истории нашей страны второй половины XX в., во многом определив ее политическое и социально-экономическое развитие. Главным итогом его реализации стало создание ядерного щита страны, позволившего обеспечить обороноспособность и национальную безопасность нашего государства, что не утратило своей актуальности и сегодня. Наряду с этим советская атомная программа породила целый комплекс проблем, в том числе в области экологии и охраны окружающей среды, привела ко многим непредвиденным долговременным последствиям. На примере предприятий ядерного комплекса Урала, и в первую очередь химического комбината «Маяк» (ныне производственное объединение «Маяк»), сыгравшего ключевую роль в создании атомного оружия, выявляются причины возникновения ядерно-радиационного наследия, дается оценка связанных с ним экологических последствий и рисков, анализируется содержание мер по их устранению. Учитывая, что радиоэкологические проблемы развития атомной отрасли по-прежнему сохраняют свою остроту, опыт прошлого особенно востребован. Дальнейшее изучение комплекса вопросов, связанных с ядерным наследием, и предпринимаемых усилий по их разрешению позволит дополнить имеющееся представление о содержании и последствиях реализации отечественного уранового проекта, истории России и регионов, пострадавших в результате деятельности атомных предприятий, а также по-новому взглянуть на возможности и риски развития ядерной индустрии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советский атомный проект, ядерно-радиационное наследие, атомная промышленность, история Урала, радиоактивное загрязнение окружающей среды

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00103.

UDC 94(470.55)''19''

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-46-53

Irina A. Bochkareva

Candidate of Historical Sciences, South Ural Technological University (Russia, Chelyabinsk)

ORCID: 0000-0002-3595-2963

E-mail: bochkareva_1969@mail.ru

**Key Objects of the Nuclear Legacy of the Soviet
Nuclear Project: Lake Karachay**

ABSTRACT. The article considers the formation of Russia's nuclear-industrial complex in the light of radioecological consequences. The USSR atomic project is known to have played a major role in the history of our country in the second half of the 20th century, largely determining its political and socio-economic development. The main result of its implementation was the creation of the country's nuclear shield, which made it possible to ensure the defense capability and national security of our state, which has not lost its relevance today. Along with this, the Soviet nuclear program gave rise to a whole range of problems, including those in the field of ecology and environmental protection, and led to many unforeseen long-term consequences. On the example of the enterprises of the nuclear complex of the Urals, and, first of all, the chemical plant «Mayak» (now the production association «Mayak»), which played a key role in the creation of atomic weapons, the reasons for the emergence of nuclear and radiation legacy are identified, the environmental consequences and risks associated with it are assessed, and the content of measures to eliminate them is analyzed. Given that the radioecological problems of the development of the nuclear industry are still acute, the experience of the past is especially in demand. Further study of the complex of issues related to the nuclear legacy and the ongoing efforts to resolve them will make it possible to supplement the existing understanding of the content and consequences of the implementation of the domestic uranium project, the history of Russia and its regions affected by the activities of nuclear enterprises, as well as take a fresh look at the possibilities and risks of development of the nuclear industry.

KEYWORDS: soviet nuclear project, nuclear and radiation legacy, nuclear industry, history of the Urals, environment radioactive contamination

Ядерное наследие связано преимущественно с начальным этапом формирования атомной индустрии, когда на первый план выдвигались вопросы создания ядерного оружия. Основными его составляющими являются накопление огромных объемов радиоактивных отходов, в том числе высокоактивных, в емкостях-хранилищах, радиационно дестабилизированные территории и объекты гидросферы, включая промышленные водоемы, наличие значительного количества ядерно и радиационно опасных объектов, в частности остановленных уран-графитовых реакторов, зданий, установок, которые на протяжении многих десятилетий представляют серьезную потенциальную радиационную угрозу для окружающей природной среды и населения, проживающего в зоне техногенного воздействия атомных объектов. Это особенно актуально для Уральского региона, на территории которого расположены ведущие атомные предприятия, и прежде всего химический комбинат «Маяк» (комбинат № 817) — первый в нашей стране ядерно-оружейный комплекс. По подсчетам специалистов, здесь сосредоточено около 90 % объема накопленных в нашей стране жидких радиоактивных отходов, 94 % территорий, пострадавших от воздействия радиации, а также сотни радиоактивно загрязненных зданий, установок, могильников¹.

С самого начала деятельности перед коллективом химкомбината «Маяк» была поставлена сложнейшая, не имеющая технологических аналогов задача в беспрецедентно короткие сроки освоить новые технологии атомного производства и получить оружейный плутоний для ядерной бомбы.

Форсированное освоение сложного и крайне опасного производства без должной проработки вопросов ядерной и радиационной безопасности, отсутствие научных знаний о влиянии ионизирующего излучения на человека и природу и технологического опыта, а также ряд других причин привели к возникновению серьезных радиационных инцидентов и аварий, особенно в первые годы работы предприятия.

Самыми крупными происшествиями в свете последствий стали: сброс жидких радиоактивных отходов в реку Течу в 1949–1956 гг., взрыв емкости-хранилища радиоактивных отходов в 1957 г., ветровой перенос техногенных радионуклидов с обсохшей береговой полосы озера Карачай в 1967 г.

В значительной мере они были обусловлены неразрешенностью проблемы обращения с жидкими радиоактивными отходами, которые образовывались в огромных объемах в процессе функционирования химкомбината. В начальный, наиболее сложный период осуществления атомного проекта все внимание создателей ядерного оружия было сфокусировано на разработке и совершенствовании технологии промышленного получения оружейного плутония, поэтому вопросам изоляции, удаления и захоронения радиоактивных отходов уделялось крайне мало внимания².

Из всех основных производств химкомбината «Маяк» — реакторного, радиохимического и химико-металлургического — наибольшую техногенную опасность ионизирующего излучения для персонала, населения, прилегающих к предприятию территорий представляло радиохимическое производство, поскольку в процессе его деятельности образовывались колоссальные объемы радиоактивных отходов разной степени активности. Еще до его ввода в эксплуатацию учеными предпринимались попытки решения данной проблемы. В частности, была разработана технология, в основу которой был положен метод выпаривания жидких высокоактивных отходов (более 1 Ки/л активности), позволяющий существенно сократить их объемы. Для локализации отходов было спроектировано особое хранилище, объем которого составлял 15 тысяч кубометров в год. Вместе с тем средне- и низкоактивные отходы, образующиеся в больших объемах, не вмещались ни в какие хранилища (так, например, для переработки одной тонны урановых блоков требовалось примерно 2000 тонн воды для охлаждения аппаратов)³.

¹ Проблемы ядерного наследия и пути их решения. М., 2012. Т. 1. С. 7–9.

² ГФ НТД ФГУП «Маяк». Ф. 1. Оп. 1. Д. 17а. Л. 1–2.

³ Полухин Г. А. Атомный первенец России. Озерск, 1998. Ч. 2. С. 160; Сохина Л. П. Страницы истории радиохимического завода ПО «Маяк». Озерск, 2001. С. 23.

В 1947 г., примерно за год до пуска первого промышленного атомного реактора, ученые пришли к заключению о невозможности снижения уровня концентрации радиоактивных веществ в сбросных растворах до безопасного и потому неизбежности их сброса в мелководную реку Теча, на водосборной территории которой был расположен химкомбинат. Первоначальным проектом предполагалось, что в Течу будут удаляться предварительно очищенные высокоактивные отходы в объеме до 3 Ки активности в сутки, а также низко- и среднеактивные отходы — не более 40 Ки в сутки⁴. При этом, учитывая, что Теча является началом большой речной системы Исеть — Тобол — Иртыш — Обь, ученые полагали, что воды этих рек существенно снизят концентрацию радионуклидов до безопасных величин. Однако уже начальный период деятельности радиохимического производства показал, что уровень и объем сбросов значительно превышают предусмотренные проектом значения⁵.

Дело в том, что создаваемое радиохимическое производство было, по сути, опытно-экспериментальным. Переход от опытной технологии к промышленной был сопряжен со многими сложностями. Обусловлен он был не только проблемой масштаба, но и уровнем радиационных полей, которые формировались в результате многочисленных аварий, сопровождавших начальный период работы радиохимического завода. Химические реакции под действием крайне высоких радиоактивных полей шли совсем не так, как в лабораторных условиях. Поэтому в технологию и оборудование приходилось постоянно вносить изменения⁶. В результате резко возрастали объемы и активность отходов, к изоляции и хранению которых завод не был готов. Практически невыполнимой оказалась и очистка радиоактивных отходов перед сбросом в реку.

Кроме того, в начале 1949 г. не удалось запустить на проектную мощность разработанную ранее технологию по сокращению объемов высокоактивных жидких отходов посредством выпаривания, и выпарные аппараты пришлось остановить. Емкости, построенные для хранения «упаренных» высокоактивных жидких отходов, не могли вместить огромные объемы «неупаренных» отходов. В экстренном порядке необходимо было решать проблему изоляции и хранения гигантских объемов жидких высокорadioактивных отходов либо останавливать радиохимический завод. Во избежание остановки производства и срыва жестких сроков выполнения важнейшей государственной задачи было принято решение продолжить сброс низкоактивных отходов в Течу, добавив к ним среднеактивные отходы, притом безо всякой предварительной очистки⁷. В период с декабря 1948 по октябрь 1951 г. практически все низко- и среднеактивные отходы, а также аварийные технологические и другие растворы большой активности направлялись в Течу.

Это вынужденное решение, принятое тогда руководством ядерного проекта, на длительный период определило будущее нескольких рек и водоемов Урала. Уже в первые месяцы 1949 г. проведенные специалистами центральной заводской лаборатории химкомбината исследования проб воды и донных отложений по течению Течи показали высокий уровень содержания радионуклидов в реке почти на всем ее протяжении⁸.

Над огромной речной системой нависла серьезная радиоэкологическая опасность, под угрозой оказались здоровье и жизнь проживающего на берегах Течи, Исети и Тобола населения. Но в тот период времени вряд ли кто-то мог предвидеть масштабы и последствия приближающейся катастрофы⁹. Несмотря на то, что директор химкомбината Б. Г. Музруков неоднократно докладывал руководству атомного проекта о сложившейся крайне сложной радиационной обстановке в прибрежных районах Течи, практически до середины 1951 г. какие-либо меры по снижению уровня

⁴ Сохина Л. П. Радиоактивные отходы — проблемы и решения (страницы истории). Озерск, 2001. С. 4; ГФ НТД ФГУП ПО «Маяк». Ф. 1. Оп. 13. Д. 38. Л. 14–16.

⁵ Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 322.

⁶ Сохина Л. П. Радиоактивные отходы — проблемы и решения... С. 6.

⁷ Перетрухин В. Ф., Ершов Б. Г., Захаров А. П. 34 года у руля Института. Очерк научной и научно-организационной деятельности академика В. И. Спицына // История науки и техники. 2009. № 11. С. 72–73; Проблемы ядерного наследия и пути их решения... С. 92.

⁸ ГФ НТД ФГУП ПО «Маяк». Ф. 1. Оп. 1. Д. 99. Л. 2–3; МАОГО. ОАФ 111. Оп. 1. Д. 166а. Л. 120–121; ГФ НТД ФГУП ПО «Маяк». Ф. 5. Оп. 12. Д. 1. Л. 296.

⁹ Урал в панораме XX века... С. 322.

опасности, вызванной радиоактивным загрязнением речной системы, обеспечению радиационной защиты местного населения не предпринимались¹⁰.

Только летом 1951 г. для оценки радиоактивности сбросов, произведенных химкомбинатом, была сформирована комиссия под руководством академика А. П. Александрова, которая приняла решение о переключении сбросов всех технологических отходов на озеро Карачай, расположенное в 400 м от радиохимического завода и не имеющее выхода к Тече¹¹. Данный водоем представлял собой пологую впадину естественного происхождения на участке водораздела рек Течи и Мишеляк и по своим гидрогеологическим характеристикам относился к бессточным болотам верхового типа¹².

С 28 октября 1951 г. основной объем среднеактивных жидких радиоактивных отходов с радиохимического завода стал направляться в водоем Карачай и лишь 100–200 Ки/сут. продолжало поступать в Течу¹³. Важно подчеркнуть, что в результате переноса сброса среднеактивных отходов из Течи в Карачай удельная активность воды в реке снизилась примерно в 20 раз¹⁴.

Вместе с тем, когда в прибрежных районах Течи в 1960-е гг. радиационная обстановка постепенно улучшалась, в районе озера Карачай начала формироваться крайне неблагоприятная радиозэкологическая ситуация.

Так, осенью 1962 г. вследствие сброса значительного объема радиоактивных отходов уровень воды водоема существенно поднялся и зеркало озера разлилось до площади 51 га, что потребовало принятия специальных мер по сокращению площади водосбора в целях уменьшения миграции радионуклидов с подземными водами.

Последующий период до 1966 г. был, напротив, маловодным. Уровень воды озера Карачай значительно понизился, при этом оголилось 2,3 га прибрежной полосы и 2–3 га дна озера. Весной 1967 г. в результате ветрового подъема радионуклидов с его обмелевшей береговой черты на прилегающие территории, в том числе и за пределы химкомбината, было вынесено примерно 600 кюри активности.

После этого чрезвычайного радиационного происшествия, в целях предотвращения возможного поступления в атмосферу радиоактивных аэрозолей при аномальных метеорологических условиях, в 1967–1971 гг. были проведены работы по засыпке мелководий, а также рекультивации территории вокруг водоема¹⁵.

За годы использования озера в качестве резервуара жидких радиоактивных отходов в нем накоплено более 120 млн Ки долгоживущих радионуклидов, из них примерно 40 % стронция-90 и 60 % цезия-137, представляющих серьезную угрозу загрязнения подземных и грунтовых вод в результате их миграции. Около 5 млн куб. м промышленных растворов попало из водоема в подземные воды, непосредственно под ним сформировалась линза загрязненных подземных вод площадью до 10 кв. км. Всего, по подсчетам специалистов, совокупная активность накопленных в озере радиоактивных веществ примерно в 2,5 раза превысила суммарную активность радионуклидов, выброшенных в окружающую среду после аварии на Чернобыльской АЭС. По общим запасам накопленной активности Карачай не имеет аналогов в мировой практике.¹⁶

Важно подчеркнуть, что несколько десятилетий водоем являлся источником радиоактивного загрязнения атмосферы, а также территорий, прилегающих к химкомбинату. В 1960-е гг., после ввода в эксплуатацию очистных сооружений на химкомбинате, около 90 % совокупного объема всех аэрозольных выбросов составляли радиоактивные аэрозоли озера Карачай.

¹⁰ ГФ НТД ФГУП ПО «Маяк». Ф. 1. Оп. 14. Ед. 13. Л. 38–40.

¹¹ Косенко М. М. Радиоактивный стронций на Южном Урале // Природа. 2011. № 12 (1156). С. 3–10.

¹² Проблемы ядерного наследия и пути их решения... С. 104.

¹³ ГФ НТД ФГУП ПО «Маяк». Ф. 1. Оп. 13. Д. 38. Л. 16.

¹⁴ Проблемы ядерного наследия и пути их решения... С. 100.

¹⁵ Мокров Ю. Г., Стукалов П. М. Ликвидация озера Карачай — первоочередная задача ПО «Маяк» // Маяк-инфо. 1996. 6 декабря. С. 4.

¹⁶ Мокров Ю. Г., Баторшин Г. Ш., Алексахин А. И. Концепция вывода из эксплуатации поверхностных водоемов-хранилищ ЖРО ФГУП «ПО «Маяк». VII Международный Форум АтомЭко 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.atomeco.org/mediafiles/u/files/Prezentetion_30_10_2013/MOKROV.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

Мощность экспозиционной дозы на береговой полосе водоема в этот период достигала 0,05 р/с, что исключало проведение каких-либо работ без использования специальных средств защиты от радиации.¹⁷

Сложная радиоэкологическая обстановка, сформировавшаяся в районе озера Карачай, оказывала крайне негативное влияние на здоровье людей, флору и фауну. Даже на значительном расстоянии от озера погибли деревья, высохла трава, животные, подходившие к водоему, получали высокие дозы облучения. Вокруг озера были установлены посты, на которых несшие вахту военнослужащие также подвергались переоблучению.

Однако только в конце 1960-х гг. было принято решение о полной ликвидации акватории озера Карачай. За период 1969–1972 гг. суглинистым грунтом было засыпано 15–20 тыс. кв. м загрязненной радионуклидами береговой полосы. Вместе с тем закрыть таким образом акваторию озера оказалось невозможно, поскольку в процессе засыпки достаточно подвижные донные отложения, имеющие существенную толщину, вытеснялись на поверхность воды, в результате чего радиационная обстановка в районе работ резко ухудшалась.

С 1973 г. для консервации водоема начали использовать скальный грунт. В 1980–1981 гг. были проведены первые опытные работы по засыпке северо-восточной части озера фракционированным камнем диаметром около 0,3 м. Но его использование на участках со значительной толщиной техногенных илов также приводило к вытеснению донных отложений на поверхность воды.

Впоследствии экспериментальным путем было установлено, что более эффективным является использование полых бетонных блоков. К середине 1980-х гг. была разработана новая уникальная технология засыпки водоема скальным грунтом с применением специальных полых железобетонных кубов с открытой нижней гранью.

Консервацию озера Карачай предполагалось осуществить в несколько этапов. По проекту первой очереди (1988–1990 гг.) планировалось закрытие северо-восточной части водоема, где было накоплено наибольшее количество техногенных осадков, создававших несравнимо высокие радиационные поля вокруг озера, и возведение разделительных дамб с разбивкой акватории на чеки. К началу 1990-х гг. в рамках реализации этого этапа было локализовано 60 % всего объема подвижных донных отложений и 70 % всех радионуклидов, накопленных в озере, площадь акватории водоема была уменьшена на треть. Деление акватории дамбами на чеки позволило снизить вынос радиоактивных аэрозолей с поверхности озера, уменьшив, таким образом, вероятность и тяжесть возможных последствий прохождения через водоем смерча или вихря.

Проект консервации водного объекта Карачай второй очереди (1990–2000 гг.) предусматривал полную ликвидацию и техническую рекультивацию акватории озера, реабилитацию прилегающих территорий. Однако осуществить мероприятия, запланированные на данном этапе, в полном объеме не удалось. Это было обусловлено тем, что изменение метеоусловий, а именно превышение количества атмосферных осадков над испарением, начавшееся с середины 1980-х гг., привело к повышению уровня озера. Вследствие чего работы на объекте были приостановлены.

С учетом возникших обстоятельств потребовались новые проектные решения по ликвидации водоема, которые были реализованы позднее. В результате выполнения проекта второй очереди было закрыто 28 га из 36 га, локализовано 85 % техногенных осадков по объему и 80 % по активности¹⁸.

¹⁷ Сохина Л. П. Радиоактивные отходы — проблемы и решения (страницы истории)... С. 16; Мокров Ю. Г., Сбитнев И. М., Алексахин А. И. Консервация водоема В-9 «Карачай» // Материалы конференции «АтомЭко-2015» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atomic-energy.ru/video/62593> (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁸ Мокров Ю. Г., Баторшин Г. Ш., Алексахин А. И. Концепция вывода из эксплуатации поверхностных водоемов-хранилищ ЖРО ФГУП «ПО «Маяк». VII Международный Форум АтомЭко 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.atomeco.org/mediafiles/u/files/Prezentetion_30_10_2013/МОКРОВ.pdf; Баранов С. В., Баторшин Г. Ш., Мокров Ю. Г. и др. Озеро Карачай: обоснование решений по выводу из эксплуатации // Безопасность ядерных технологий и окружающей среды. 2011. № 1. С. 94–99 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atomic-energy.ru/articles/2013/03/25/40689> (дата обращения: 10.01.2022); Мокров Ю. Г., Сбитнев И. М., Алексахин А. И. Указ. соч.

По проекту третьей очереди планировалось окончательное закрытие акватории водоема и рекультивация прилегающей территории. Данный этап работ осуществлялся в рамках Федеральной целевой программы «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года» и был успешно реализован к концу 2015 г., что позволило завершить закрытие озера Карачай, полностью исключив вероятность ветрового переноса радионуклидов с береговой полосы, и, таким образом, решить важнейшие задачи обеспечения радиозэкологической безопасности в районе расположения «Маяка». В итоге закрытие акватории водоема позволило локализовать 200 тыс. куб. м высокорadioактивных отходов¹⁹.

В настоящее время осуществляется постоянный мониторинг состояния водоема, позволяющий минимизировать риск распространения радиоактивности за пределы контрольной зоны. Для наблюдения создана сеть специальных скважин.

Следует отметить, что работа по ликвидации объектов ядерного наследия, включающая изоляцию радиоактивных отходов, консервацию пунктов их хранения, специальных промышленных водоемов и радиоактивно загрязненных территорий, прилегающих к предприятию, продолжается. Так, на 2022 г. производственным объединением «Маяк» запланированы работы по консервации очередного хранилища жидких радиоактивных отходов — поверхностного водоема В-17 («Старое болото»). При его ликвидации планируется использование проектных и технических решений, апробированных при закрытии озера Карачай.

Решение комплекса радиозэкологических проблем, связанных с ядерным наследием атомного проекта, — задача крайне сложная и ресурсоемкая. Учитывая, что последствия радиационного воздействия предприятий ядерно-промышленного комплекса имеют значительные масштабы и долговременный характер, а также тот факт, что вследствие их деятельности происходит постоянное накопление образующихся новых радиоактивных отходов, отработавшего ядерного топлива, многое еще предстоит сделать.

Исторический опыт убедительно свидетельствует о том, что проблемы «ядерного наследия» должны находиться в списке первоочередных задач и решаться безотлагательно, в противном случае все это чревато эскалацией ущерба, нанесенного человеку и окружающей природной среде.

References

Baranov S. V., Batorshin G. Sh., Mokrov Yu. G. et al. [Lake Karachay: Substantiation of Decisions on Decommissioning]. *Bezopasnost' yadernykh tekhnologiy i okruzhayushchey sredy* [Nuclear & Environment Safety], 2011, no. 1, pp. 94–99. Available at: <https://www.atomic-energy.ru/articles/2013/03/25/40689> (accessed: 10.01.2022). (In Russian).

Kosenko M. M. [Radioactive Strontium in the Southern Urals]. *Priroda* [Nature], 2011, no. 12 (1156), pp. 3–10. (In Russian).

Mokrov Yu. G., Batorshin G. Sh., Aleksakhin A. I. [The Concept of Decommissioning of Surface Reservoirs-Storage Facilities for ZhRO FGUP PO “Mayak”]. *VII Mezhdunarodnyy Forum AtomEko 2013* [7th International Forum AtomEko 2013]. Available at: http://www.atomeco.org/mediafiles/u/files/Prezentetion_30_10_2013/MOKROV.pdf (accessed: 10.01.2022). (In Russian).

Mokrov Yu. G., Sbitnev I. M., Aleksakhin A. I. [Conservation of the Reservoir B-9 “Karachay”]. *Materialy konf. “AtomEko-2015”* [Proceedings of the Conf. “AtomEko-2015”]. Available at: <https://www.atomic-energy.ru/video/62593> (accessed: 10.01.2022). (In Russian).

Peretrukhin V. F., Ershov B. G., Zakharov A. P. [34 Years at the Steering Wheel of the Institute. Essay on Scientific and Science-Managing Activities of Academician V. I. Spitsin]. *Istoriya nauki i tekhniki* [The History of Science and Engineering], 2009, no. 11, pp. 70–81. (In Russian).

Polukhin G. A. *Atomnyy pervenets Rossii. PO “Mayak”: istoricheskiye ocherki* [Nuclear First-Born of Russia. PO “Mayak”: Historical Essays]. Ozersk: Izd-vo PO “Mayak” Publ., 1998, part 2. (In Russian).

Problemy yadernogo naslediya i puti ikh resheniya [Problems of Nuclear Legacy and Ways to Solve Them]. Moscow: S. n., 2012, vol. 1. (In Russian).

¹⁹ Мокров Ю. Г., Сбитнев И. М., Алексахин А. И. Указ. соч.

Sokhina L. P. *Radioaktivnyye otkhody — problemy i resheniya (stranitsy istorii)* [Radioactive Waste — Problems and Solutions (Pages of History)]. Ozersk: Izd-vo PO “Mayak” Publ., 2001. (In Russian).

Sokhina L. P. *Stranitsy istorii radiokhimicheskogo zavoda PO “Mayak”* [Pages of the History of the Radiochemical Plant of the PO “Mayak”]. Ozersk: Izd-vo PO “Mayak” Publ., 2001. (In Russian).

Ural v panorame XX veka [The Urals in the Panorama of the 20th Century]. Ekaterinburg: Izd-vo SV-96 Publ., 2000. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

УДК 94(571.16)“1920”:314

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-54-63

Татарникова Анна Ивановна

к. и. н., старший научный сотрудник Группы истории освоения Сибири, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (Россия, Тобольск)

ORCID: 0000-0002-0854-4956

E-mail: tatob777@yandex.ru

Сеть сельских поселений Томского округа в 1920-е гг.: количественные и качественные характеристики

АННОТАЦИЯ. В работе представлена характеристика сельской поселенческой сети Томского округа Сибирского края, существовавшего в 1925–1930 гг. как самостоятельная административно-территориальная единица, образованная из территорий бывшего Томского и части Мариинского уездов, а также пяти районов Нарымского края Томской губернии. Впервые приведены данные о численности, типологии, величине сельских населенных пунктов округа по количеству дворов и числу жителей в 1920-е гг. Проанализирована дворность и людность поселений разных статусов, определен средний размер крестьянского двора в зависимости от типа населенного пункта по числу проживающих в нем лиц. Полученные статистические данные о состоянии сети сельских поселений Томского округа сопоставлены с аналогичными показателями дореволюционного периода. Сделан вывод о количественных и качественных изменениях в развитии сети сельских поселений округа в первые годы советской власти, выразившихся в появлении в типической структуре населенных пунктов с новым статусом — коммун, совхозов, сельскохозяйственных артелей, опытных полей, а также в увеличении доли хуторов, выселков, заимок в общей численности поселений сельского типа. Прослежено влияние социально-экономической модернизации на сеть населенных пунктов, увеличение числа селений новых типов вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали (станций, будок, казарм, разъездов). Отмечено сокращение размеров дворохозяйства на селе («людности двора»), увеличение густоты поселенческой сети за счет распространения единоличного землеустройства в форме хуторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сеть сельских поселений, Томский округ, типология населенных пунктов, величина поселений, дворность, людность, домохозяйство

HISTORICAL DEMOGRAPHY

UDC 94(571.16)''1920'':314

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-54-63

Anna I. Tatarnikova

Candidate of Historical Sciences, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the RAS (Russia, Tobolsk)

ORCID: 0000-0002-0854-4956

E-mail: tatob777@yandex.ru

The Network of Rural Settlements of the Tomsk District in the 1920s: Quantitative and Qualitative Characteristics

ABSTRACT. The paper presents the characteristics of the rural settlement network of the Tomsk District of the Siberian Territory, which existed in 1925–1930 as an independent administrative-territorial unit formed from the territories of the former Tomsk and part of the Mariinsky uyezds, as well as five districts of the Narym Region of the Tomsk province. For the first time, data on the number, typology, and size of rural settlements of the district by the number of yards and the number of inhabitants in the 1920s are presented. The *dvornost'* and population size of settlements of different statuses are analyzed, the average size of a peasant yard is determined depending on the type of settlement by the number of persons living in it. The obtained statistical data on the state of the network of rural settlements of the Tomsk district are compared with similar indicators of the pre-revolutionary period. The conclusion is made about quantitative and qualitative changes in the development of the rural settlements network of the district in the first years of Soviet power, expressed in the appearance in the typical structure of settlements with a new status — communes, state farms, agricultural artels, experimental fields, as well as in an increase in the share of *hutor*, *vyselki*, *zaimka* in the total number of rural settlements. The influence of socio-economic modernization on the network of settlements, an increase in the number of new types of settlements along the Trans-Siberian railway (stations, booths, barracks, sidings) is traced. There was a reduction in the size of farmsteads in rural areas, an increase in the density of the settlement network due to the spread of individual land management in the form of farms.

KEYWORDS: network of rural settlements, Tomsk district, typology of settlements, size of settlements, yard, population size, household

Формирование поселенческой сети является важной составной частью колонизации любой территории, развития ее производительных сил, транспортной инфраструктуры, размещения трудовых ресурсов. Процесс заселения и хозяйственного освоения новых земель сопровождается складыванием системы расселения, основой которой выступает совокупность административно (в границах территориальных образований) и/или экономически (в производственном, торговом отношениях) связанных между собой населенных пунктов. Наличие названных взаимосвязей позволяет говорить об образовании и развитии сети поселений как результата территориальной организации населения, его размещения в границах определенного региона.

На развитие поселенческой сети оказывают влияние природно-географический, политико-правовой, демографический, социально-экономический и иные факторы. Они определяют численность, типологию, величину населенных пунктов, их экономическую специализацию и социальную инфраструктуру, продолжительность существования, успешность функционирования в целом. Каждый регион имеет свою исторически обусловленную специфику развития сети поселений, зависящую от местных особенностей влияния вышеназванных факторов.

В настоящей статье представлена количественная и качественная характеристика сельской поселенческой сети Томского округа Сибирского края, образованного в 1925 г. Округ включал в себя территории бывшего Томского и части Мариинского уездов, а также пять районов Нарымского края Томской губернии.

В исследовательской литературе проблема развития системы расселения и сети поселений как ее неотъемлемой части в Томском округе в первые десятилетия советской власти практически не изучена. Имеющиеся публикации о функционировании поселенческой сети в названном субрегионе касаются либо дореволюционного периода (1860–1910-е гг.)¹, либо периода с середины 1940-х гг.² В связи с этим представленное исследование поможет восполнить имеющиеся пробелы в изучении вопросов сельского расселения на обозначенной территории.

Подрайон Западной Сибири, в пределах которого располагалось большинство административно-территориальных единиц образованного в 1925 г. Томского округа, можно охарактеризовать как территорию старого земледельческого освоения, где уже в начале XVII в. в ходе русской колонизации постепенно формируется сеть сельских поселений, масштабы которой (густота и людность) продолжают увеличиваться вплоть до 30–50-х гг. XX в.

К 1859 г. в Томском и Мариинском округах Томской губернии функционировало соответственно 682 и 122 населенных пункта (всего 804), бóльшую часть которых составляли деревни, юрты и сёла³. Спустя полвека, к 1911 г., сеть томских сельских поселений насчитывала уже 1367 единиц, мариинских — 422 (всего 1789)⁴. Таким образом, численность томско-мариинских селений выросла в 2,2 раза, произошло увеличение густоты поселенческой сети характеризуемых территорий. Структурные изменения сельской сети поселений выразились в появлении населенных пунктов новых типов — переселенческих поселков и участков, железнодорожных станций. При этом в Мариинском уезде поселки переселенцев составили 46,2 % всей сети поселений, в Томском — 27,5 %. Приведенные данные свидетельствуют в пользу происходившего интенсивного заселения Мариинского уезда, что подтверждается увеличением численности его населенных пунктов в период с 1859 по 1911 г. в 3,4 раза.

Политические и социально-экономические изменения первой четверти XX в. не могли не сказаться на состоянии и дальнейшем развитии системы расселения в рассматриваемом субрегионе. Итогом неоднократных административно-территориальных реформ, проведенных в первые десятилетия советской власти, стали изменение границ округов, реорганизация волостей в районы, уездов в округа, губерний в края.

В 1922 г. из северных территорий Томского уезда, согласно решению Сибревкома, был образован Нарымский уезд, состоявший из тринадцати волостей. В результате проведенного

¹ См.: Поспелова С. В. Заселение территории Асиновского района в 1895–1917 гг. // Земля асиновская: материалы II краеведческих чтений «Край родной — Причулымье». Томск; Асино, 1996. С. 31–35; Татарникова А. И. Сеть сельских поселений Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: масштабы и социальное развитие. Тобольск, 2013.

² См.: Усольцева О. В. Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980-е гг.). Томск, 2018.

³ Подсчитано по: Томская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868.

⁴ Подсчитано по: Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. Томск, 1911.

в 1925 г. экономического районирования в состав новообразованного Томского округа, помимо четырнадцати районов, ранее территориально входивших в одноименный уезд, были включены шесть районов бывшего Мариинского (Верх-Чебулинский, Зырянский, Ижморский, Малопесчанский, Мариинский, Троицкий) и пять районов Нарымского (Александровский, Каргасокский, Колпашевский, Парабельский, Чаинский) уездов. Таким образом, в 1925–1930 гг. в Томском округе насчитывалось двадцать пять районов.

Территория округа простиралась на 392 997 кв. км. Из них на пять районов Нарымского края приходилось 316 500 кв. км (80,5 % всей площади округа), остальные двадцать районов занимали пространство протяженностью 76 500 кв. км (19,5 %)⁵. К 1926 г. плотность населения Томского округа составляла 1,8 чел. на кв. км. В северных слабозаселенных нарымских землях данный показатель не превышал 0,2 чел., в остальных — 8,8 чел. на кв. км. Столь значительная разница в плотности населения между северными и южными районами нашла отражение в неравномерности размещения поселений, развития поселенческой сети в целом.

Таблица 1

**Количество сельских населенных пунктов
в районах Томского округа (1926 г.)***

Район	абс.	%
Александровский	104	2,8
Богородский	89	2,4
Болотнинский	301	8,0
Верх-Чебулинский	61	1,6
Вороновский	47	1,2
Зачулымский	57	1,5
Зырянский	74	2,0
Ижморский	75	2,0
Ишимский	172	4,6
Каргасокский	162	4,3
Коларовский	224	5,9
Колпашевский	144	3,8
Кривошеинский	366	9,7
Малопесчанский	59	1,6
Мариинский	138	3,7
Молчановский	107	2,8
Ново-Кусковский	104	2,7
Парабельский	154	4,1
Поломошинский	81	2,1
Судженский	113	3,0
Тайгинский	280	7,4
Томский	451	11,9
Троицкий	81	2,1
Чаинский	255	6,7
Юргинский	78	2,1
Итого	3777	100

* Составлено по: Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. 952 с.

⁵ Шнейдер А. Р. Округа и районы Сибирского края. Новосибирск, 1930. С. 140.

Подсчет статистических данных, содержащихся в «Списке населенных мест Сибирского края» за 1926 г., показал, что в границах Томского округа функционировало 3777 сельских поселений (см. табл. 1). Из них в пяти нарымских районах, представлявших собой преимущественно болотно-таежную местность, насчитывалось 819 населенных пунктов (21,7 % всей сети сельских поселений). Остальные 2958 селений располагались южнее, в более благоприятных по природно-климатическим условиям местностях. Если в Нарымском крае одно поселение приходилось на 386 кв. км, то в остальной части округа данный показатель составлял 25,9 кв. км⁶.

Наибольшей плотностью (густотой) отличалась сеть поселений Ишимского (один населенный пункт на 10,5 кв. км), Болотнинского (13,3 кв. км), Судженского (19,5 кв. км) и Томского (22,8 кв. км) районов.

Типическая структура сельских поселений Томского округа была представлена 34 видами населенных пунктов. Наиболее распространенными из них являлись хутора, деревни, поселки, заимки и др. (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество сельских поселений различного типа в Томском округе (1926 г.)*

Тип населенного пункта	Количество поселений	
	абс.	в %
Село	176	4,7
Деревня	782	20,7
Юрты	220	5,8
Поселок	512	13,5
Хутор	1314	34,8
Заимка	396	10,5
Выселок	155	4,1
Мельница	41	1,1
Селения при железной дороге (разъезды, казармы, станции, будки, блок-посты)	98	2,6
Селения иных типов	83	2,2
Итого	3777	100

* Составлено по: Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. 952 с.

Сопоставление данных по типам сельских поселений за 1911 и 1926 гг. показывает существенные структурные сдвиги в типической структуре сети населенных пунктов Томского округа. В частности, к 1926 г. преобладающим типом поселений здесь становится хутор. Одновременно происходит рост доли заимок и селений при железной дороге (разъездов, станций, будок и др.). Удельный вес переселенческих поселков и юрт, напротив, снижается.

Рассмотрим описанные процессы подробнее. Представляется, что увеличение количества хуторов и заимок стало следствием распространения индивидуального землепользования, вызванного, с одной стороны, поощрительной политикой государства в позднеимперский период, с другой — земельной теснотой и удаленностью некоторых крестьянских усадеб от пахотных участков в районах старого заселения. В первые годы советской власти процесс землеустроительных работ и создания новых населенных пунктов в рамках организации

⁶ Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. 952 с.

переселенческого движения на восточные окраины страны продолжился, возникшие еще до революции хутора были признаны как самостоятельные населенные пункты⁷. Советское законодательство 1920-х гг. не запрещало крестьянам выделяться на хутора, особенно если они сталкивались с проблемой чересполосицы и дальнотемелья⁸. Запретительные меры государства начнут сказываться на состоянии сети поселений позже, в 1930-е гг., с переходом к политике сселения хуторов в ходе коллективизации.

Подробный анализ «Списка» поселений 1926 г. позволил сделать вывод, что статус хутора имели не только малодворные обособленные селения. Отдельные хутора насчитывали свыше 100 дворов, представляя собой весьма крупные населенные пункты. В них проживали преимущественно эстонцы, латыши, белорусы. К примеру, в Зачулымском районе в Ломовицких хуторах насчитывалось 133 двора и 750 жителей, в Зырянском районе хутор Павловка состоял из 250 дворов и 1344 жителей. В названных хуторах находились сельские советы, работали школы, а в последнем имелась еще и торговая лавка⁹.

Заимки Томского округа были одно- или малодворными поселениями и, как правило, не имели каких-либо элементов инфраструктуры. Часть заимок располагалась на значительном расстоянии от ближайших селений, глубоко в тайге.

Необходимость обеспечения бесперебойного функционирования Транссибирской железной дороги дала жизнь таким типам населенных пунктов, как разъезды, станции, казармы и полуказармы, будки, блок-посты. Из перечисленных типов поселений более крупными были станции и разъезды, средняя величина остальных не превышала восьми дворов.

Как отмечалось выше, в типической структуре томских поселений в 1920-е гг. уменьшается доля переселенческих поселков и юрт. При этом в количественном выражении число населенных пунктов названных статусов незначительно выросло. Если в 1910-е гг. в Мариинском и Томском уездах поселки суммарно составляли 36,8 % всей сети, то в 1926 г. их доля снизилась до 13,5 %¹⁰. Одновременно сократилась доля селений со статусом юрты (с 13,1 % в 1911 г. до 5,8 % в 1926 г.). Причину описанных процессов следует искать в увеличении в 1911–1926 гг. количества хуторов (с 53 до 1314), заимок (с 14 до 396), железнодорожных селений (с 3 до 98) и некоторых других типов населенных пунктов. Обращает внимание переход ряда селений, значившихся в 1911 г. как юрты, в разряд деревень и (реже) сел к 1926 г. Часть бывших юрт сменила свою типическую принадлежность после образования в них сельских советов в первые годы советской власти.

В структуру сельских поселений Томского округа, кроме селений распространенных типов, представленных в таблице 2, входили населенные пункты с редко встречающимся статусом — кордоны, пристани, мельницы, односелья, заводы, пасеки, затоны, скотобойни, бывшие монастыри, рудники и др. Данные о количестве перечисленных типов поселений включены в графу «Селения иных типов» (см. табл. 2). В эту же графу вошли населенные пункты с новыми, ранее не встречавшимися статусами коммун, артелей, совхозов, опытных полей, ферм.

Согласно «Списку» населенных пунктов, к 1926 г. в округе существовало 4 коммуны, 3 фермы, опытное поле, артель и совхоз. Появление новых типов поселений было связано с социально-экономическими преобразованиями, к реализации которых государство приступило после окончания Гражданской войны. Коммуна, как и артель, представляла собой

⁷ Аврех А. Л., Есиков С. А., Канищев В. В., Мизис Ю. А., Протасов Л. Г. Формирование и развитие сельских населенных пунктов Тамбовской области (XVII–XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. М., 1998. С. 4.

⁸ Панкова-Козочкина Т. В. Южнороссийский хутор как способ хозяйствования крестьян и казаков в 1920-х гг. // Наука и школа. 2013. № 2. С. 182.

⁹ Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1929. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. С. 34–35; 38–39.

¹⁰ Подсчитано по: Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. Томск, 1911; Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1929. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири.

форму колхоза, с характерным для него обобществлением средств производства и труда, уравнивающим распределением произведенной продукции¹¹. Совхоз, в отличие от колхоза и артели, являлся государственным кооперативным объединением крестьян, созданным на их собственные средства. В рассматриваемый период в Томском округе коммуны имелись в Ишимском и Юргинском районах, артель — в Коларовском, совхоз — в Томском. В Коларовском и Томском районах существовали населенные пункты со статусом фермы, в Чаинском районе одно селение значилось как опытное поле.

В целом типология сельских населенных пунктов Томского округа отражала те политические и социально-экономические изменения, которые происходили в стране в 1910–1920-е гг. В поселенческой сети в это время одновременно сосуществовали типы селений, характерные как для дореволюционного (заимки, выселки, хутора), так и для раннесоветского (коммуны, артели, совхозы) периодов развития крестьянского землепользования. По мнению ряда ученых, такое сочетание разных типов поселений было более эффективным с точки зрения рационального использования земельных ресурсов, вовлечения в оборот новых сельскохозяйственных угодий¹².

Подавляющее большинство сельских населенных пунктов (около 75 %) насчитывало не более 25 дворов. Это говорит о преобладании в округе мелкоселенных поселений. Селения средней величины, включавшие от 26 до 200 дворов, составляли порядка 23 % всей сети поселений округа, крупные населенные пункты с числом дворов от 201 до 500 — 2 % сети. Наиболее крупных населенных пунктов, состоящих из 500 и более дворов, было всего пять. В основном крупные и наиболее крупные поселения выполняли функции районных центров, имели развитую инфраструктуру. Так, село Болотное Болотнинского района состояло из 1539 дворов с численностью населения 6939 человек. В селе работали 7 школ разного типа, изба-читальня, библиотека, районная больница, ветеринарная аптека, несколько торговых лавок и другие учреждения социальной инфраструктуры. В рабочем поселке Анжеро-Судженские копи Судженского района имелось 8318 дворов и 30 199 жителей. По своей величине поселок вполне соответствовал статусу города, который он получил в 1931 г.¹³

Самыми крупными в структуре сельской поселенческой сети, как правило, были населенные пункты со статусом села. Если в 1911 г. среднее село насчитывало 174 двора с 1184 жителями, то к 1926 г. показатель дворности села вырос до 202, в то время как людность сократилась до 967 человек (см. табл. 3).

Увеличение дворности было характерно для селений со статусом железнодорожной станции. Средняя величина населенных пунктов других типов в рассматриваемый период, напротив, уменьшилась.

Серьезную роль в измельчении сельских поселений в рассматриваемый период сыграл социально-демографический фактор. Людские потери в годы Первой мировой и Гражданской войн, отток части крестьян (преимущественно молодежи) в города, участвовавшие семейные разделы привели к сокращению людности практически всех типов населенных пунктов, за исключением железнодорожных станций и юрт. Определенное влияние на изменение величины домохозяйства в сторону его уменьшения оказала аграрная политика молодого советского государства, выразившаяся в экономическом и психологическом давлении на зажиточные, преимущественно многолюдные, хозяйства и, таким образом, подталкивающая к семейным разделам.

¹¹ Ильиных В. А. Коммуна // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 116.

¹² Димони Т. М. Селение хуторов на Европейском Севере России в конце 1930-х гг. (на материалах Вологодской области) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. М., 1998. С. 159.

¹³ Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1929. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. С. 6, 148.

Таблица 3

**Средняя величина сельских населенных пунктов разного типа
и размер домохозяйства в Томском округе в 1911–1926 гг.***

Тип населенного пункта	Количество дворов		Число жителей		Человек в одном домохозяйстве	
	1911 г.	1926 г.	1911 г.	1926 г.	1911 г.	1926 г.
Село	174	202	1184	967	6,8	4,8
Деревня	81	72	513	380	6,3	5,3
Юрты	8	32	41	152	5,1	4,7
Поселок	49	34	312	155	6,4	4,6
Хутор	12	11	77	57	6,4	5,2
Заимка	4	4	33	22	8,2	5,5
Выселок	31	10	144	55	4,6	5,5
Мельница	3	1	17	9	5,7	9,0
Железнодорожная будка	–	2	–	9	–	4,5
Железнодорожный разъезд	–	17	–	63	–	3,7
Казарма/полуказарма	–	8	–	26	–	3,3
Железнодорожная станция	40	63	153	254	3,8	4,0
Средняя величина населенного пункта в округе	63	25	410	103	6,5	4,1

* Подсчитано по данным: Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. Томск, 1911; Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929.

Следствием дробления крестьянских хозяйств стало сокращение размеров людности домохозяйства. В целом по округу людность двора сократилась с 6,5 чел. в 1911 г. до 4,1 чел. в 1926 г. Особенно заметным стало уменьшение размеров домохозяйства в селах, поселках и заимках. Часть крестьян, ранее проживавших в крупных населенных пунктах, испытывая экономическое давление со стороны государства и ощущая земельную тесноту, выселилась из больших селений на отдаленные земли, образовав хутора или заимки.

Таким образом, процессы распространения индивидуального землепользования и сокращения людности крестьянского домохозяйства были взаимосвязаны. По мнению В. А. Саблина, во второй половине 1920-х гг. уменьшение людности крестьянских семей способствовало понижению производственных характеристик двора и в конечном счете приводило к раскрестьяниванию деревни¹⁴. Особенно заметным этот процесс станет после проведения коллективизации сельского хозяйства.

Данные таблицы 3 демонстрируют увеличение людности крестьянской семьи только в селениях со статусом мельницы, выселка и железнодорожной станции. Однако считать устойчивой тенденцией более высокую людность домохозяйств в населенных пунктах перечисленных статусов, учитывая их немногочисленность в Томском округе, представляется ошибочным. В последующие десятилетия выселки и мельницы исчезнут из типической структуры поселенческой сети

¹⁴ Саблин В. А. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–1920-е годы // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. М., 1998. С. 138.

округа, а железнодорожные станции, как и поселения других типов, будут включать такие же малолюдные домохозяйства.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют говорить о серьезных количественных и качественных изменениях в функционировании сельской поселенческой сети Томского округа в 1920-е гг., произошедших под влиянием политических и социально-экономических факторов.

Количественные изменения выразились в увеличении густоты сельской поселенческой сети, росте численности населенных пунктов в характеризуемом субрегионе в 1911–1926 гг. с 1789 до 2958, то есть в 1,6 раза (без учета поселений Нарымского уезда). При этом средняя величина томского селения за счет участвовавших семейных разделов, увеличения доли малодворных хуторов и заимок сократилась с 63 дворов в 1911 г. до 25 дворов в 1926 г. Характерной тенденцией 1910–1920-х гг. стало уменьшение средней людности крестьянского домохозяйства с 6,5 до 4,1 чел. При этом людность домохозяйства в хуторах, выселках, заимках, мельницах была несколько выше, чем в селениях со статусом сел, юрт и поселков. Это было связано с потребностью в большем числе рабочих рук в семье при выселении из крупных поселений на свободные участки земли, одиночном землепользовании.

Качественные показатели состояния сельской поселенческой сети округа также претерпели изменения. В типической структуре сети населенных пунктов появились артели, коммуны, совхозы и другие типы поселений, не существовавшие в досоветский период. Возникновение селений с новыми статусами было следствием аграрной политики государства, взявшего курс на развитие кооперации в деревне. Отражением социально-экономической модернизации Сибири стало увеличение доли селений, возникновение и функционирование которых имело непосредственную связь с работой Транссибирской железной дороги.

В целом количественные и качественные показатели развития сельской поселенческой сети Томского округа отражали особенности переходного периода 1910–1920-х гг., связанного с трансформацией государственной политики в отношении заселения и аграрного развития страны и ее отдельных территорий, а также с социально-демографическими процессами, происходившими в это время.

References

Avrekh A. L., Esikov S. A., Kanishchev V. V., Mizis Yu. A., Protasov L. G. [Formation and Development of Rural Settlements of the Tambov Region (XVII–XX Centuries)]. *Osobennosti rossijskogo zemledeliya i problemy rasseleniya IX–XX vv.* [Features of Russian Agriculture and Settlement problems of the IX–XX Centuries]. Moscow: Institut Rossijskoj istorii RAN Publ., 1998, pp. 3–5. (In Russian).

Dimoni T. M. [Sselenie of Farms in the European North of Russia in the Late 1930s (Based on Materials of the Vologda region)]. *Osobennosti rossijskogo zemledeliya i problemy rasseleniya IX–XX vv.* [Features of Russian Agriculture and Settlement problems of the IX–XX Centuries]. Moscow: Institut Rossijskoj istorii RAN Publ., 1998, pp. 159–162. (In Russian).

Il'inyh V. A. [Commune]. *Istoricheskaya enciklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009, vol. 9, p. 116. (In Russian).

Pankova-Kozochkina T. V. [South Russian khutor as a farming of peasants and Cossacks in 1920s]. *Nauka i shkola* [Science and School], 2013, no. 2, pp. 181–184. (In Russian).

Pospelova S. V. [Populating the Territory of the Asinovsky District in 1895–1917]. *Zemlya asinovskaya* [Asinovskaya Land]. Asino, 1996, pp. 31–35.

Sablin V. A. [The Main Trends of Demographic Development of the Village of the European North of Russia in the 1917–1920s]. *Osobennosti rossijskogo zemledeliya i problemy rasseleniya IX–XX vv.* [Features of Russian Agriculture and Settlement problems of the IX–XX Centuries]. Moscow: Institut Rossijskoj istorii RAN Publ., 1998, pp. 137–139. (In Russian).

Shneider A. R. *Okruga i rayony Sibirskogo kraja* [Districts and Regions of the Siberian Krai]. Novosibirsk: Sibkrazizdat Publ., 1930. (In Russian).

Tatarnikova A. I. *Set' sel'skih poselenij Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.: masshtaby i social'noe razvitie* [The Network of Rural Settlements in Western Siberia in the Second

Half of the XIX — early XX Centuries: Scale and Social development]. Tobolsk: TKNS UrO RAN Publ., 2013. (In Russian).

Usoltseva O. V. *Sel'skaya poselencheskaya set' Tomskoy oblasti (1940–1980-ye gg.)* [Rural Settlement Network of the Tomsk Region (1940–1980s)]. Tomsk: Demos Publ., 2018. (In Russian).

УДК 930(470.531):314

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-64-77

Игнатова Надежда Максимовна

к. и. н., зав. сектором историко-демографических историко-географических исследований Российского Севера, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар)

ORCID: 0000-0002-1075-9382

E-mail: ignatova11@rambler.ru

Историко-демографические и историко-географические исследования в Институте языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) в XXI в.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные направления историко-демографических и историко-географических исследований, проводимых в Институте языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Научные археологические исследования посвящены истории формирования населения, заселения и освоения территории Республики Коми в древности и средневековье, исторические исследования направлены на изучение динамики, воспроизводства и изменения показателей состава населения, миграций, этнодемографического развития и урбанизационных процессов. В институте ведется большая научно-организационная работа. С 2005 г. регулярно проводятся всероссийские и международные научные форумы по исторической демографии. Ежегодно с 2008 г. издается журнал «Историческая демография», авторами статей в журнале являются ученые Российской Федерации и зарубежья. В 2014 г. был создан сектор историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера, что способствовало расширению полидисциплинарных исследований в области исторической демографии и исторической географии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исследования, демография, география, население, заселение, освоение, миграции

UDC 930(470.531):314

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-64-77

Nadezhda M. Ignatova

Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the FRC Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)

ORCID: 0000-0002-1075-9382

E-mail: ignatova11@rambler.ru

**Historical-Demographic and Historical-Geographical Studies
at the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research
Center «Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences» in the 21st Century**

ABSTRACT. The article discusses the main areas of historical-demographic and historical-geographical research conducted at the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center «Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences». Scientific archaeological research is devoted to the history of population formation, populating and development of the territory of the Komi Republic in antiquity and the Middle Ages, historical research is aimed at studying the dynamics, reproduction and changes in population composition indicators, migrations, ethno-demographic development and urbanization processes. A lot of scientific and organizational work is being carried out at the Institute. Since 2005, all-Russian and international scientific forums on historical demography have been held regularly. Since 2008, the journal *Historical Demography* has been published annually, the authors of articles in the journal are scholars from the Russian Federation and abroad. In 2014, the sector of historical-demographic and historical-geographical research of the Russian North was created, which contributed to the expansion of multidisciplinary research in the field of historical demography and historical geography.

KEYWORDS: research, demography, geography, population, settlement, development, migration

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН на сегодняшний день признан одним из центров изучения исторической демографии на постсоветском пространстве, в институте сложилась научная школа по исторической демографии под руководством директора института д. и. н. И. Л. Жеребцова, активно развиваются историко-географические исследования. На рубеже веков И. Л. Жеребцовым была разработана теория климатического влияния на формирование населения. Автор считает, что период потепления климата, который исследователи называют малым климатическим оптимумом (VIII–XIII вв.), и постепенное похолодание XIV в. повлекли за собой массовые миграции и переселения, повлиявшие на формирование финно-угорских народов, при этом малый климатический оптимум оказал непосредственное влияние и на формирование археологической культуры Перми Вычегодской — предков древних коми (зырян)¹.

К XXI в. институт подошел с большим багажом научных исследований, посвященных изучению заселения территории Республики Коми, миграционных процессов, численности, состава и динамики населения². К фундаментальным трудам относится «Историко-культурный атлас Республики Коми», изданный в 1997 г. и подготовленный силами ученых института. В атласе содержатся сведения, визуализированные картами, в том числе о численности, рождаемости и составе населения Республики Коми, дана характеристика населенных пунктов и изменений в административно-территориальном делении, приведены данные по экспедициям и обследованиям Коми края в XIX–XX вв.³

На современном этапе продолжается изучение проблемы заселения территории на археологических материалах. В работе, написанной коллективом авторов об освоении Припечорья в древности и средневековье, они приходят к выводу, что, по данным археологических памятников, в эпоху камня происходит волнообразное заселение и освоение региона через сезонные перемещения на большие расстояния небольших мобильных групп, проникающих извне⁴. В работе А. М. Мурыгина говорится о том, что именно миграционные процессы привели в I тыс. н. э. к радикальным изменениям в этнокультурной обстановке на северо-востоке Европы⁵. Исследователь И. М. Тимушева в статье, посвященной населению бассейна р. Вычегды в период энеолита, рассматривает подходы к определению длительности обитания людей на поселениях при изучении археологических памятников⁶. К. С. Королев предлагает методику подсчета численности населения и определяет свое видение локализации расселения

¹ Жеребцов И. Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Тезисы докладов международной научной конференции. Сыктывкар, 1994. С. 33–35; Жеребцов И. Л. К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 5–43; Жеребцов И. Л. Изменения климата и демографическая история Европейского Севера // Российские и славянские исследования. Минск, 2010. Вып. V. С. 64–72; Жеребцов И. Л. Переход от климатического оптимума к малому ледниковому периоду и этнодемографическая ситуация у финно-угров Европейского Северо-Востока // Историческая демография. 2014. № 1 (13). С. 7–13 и др.

² Жеребцов И. Л., Мацук М. А. Начало заселения верхней Летки (фрагменты дозорной, писцовых и переписной книг Сольвычегодского уезда первой половины XVII в.) // Крестьяне европейского севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Сыктывкар, 1995. С. 97–104; Жеребцов И. Л. Коми край в XVIII — середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998. 174 с.; Жеребцов И. Л. Население Коми края во второй половине XVI — начале XVIII в. Екатеринбург; Сыктывкар, 1996. 256 с.; Жеребцов И. Л. Где ты живешь: населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. Сыктывкар. 2000, 444 с.; Жеребцов И. Л. Внутренние миграции в Коми крае в конце XVI — начале XVII в. // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 133–147; Жеребцов И. Л. Миграции и внутреннее освоение земель Коми края в XVII в. // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе: сборник материалов региональной научной конференции «Аграрные проблемы Европейского Севера СССР. История и современность». Сыктывкар, 1989. С. 16–20; Безносова Н. П. Всесоюзная перепись населения 1926 г. о численности и этническом составе населения Коми автономной области и численности коми-зырян в СССР // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар, 1996. С. 116–124. (Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; вып. 61); Безнослова Н. П. Перепись населения 1937 г. в Коми АССР: история и документы // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории Коми. Сыктывкар, 1997. С. 86–102; Жеребцов И. Л., Фаузер В. В. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар, 2000. 36 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН; вып. 429) и др.

³ Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997. 365 с.

⁴ Васкул И. О., Волокитин А. В., Жеребцов И. Л., Карманов В. Н., Кленов М. В., Мурыгин А. М., Павлов П. Ю. Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (Часть I, II) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 1 (21). С. 88–94, № 2 (22). С. 71–79.

⁵ Мурыгин А. М. Актуальные вопросы средневековой истории населения крайнего северо-востока Европы (вторая половина I тыс. н. э.) // Историческая демография. 2013. № 1 (11). С. 4–10.

⁶ Тимушева И. М. Население бассейна Вычегды в эпоху энеолита // Историческая демография. 2013. № 2 (12). С. 4–6.

коми этноса в древности.⁷ В материалах по археологии европейского северо-востока, опубликованных в 2018 г., в том числе приводятся новые данные о формировании населения в районах рек Мезень и Вычегды.⁸ Изучаются и сопредельные территории, в частности освоение большеземельской тундры.⁹

Этнодемографические исследования территории Республики Коми составляют одно из значительных направлений в разработке историко-демографических проблем¹⁰. Монография И. Л. Жеребцова и Е. Н. Рожкина «Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века)» описывает на широком круге исторических источников развитие этнодемографической ситуации в регионе на протяжении более тысячелетия¹¹. В монографическом исследовании Д. В. Вишняковой «Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX — начале XX века» описываются изменения в численности и составе населения, анализируются процессы рождаемости, смертности и брачности¹². Из научно-популярных изданий необходимо выделить очерки истории народонаселения «Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX — начало XX века)», где охарактеризованы демографические процессы в регионе и показано, как приток и отток иноязычных мигрантов влиял на характер расселения¹³.

Динамика населения считается одним из ключевых показателей социально-демографического развития. Изучению статистических показателей населения и факторов, влиявших на динамику в исторической ретроспективе, посвящены статьи и обобщающие монографии ученых ИЯЛИ. В коллективной научной монографии «Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность» 2005 г., написанной на основе обширного комплекса архивных и опубликованных источников, охарактеризована динамика сельского населения региона с середины XIX в. до конца XX в., анализируются его численность и состав, воспроизводство и миграции, выявляется специфика расселения¹⁴. Комплексной работой является книга «Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи)». В издании показаны изменения в численности населения Республики Коми, произошедшие в результате социально-экономических преобразований, в основных качественных характеристиках¹⁵. В 2018 г. в институте был издан межрегиональный научный сборник «Динамика численности городского и сельского населения», в котором были рассмотрены различные факторы влияния на динамику населения в регионах¹⁶. Показатели структуры населения проанализированы в научных публикациях через изучение половозрастной структуры населения¹⁷ и уровня грамотности в разные исторические периоды.¹⁸

⁷ Королев К. С. Средневековый локальный вариант Перми вычегодской (попытка демографической реконструкции) // Историческая демография. 2013. № 2 (12). С. 7–11; Королев К. С. Предки коми-зырян в эпоху Стефана Пермского (демографический аспект) // Историческая демография. 2008. № 1 (1). С. 7–9.

⁸ Проблемы археологического изучения Северо-Востока Европы. Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2018. Вып. 20. 153 с.

⁹ Мурыгин А. М. Поселение Югорская сопка. Древности Городецкого озера. Нарьян-Мар; Сыктывкар, 2019. Вып. I. 96 с.

¹⁰ Жеребцов И. Л., Сметанин А. Ф., Рожкин Е. Н. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001. 48 с.; Шабаетов Ю. П. Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар, 2005. 32 с.; и др.

¹¹ Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века). Сыктывкар, 2005. 374 с.

¹² Вишнякова Д. В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX — начале XX века. Сыктывкар, 2012. 116 с.

¹³ Безносова Н. П., Вишнякова Д. В., Жеребцов И. Л., Игнатова Н. М., Рожкин Е. Н., Шабаетов Ю. П. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX — начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006. 184 с.

¹⁴ Жеребцов И. Л., Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Вишнякова Д. В. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005. 220 с.

¹⁵ Сквозников В. Я., Жеребцов И. Л., Фаузер В. В., Безносова Н. П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. 202 с.

¹⁶ Демографическая история России и регионов. Сыктывкар, 2018. Вып. 2: Динамика численности городского и сельского населения России. 160 с.

¹⁷ Безносова Н. П. Возрастнополовой состав населения Коми АССР в 1970-е годы // Историческая демография. 2009. № 2 (4) С. 64–68; Власова В. В. Районы расселения, численность коми староверов; половозрастной состав общин в XIX — начале XX века // Историческая демография. 2008. № 1 (1). С. 29–34; Безносова Н. П. Изменение гендерной структуры населения Республики Коми в контексте социально-экономических трансформаций и войн (1920–1950-е гг.) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 2 (26). С. 86–92; Вишнякова Д. В. Половозрастная структура населения г. Усть-Сысольска Вологодской губернии по материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми). Сыктывкар, 2019. С. 86–91; Власова В. В. Районы расселения, численность коми староверов... С. 29–34.

¹⁸ Безносова Н. П. Модернизация и рост образовательного уровня населения Коми АССР в 70-е гг. XX в. (по материалам переписей 1970 и 1979 гг.) // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Материалы Итоговой Всероссийской научно-теоретической конференции (с международным

Анализ миграционных процессов, проводимый учеными института, охватывает период от I тыс. до н. э. до начала XXI в. В работах исследователей проанализированы внутренние и внешние миграции и их влияние на формирование населения¹⁹. Внешние миграции рассматриваются как источник формирования населения в работах Ю. П. Шабаева²⁰, И. Л. Жеребцова и Н. П. Безносовой²¹. Н. М. Игнатовой изучены принудительные миграции 1930–1940-х гг.²²

Изучение переписей населения — это одно из главных источниковедческих направлений историко-демографических исследований. Наиболее полный анализ данных всесоюзных переписей, проведенных в XX в., дан в работах Н. П. Безносовой²³, автор отмечает, что переписи являются «базовым источником для характеристики населения»²⁴. Данные переписных документов, таких как переписные книги, сельскохозяйственные переписи, подворно-экономические исследования, рассмотрены в работах Мацука М. А., Якоба В. В. и других²⁵.

Важную роль в процессе проведения переписей играют подготовительные работы к их проведению. В 2018 г. сотрудниками сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ была подготовлена коллективная публикация, раскрывающая вопросы подготовки и проведения переписей населения в XX в.²⁶ В формировании достоверного знания о народонаселении заметную роль помимо изучения опубликованных переписных документов играют изучение архивных документов и выявление новых источников²⁷.

участием). Сыктывкар, 2013. Ч. 4. С. 152–162; Безносова Н. П. Динамика образовательного уровня женского населения в Республике Коми в 1920–1980-е гг. // Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность. Сыктывкар, 2014. С. 118–124; Безносова Н. П. Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 годов как источник по изучению образовательного уровня населения (на материалах Республики Коми) // Демографическая история России и регионов. Новосибирск, 2016. Вып. 1. С. 285–299; Таскаев А. М. Особенности уровня грамотности населения Коми автономной области по полу и возрасту по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 4 (28). С. 125–134; Таскаев А. М. Половозрастная характеристика уровня грамотности Сысольского уезда по материалам переписей 1920, 1926 гг. // Историческая демография. 2017. № 1 (19). С. 25–30.

¹⁹ Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001. 40 с.; Попов С. А. Миграционные процессы в Коми крае в начале XX в. (на примере Кажимских заводов) // Историческая демография. 2013. № 2 (12). С. 19–21.

²⁰ Шабаев Ю. П. Миграции, северные сообщества и идентичности // Историческая демография. 2011. № 1 (7). С. 44–47.

²¹ Жеребцов И. Л., Исупов В. А. Переселения коми в Сибирь и на Дальний Восток в конце XVI–XVII в. // Историческая демография. 2013. № 1 (11). С. 18–29; Безносова Н. П., Жеребцов И. Л. Миграционные процессы в Коми АССР во второй половине 1940-х — 1950-е гг. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX — начале XXI в. Материалы II Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2014. С. 169–173.

²² Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. 192 с.; Игнатова Н. М. Влияние принудительных миграций на социально-демографическую ситуацию в Республике Коми // Историческая демография. 2013. № 2 (12). С. 41–44; Игнатова Н. М. Три волны принудительных миграций в Республику Коми в 1930–1940-е годы // Демографическая история России и регионов. Сыктывкар, 2018. Вып. 2. С. 61–80; Игнатова Н. М. Итеративные принудительные миграции на материалах Республики Коми и Вологодской области в 1940–1950-е годы // Историческая демография. 2019. № 1 (23). С. 11–18.

²³ Безносова Н. П. Всесоюзная перепись населения 1926 г... С. 62; Безносова Н. П. Перепись населения 1937 г. в Коми АССР... и др.

²⁴ Безносова Н. П. Перепись населения 1939 года как индикатор демографических изменений в Республике Коми // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 1. С. 5–15.

²⁵ Мацук М. А. Переписные книги 1646 года как источник по проблемам демографии населения России: вопрос полноты информации // Историческая демография. 2009. № 2 (4). С. 12–18; Якоб В. В. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. как источник по истории этнического состава населения Коми края // Историческая демография. 2014. № 1 (13). С. 70–73; Вишнякова Д. В. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда как источник по демографическим процессам населения Печорского края в начале XX в. // Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография). 2018. С. 65–71; Игнатова Н. М. Создание Всесоюзной центральной картотеки выселенцев и спецпоселенцев в 1949 г. // Вопросы истории. 2019. № 9. С. 124–138.

²⁶ Вишнякова Д. В. Подворные переписи начала XX в. как источник по социально-демографическому развитию северного крестьянства // Историческая демография. 2018. № 1 (21). С. 50–76; Силин В. И. Материалы социально-экономического обследования населения Верхне-Вычегодских волостей Коми края 1902 г. // Историческая демография. 2018 № 1 (21). С. 35–49; Игнатова Н. М. Архивные данные по всеобщему переучету выселенцев и спецпоселенцев 1949 г. // Историческая демография. 2018 № 1 (21). С. 114–136; Таскаев А. М. Подготовка, проведение и итоги Всероссийской переписи 1920 г. и Всесоюзной переписи 1926 г. в Коми автономной области: документы и материалы // Историческая демография. 2018 № 1 (21). С. 77–93; Безносова Н. П. Новые документы по статистике населения Коми АССР за 1937–1989 годы // Историческая демография. 2018. № 1 (21). С. 94–113; Игнатова Н. М. Неизвестная перепись: Всесоюзный переучет выселенцев и спецпоселенцев в СССР в 1949 г. // Вопросы истории. 2022. № 4 (2). С. 54–72.

²⁷ Жеребцов И. Л. Материалы Государственного архива Архангельской области о населенных пунктах Коми края // Архивы в XXI веке: проблемы и перспективы. Сыктывкар, 2002. С. 10–15; Игнатова Н. М. Документы ЗАГС как источник

В институте проводится большая работа по публикации источников. В серии «Новые источники по истории Европейского Севера России», издаваемой Институтом языка, литературы и истории, в 2014 г. была опубликована переписная книга Яренского уезда 1710 г., в которой представлены материалы по численности и половозрастному составу населения, дворности населенных пунктов уезда²⁸. В данной серии в 2021 г. М. В. Хайдуровым был подготовлен первый выпуск публикаций ранее не опубликованных церковно-приходских летописей Европейского Северо-Востока России. В издании помимо общеисторических сведений приведены статистические данные, зафиксировавшие численность проживающих в приходах, с указанием отдельных половозрастных показателей²⁹.

Следует отметить интересные исследования, активно развивающиеся в последние годы, посвященные вопросам освоения территорий и формирования границ в разные исторические периоды, урбанизации, истории градообразования и развития городов³⁰. Например, Н. П. Безносова описала формирование и развитие сети городских поселений в 1920–1980-е гг.³¹

Исследование урбанизационных процессов в рамках географии населения, направленное на изучение закономерностей и пространственных особенностей формирования и развития состава населения и населенных мест в различных природных, исторических и социально-экономических условиях, проводит А. П. Обедков. В монографии «Эволюция городского расселения и процессы урбанизации на Российском Севере» исследованы процессы урбанизации и эволюции городского расселения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Выявлена специфика северной урбанизации, рассмотрены особенности территориальной структуры хозяйства и расселения населения северных территорий в разрезе макрорегионов Российского Севера и северных субъектов Российской Федерации. Автор отразил ведущую роль больших городов, как форпостов освоения северных территорий³². В монографии «Географическое градоведение и городская политика в России», опубликованной в 2020 г., исследованы факторы эволюции структуры региональных сетей городских населенных пунктов и систем городского расселения и городских агломераций. Показана трансформация урбанистической структуры Российской Федерации в результате индустриализации и постиндустриального перехода. Отражена ведущая роль больших городов как полюсов развития и центров городских агломераций российских регионов. Выявлена специфика российской, раскрыты сущность, цели и задачи формирования и проведения городской

по численности спецпереселенцев в Коми республике в 1930-е годы // Краеведение в Республике Коми: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2004. С. 191–198; Мусанов А. Г. Топонимия как источник для исследования древних миграций: проблемы и перспективы // Историческая демография. 2008. № 1 (1). С. 4–6; Попов С. А. Памятные книжки как источник по истории населения Коми края второй половины XIX в. // Историческая демография. 2013. № 1 (11). С. 89–91; Мацук А. М. Новый документ по демографии Коми АССР начального периода Великой Отечественной войны // Историческая демография. 2017. № 1 (19). С. 80–82; Куратов О. А. Материалы Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи как источник по истории миграции населения Европейского Севера России во второй половине XIX в. // Историческая демография. 2019. № 2 (24). С. 78–80.

²⁸ Мацук А. М., Мацук М. А. Коми край в начале XVIII века. Переписная книга Яренского уезда 1710 года. Сыктывкар, 2015. 168 с.

²⁹ Церковно-приходские летописи Европейского Северо-Востока России XIX — начала XX века / Сост. М. В. Хайдуров. Сыктывкар, 2021. Вып. 1. 128 с. (Серия «Новые источники по истории Европейского Севера России»; вып. 5.)

³⁰ Игнатова Н. М. Спецпоселки и лагеря ГУЛАГа как фактор освоения территории в 1930–50-е гг. // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность. Глазов, 2002. С. 9–10; Игнатова Н. М. Колонизация и спецколонизация в XX в.: основные подходы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2021. № 5 (1) С. 279–287; Жеребцов И. Л., Безносова Н. П. Внешние административные границы Коми Автономии в XX веке // Население России: историко-демографическое измерение. М., 2016. С. 128–137; Жеребцов. И. Л., Безносова Н. П., Вишнякова Д. В., Игнатова Н. М., Рожкин Е. Н., Фаузер В. В., Шабаев Ю. П. От первобытных стоянок — к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2014. 296 с.

³¹ Безносова Н. П. Развитие сети городских поселений Республики Коми в 1926–1959 годах // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар, 2013. С. 95–105. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 72); Безносова Н. П. Урбанизационные процессы в Республике Коми в 1960–80-е гг. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Материалы Итоговой Всероссийской научно-теоретической конференции (с международным участием). Сыктывкар, 2013. Ч. 3. С. 7–11.

³² Обедков А. П. Эволюция городского расселения и процессы урбанизации на Российском Севере. Сыктывкар, 2019. 221 с.

политики в России в условиях постиндустриального перехода. Обоснованы направления совершенствования механизмов и технологий формирования и реализации городской политики в России³³.

Большая работа по изучению географических исследований Европейского Севера, а также выявлению новых историко-географических источников проводится В. И. Силиным. Рассматривая процесс географического освоения и изучения территории Европейского Северо-Востока, автор приходит к выводу о разноплановости и неравномерности изучения отдельных компонентов географических систем³⁴.

В современном демографическом развитии Российской Федерации наиболее актуальным вопросом является воспроизводство населения. Динамика смертности и рождаемости населения Республики Коми в XX в. исследуется в работах Н. П. Безносовой, Д. В. Вишняковой и Н. М. Игнатовой³⁵. Также следует отметить активную работу исследователей по изучению истории семьи и брака³⁶. В 2022 г. была опубликована коллективная монография, посвященная анализу воспроизводства населения Республики Коми. Монография посвящена исследованию проблем динамики и воспроизводства населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в. Особое внимание уделено вопросам рождаемости и смертности населения, как наиболее актуальной проблеме для северных регионов. В рамках полидисциплинарного подхода в монографии представлены историко-демографические и геодемографические исследования сотрудников сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера института по историческим данным и географическим материалам³⁷.

Необходимо отметить большую научно-организационную работу, проводимую Институтом языка, литературы и истории. В 2014 г. в Институте языка, литературы и истории был создан сектор историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера. Регулярно с 2008 г. в ИЯЛИ издается специальный научный журнал «Историческая демография» с периодичностью два номера в год: <https://iilhkomisc.ru/library/nauchnye-zhurnaly>. Авторами являются ученые Российской Федерации и зарубежья. С 2005 г. проводятся всероссийские и международные научные форумы по исторической демографии. В июле 2022 г. в институте прошел очередной XI Международный симпозиум по исторической демографии. Традиционно на сим-

³³ Обедков А. П. Географическое градоведение и городская политика в России. Сыктывкар, 2020. 238 с.

³⁴ Силин В. И. Атлас Архангельской епархии как демографический источник // Историческая демография. 2020. № 2 (26). С. 46–48; Силин В. И., Кучева В. В. Сведения о зырянах в первых русских географических словарях // Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми). Сыктывкар, 2019. С. 80–85; Силин В. И. Географические исследования на территории Коми края в конце XVIII — первой половине XIX в. Сыктывкар, 2019. 212 с.; и др.

³⁵ Безнососова Н. П. Причины смертности населения Коми АССР в 1960–1970-е гг. // Историческая демография. 2012. № 1 (9). С. 60–63; Безнососова Н. П. Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг. // Историческая демография. 2013. № 2 (12). С. 37–40; Безнососова Н. П. Воспроизводство населения Коми АССР в 1960–1970-е годы // Историческая демография. 2014. № 2 (14). С. 20–39; Игнатова Н. М. Смертность и рождаемость спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Северном крае в 1930-е гг. // Историческая демография. 2009. № 2 (4). С. 48–52; Игнатова Н. М. Смертность спецпереселенцев в Северном крае в 1930-е годы: причины, масштаб, статистический учет // Новый исторический вестник. 2011. № 2 (28). С. 42–51; Вишнякова Д. В. Заболеваемость и смертность жителей Коми края во второй половине XIX — начале XX века // Молодежь и наука на Севере. Материалы докладов II Всероссийской (XVII) молодежной научной конференции. Сыктывкар, 2013. Т. 2. С. 178–179; и др.

³⁶ Вишнякова Д. В., Семенов В. А. Брачность населения европейского Северо-Востока России во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 4 (4). С. 87–93; Вишнякова Д. В. Брачная структура населения Европейского Северо-Востока в конце XIX века // Демографическая история России и регионов. Сыктывкар, 2018. Вып. 2. С. 24–33; Вишнякова Д. В. Брачное состояние сельского населения Европейского Северо-Востока России (по материалам Переписи 1897 г.) // Историческая демография. 2019. № 2 (24). С. 20–24; Чупров В. И. Крестьянская семья Усть-Цилемской волости Печорского уезда в начале XX века // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. М.; Сыктывкар, 2005. Вып. 3, ч. 3. С. 68–73; Чупров В. И. Крестьянская семья в Коми крае в начале XX века: семейные разделы // Историческая демография. 2008. № 1 (1). С. 35–40; Игнатова Н. М. Семья спецпереселенцев в Республике Коми в 1930–1950-е годы (демографическая характеристика) // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию ИИА УрО РАН. Екатеринбург. 2008. С. 202–208; Власова В. В. Семья и брак в старообрядческих общинах коми в конце XIX–XX вв. // Историческая демография. 2010. № 1 (5). С. 57–63.

³⁷ Игнатова Н. М., Вишнякова Д. В., Обедков А. П., Силин В. И. Численность и воспроизводство населения Республики Коми в XIX–XX вв. Сыктывкар, 2022. 276 с.

позиуме обсуждаются проблемы источниковедения и историографии, типы источников и методы их анализа, современное состояние исследований, перспективы их развития и практическая значимость. В рамках научной программы, в частности, был представлен доклад С. А. Прокопенко (Ульяновск) об изучении документов обследования Симбирской губернии 1917–1917 гг. В выступлении исследователя В. А. Исупова (Новосибирск), посвященном проблемам государственного регулирования рождаемости в начале XX в., был представлен глубокий анализ решения вопросов воспроизводства на основе широкого круга исторических фактов. Д. В. Вишнякова (Сыктывкар) впервые в региональной научной практике изучила архивные данные о динамике заболеваемости оспой в XIX в. и организации прививочной кампании в Коми крае, работе оспенных комитетов и оспопрививателей.

В итоге следует сказать, что историко-демографические и историко-географические исследования в Институте языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН активно развиваются. Наравне с традиционными темами появляются новые направления исследований, междисциплинарные исследования. На сегодняшний день сложился широкий круг историографии по изучаемой проблематике³⁸.

References

Beznosova N. P. [Age and Sex Composition of the Population of the Komi ASSR in the 1970s]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2019, no. 2 (4), pp. 64–68. (In Russian).

Beznosova N. P. [All-Russian Population Censuses of 2002 and 2010 as a Source for Studying the Educational Level of the Population (On the Materials of the Komi Republic)]. *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov* [Demographic History of Russia and Regions]. Novosibirsk: Izd-vo "Apel'sin" Publ., 2016, iss. 1, pp. 285–299. (In Russian).

Beznosova N. P. [All-Union Population Census of 1926 on the Number and Ethnic Composition of the Population of the Komi Autonomous Region and the Number of Komi-Zyryans in the USSR]. *Voprosy sotsial'no-politicheskoy i sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Respubliki Komi XX veka* [Questions of the Socio-Political and Socio-Economic History of the Komi Republic of the 20th Century]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN Publ., 1996, pp. 116–124. (Proceedings of the IYaLI Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS; iss. 61.) (In Russian).

Beznosova N. P. [Causes of Mortality in the Population of the Komi ASSR in the 1960s–1970s]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2012, no. 1 (9), pp. 60–63. (In Russian).

Beznosova N. P. [Changes in Gender Structure of the Population of the Komi Republic in Context of Socio-Economic Transformations and War (the 1920–1950-s)]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 2 (26), pp. 86–92. (In Russian).

Beznosova N. P. [Development of a Network of Urban Settlements in the Komi Republic in 1926–1959]. *Industrializatsiya Evropeyskogo Severo-Vostoka Rossii: predposylki, sposoby osushchestvleniya i vliyaniye na sotsial'no-ekonomicheskoye, politicheskoye, etnodemograficheskoye i kul'turnoye razvitiye regiona* [Industrialization of the European North-East of Russia: Prerequisites, Methods of Implementation and Impact on the Socio-Economic, Political, Ethno-Demographic and Cultural Development of the Region].

³⁸ Жеребцов И. Л. Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография Коми. Сыктывкар, 1999. С. 4–13; Жеребцов И. Л. Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми // Историческая демография. М.: Сыктывкар, 2007. С. 193–201; Таскаев А. М., Таскаев М. В. Вклад ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в изучение истории освоения Европейского Северо-Востока нового и новейшего времени // Историческая демография. 2016. № 1 (17). С. 71–77; Меньковский В. И. 30-летие историко-демографических исследований в Республике Коми // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2016. № 1 (33). С. 71–106; Силин В. И. Географические исследования Коми края в конце XVIII — первой половине XIX века // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор. Сыктывкар, 2018. С. 134–142. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; вып. 75); Вишнякова Д. В. Демографическая история Европейского Северо-Востока России XIX — начала XX века в современных региональных исследованиях // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор. Сыктывкар, 2018. С. 125–134. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; вып. 75.)

Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO RAN Publ., 2013, pp. 95–105. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS; iss. 72.) (In Russian).

Beznosova N. P. [Dynamics and Size of Infant Mortality in the Komi Republic in 1921–1990]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2013, no. 2 (12), pp. 37–40. (In Russian).

Beznosova N. P. [Dynamics of the Educational Level of the Female Population in the Komi Republic in the 1920s–1980s]. *Sotsial'no-kul'turnyye protsessy na territorii Komi kraya: istoriya i sovremennost'* [Socio-Cultural Processes on the Territory of the Komi Region: History and Modernity]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU Publ., 2014, pp. 118–124. (In Russian).

Beznosova N. P. [Modernization and Growth of the Educational Level of the Population of the Komi ASSR in the 70s of the 20th Century (Based on the Materials of the 1970 and 1979 Censuses)]. *Politicheskiye, ekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye aspekty regional'nogo upravleniya na Evropeyskom Severe. Materialy Itogovoy Vseros. nauch.-teoretich. konf. (s mezhdunar. uchast.)* [Political, Economic and Socio-Cultural Aspects of Regional Management in the European North. Materials of the Final All-Russian Sci. and Theoretical Conf. (With International Participation)]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU Publ., 2013, part 4, pp. 152–162. (In Russian).

Beznosova N. P. [New Documents on Statistics of the Population of the Komi ASSR for 1937–1989]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2018, no. 1 (21), pp. 94–113. (In Russian).

Beznosova N. P. [Population Census of 1937 in the Komi ASSR: History and Documents]. *Sotsial'no-kul'turnyye i etnodemograficheskiye voprosy istorii Komi* [Socio-Cultural and Ethno-Demographic Issues of Komi History]. Syktyvkar: KNTs UrO RAN Publ., 1997, pp. 86–102. (In Russian).

Beznosova N. P. [Reproduction of the Population of the Komi ASSR in the 1960s–1970s]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2014, no. 2 (14), pp. 20–39. (In Russian).

Beznosova N. P. [The 1939 Census as an Indicator of Demographic Changes in the Komi Republic]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], 2017, no. 1, pp. 5–15. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.5 (In Russian).

Beznosova N. P. [Urbanization Processes in the Komi Republic in the 1960s–80s]. *Politicheskiye, ekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye aspekty regional'nogo upravleniya na Evropeyskom Severe. Materialy Itogovoy Vseros. nauch.-teoretich. konf. (s mezhdunar. uchast.)* [Political, Economic and Socio-Cultural Aspects of Regional Management in the European North. Materials of the Final All-Russian Sci. and Theoretical Conf. (With International Participation)]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU Publ., 2013, part 3, pp. 7–11. (In Russian).

Beznosova N. P., Vishnyakova D. V., Zherebtsov I. L., Ignatova N. M., Rozhkin E. N., Shabaev Yu. P. *Etnicheskiy faktor v demograficheskom razvitii Respublike Komi (seredina XIX — nachalo XXI veka)* [Ethnic Factor in the Demographic Development of the Komi Republic (Mid-19th — Early 21st Century). Essays on the History of Population]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2006. (In Russian).

Beznosova N. P., Zherebtsov I. L. [Migration Processes in the Komi ASSR in the Second Half of the 1940–1950s]. *Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiya Sibiri v XX — nachale XXI v. Materialy II Vseros. nauch. konf.* [Problems of Agrarian and Demographic Development of Siberia in the 20th — Early 21st Century. Proceedings of the 2nd All-Russian Sci. Conf.]. Novosibirsk: II SO RAN Publ., 2014, pp. 169–173. (In Russian).

Chuprov V. I. [Peasant Family in the Komi Region in the Early 20th Century: Family partitions]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2008, no. 1 (1), pp. 35–40. (In Russian).

Chuprov V. I. [Peasant Family of the Ust-Tsilemsky Volost' of the Pechora uezd in the Early 20th Century]. *Etnodemograficheskiye protsessy na Severe Evrazii* [Ethno-demographic Processes in the North of Eurasia]. Moscow; Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2005, iss. 3, part 3, pp. 68–73. (In Russian).

Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov [Demographic History of Russia and Regions]. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN Publ., 2018, iss. 2: Dynamics of the urban and rural population of Russia. (In Russian).

Ignatova N. M. [Archival Data on the All-Union Re-Registration of Special Settlers and Evictions in 1949]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2018, no. 1 (21), pp. 114–136. (In Russian).

Ignatova N. M. [Colonization and Special Colonization in the 20th Century: The Main Approaches in Modern Russian Historiography]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2021, no. 5 (1), pp. 279–287. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202105Statyi25 (In Russian).

Ignatova N. M. [Creation of the All-USSR Central Card File of Forced Evicts and Forced Settlers in 1949]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2019, no. 9, pp. 124–138. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi15 (In Russian).

Ignatova N. M. [Iterative Forced Migrations on Materials of the Republic of Komi and the Vologda Region in the 1940–1950s]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2019, no. 1 (23), pp. 11–18. DOI: 10.19110/2304-5922-2019-1-11-18 (In Russian).

Ignatova N. M. [Mortality and Birth Rate of Special Settlers — “Former Kulaks” in the Northern Krai in the 1930s]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2009, no. 2 (4), pp. 48–52. (In Russian).

Ignatova N. M. [Mortality of Special Settlers in the Northern Krai in the 1930s: Causes, Scale, Statistical Recording]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2011, no. 2 (28), pp. 42–52. (In Russian).

Ignatova N. M. [Registry Office Documents as a Source on the Number of Special Settlers in the Komi Republic in the 1930s]. *Krayevedeniye v Respublike Komi: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Regional Studies in the Komi Republic: History, Modernity, Prospects]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2004, pp. 191–198. (In Russian).

Ignatova N. M. [Special Settlements and Camps of the Gulag as a Factor of the Development of the Territory in the 1930–50s]. *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Urala i Povolzh'ya: Istoriya i sovremennost'* [Material and Spiritual Culture of the Peoples of the Urals and the Volga Region: History and Modernity]. Glazov: Glazov. gos. ped. in-t Publ., 2002, pp. 9–10. (In Russian).

Ignatova N. M. [The Family of Special Settlers in the Komi Republic in the 1930s–1950s (Demographic Characteristics)] *Rossiya mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsional'nogo razvitiya: Materialy Vseros. nauch. konf., posvyashchennoy 20-letiyu IIA UrO RAN* [Russia Between the Past and the Future: Historical Experiences of the National Development: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 20th Anniversary of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS]. Ekaterinburg: IIA UrO RAN Publ., 2008, pp. 202–208. (In Russian).

Ignatova N. M. [The Impact of Forced Migration on the Socio-Demographic Situation in the Komi Republic]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2013, no. 2 (12), pp. 41–44. (In Russian).

Ignatova N. M. [Three Waves of Forced Migration to the Komi Republic in the 1930s–1940s]. *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov* [Demographic History of Russia and Regions]. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN Publ., 2018, iss. 2, pp. 61–80. (In Russian).

Ignatova N. M. [Unknown Census: All-Union Registration of Forced Migrants in the USSR in 1949]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2022, no. 4 (2), pp. 54–72. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202204Statyi30 (In Russian).

Ignatova N. M. *Spetspereselentsy v Respublike Komi v 1930–1950-ye gg.* [Special Settlers in the Komi Republic in the 1930s–1950s]. Syktyvkar: Komi nauch. tsentr UrO RAN Publ., 2009. (In Russian).

Ignatova N. M., Vishnyakova D. V., Obedkov A. P., Silin V. I. *Chislennost' i vosproizvodstvo nasele-niya Respubliki Komi v XIX–XX vv.* [Number and Reproduction of the Population of the Komi Republic in the 19th–20th Centuries]. Syktyvkar: FITs Komi NTs UrO RAN Publ., 2022. (In Russian).

Istoriko-kul'turnyy atlas Respubliki Komi [Historical and Cultural Atlas of the Komi Republic]. Moscow: Drofa Publ., 1997. (In Russian).

Korolev K. S. [Ancestors of the Komi-Zyryans in the Era of Stephen of Perm (Demographic Aspect)]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2008, no. 1 (1), pp. 7–9. (In Russian).

Korolev K. S. [Srednevychevodsky Local Variant of Perm Vychegodskaya (An Attempt of Demographic Reconstruction)]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2013, no. 2 (12), pp. 7–11. (In Russian).

Kuratov O. A. [Materials of the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior of the Russian Empire as a Historical Source on the History of the European North of Russia Population Migration in the Second Half of the 19th Century]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2019, no. 2 (24), pp. 78–80. DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-78-80 (In Russian).

Matsuk A. M. [New Document on Demography of the Komi ASSR of the Initial Period of the Great Patriotic War]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2017, no. 1 (19), pp. 80–82. (In Russian).

Matsuk A. M., Matsuk M. A. *Komi kray v nachale XVIII veka. Perepisnaya kniga Yarenskogo uyezda 1710 goda* [The Komi Region in the Early 18th Century. The 1710 Census Book of the Yarensky Uezd]. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN Publ., 2015. (In Russian).

Matsuk M. A. [Census Books of 1646 as a Source on the Problems of Demography of Russia's population: The Issue of Completeness of Information] *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2009, no. 2 (4), pp. 12–18. (In Russian).

Men'kovskii V. I. [30th Anniversary of the Historical and Demographic Studies in the Republic of Komi]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy* [Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions], 2016, no. 1 (33), pp. 71–106. (In Russian).

Murygin A. M. [Topical Issues of the Medieval History of the Population of Far Northeast of Europe (Second Half of the 1st Millennium AD)]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2013, no. 1 (11), pp. 4–10. (In Russian).

Murygin A. M. *Poseleniye Yugorskaya sopka. Drevnosti Gorodetskogo ozera* [The Yugorskaya Sopka Settlement. Antiquities of Gorodetskoye Lake]. Naryan-Mar; Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya Publ., 2019, iss. 1. (In Russian).

Musanov A. G. [Toponymy as a Source for the Study of Ancient Migrations: Problems and Prospects]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2008, no. 1 (1), pp. 4–6. (In Russian).

Obedkov A. P. *Evolutsiya gorodskogo rasseleniya i protsessy urbanizatsii na Rossiyskom Severe* [Evolution of Urban Settlement and Urbanization Processes in the Russian North]. Syktyvkar: OOO "Tsentriy operativnoy poligrafii" Publ., 2019. (In Russian).

Obedkov A. P. *Geograficheskoye gradovedeniye i gorodskaya politika v Rossii* [Geographical Urban Studies and Urban Policy in Russia]. Syktyvkar: OOO "Tsentriy operativnoy poligrafii" Publ., 2020. (In Russian).

Popov S. A. [Memorable Books as a Source on the History of the Population of the Komi Region in the Second Half of the 19th Century]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2013, no. 1 (11), pp. 89–91. (In Russian).

Popov S. A. [Migration Processes in the Komi Region in the Early 20th century (On the Example of Kazhimsk Plants)]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2013, no. 2 (12), pp. 19–21. (In Russian).

Problemy arkheologicheskogo izucheniya Severo-Vostoka Evropy. Materialy po arkheologii evropeyskogo Severo-Vostoka [Problems of Archaeological Study of the North-East of Europe. Materials on the Archaeology of the European North-East]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2018, iss. 20. (In Russian).

Shabaev Yu. P. [Migrations, Northern Communities and Identities]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2011, no. 1 (7), pp. 44–47. (In Russian).

Shabaev Yu. P. *Etnodemograficheskoye razvitiye komi v kontekste demograficheskikh protsessov u finno-ugorskikh narodov Rossiyskoy Federatsii* [Ethno-Demographic Development of the Komi in the Context of Demographic Processes among the Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2005. (In Russian).

Silin V. I. [Atlas of the Arkhangelsk Diocese as a Demographic Source]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2020, no. 2 (26), pp. 46–48. DOI: 10.19110/2304-5922-2020-2-46-48 (In Russian).

Silin V. I. [Geographical Studies of the Komi Region at the End of the 18th — First Half of the 19th Century]. *Sotsial'no-politicheskiye, ekonomicheskkiye, kul'turnyye i demograficheskkiye protsessy na Evropeyskom Severe Rossii: istoriograficheskiy i istochnikovedcheskiy obzor* [Socio-Political, Economic, Cultural and Demographic Processes in the European North of Russia: A Historiographical and Source Study Review]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2018, pp. 134–142. (Proceedings of the IYaLI Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS; iss. 75). (In Russian).

Silin V. I. [Materials of Socio-Economic Survey of the Population Upper Vychegda Volosts of the Komi region of 1902]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2018, no. 1 (21), pp. 35–49. (In Russian).

Silin V. I. *Geograficheskkiye issledovaniya na territorii Komi kraya v kontse XVIII — pervoy polovine XIX v.* [Geographical Research on the Territory of the Komi Region at the End of the 18th — First Half of the 19th Century]. Syktyvkar: FITs Komi NTs UrO RAN Publ., 2019. (In Russian).

Silin V. I., Kucheva V. V. [Information about the Zyryans in the First Russian Geographical Dictionaries]. *Zhiznedeyatel'nost' cheloveka na Severe: istoriya, istoriografiya i istochniki issledovaniya (na materialakh*

Respubliki Komi) [Human Activity in the North: History, Historiography and Sources of Research (Based on the Materials of the Komi Republic)]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU Publ., 2019, pp. 80–85. (In Russian).

Skvoznikov V. Ya., Zherebtsov I. L., Fauzer V. V., Beznosova N. P. *Naseleniye Respubliki Komi: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye (o chem rasskazyvayut perepisi)* [The Population of the Komi Republic: Past, Present, Future (What Censuses Report of)]. Syktyvkar: Goskomstat Respubliki Komi Publ., 2001. (In Russian).

Taskaev A. M. [Gender and Age Characteristics of the Literacy Level of Sysolsky County Based on Census 1920, 1926]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2017, no. 1 (19), pp. 25–30. (In Russian).

Taskaev A. M. [Preparation, Conduct and Results of the All-Russia Census of 1920 and the All-Union Census of 1926 in the Komi Autonomous Oblast: Documents and Materials]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2018, no. 1 (21), pp. 77–93. (In Russian).

Taskaev A. M. [Sex-Age Features of Literacy of the Population of the Komi Autonomous Region on Materials of 1926 All-Union Population Census]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 4 (28), pp. 125–134. (In Russian).

Taskaev A. M., Taskaev M. V. [The Contribution of Scientists of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS in Studying the History of Development of the European Northeast of New and Newest Time]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2016, no. 1 (17), pp. 71–77. (In Russian).

Timusheva I. M. [The Population of the Vychegda Basin in the Eneolithic]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2013, no. 2 (12), pp. 4–6. (In Russian).

Vaskul I. O., Volokitin A. V., Zherebtsov I. L., Karmanov V. N., Klenov M. V., Murygin A. M., Pavlov P. Yu. [Development of the Arctic and Subarctic Zone of the Near Pechora Area in the Ancient Time and the Middle Ages According to Archaeology (Part I)]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 1 (21), pp. 88–94. (In Russian).

Vaskul I. O., Volokitin A. V., Zherebtsov I. L., Karmanov V. N., Klenov M. V., Murygin A. M., Pavlov P. Yu. [Development of the Arctic and Subarctic Zone of the Near Pechora Area in the Ancient Time and the Middle Ages According to Archaeology (Part II)]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 2 (22), pp. 71–79. (In Russian).

Vishnyakova D. V. [Demographic History of the European North-East of Russia in the 19th — early 20th Century in Modern Regional Studies]. *Sotsial'no-politicheskiye, ekonomicheskiye, kul'turnyye i demograficheskiye protsessy na Evropeyskom Severe Rossii: istoriograficheskiy i istochnikovedcheskiy obzor* [Socio-Political, Economic, Cultural and Demographic Processes in the European North of Russia: A Historiographical and Source Study Review]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2018, pp. 125–134. (Proceedings of the IYaLI Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS; iss. 75). (In Russian).

Vishnyakova D. V. [Household Census of the Beginning of 20th Century as a Source of Socio-Demographic Development of the Northern Peasantry]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2018, no. 1 (21), pp. 50–76. (In Russian).

Vishnyakova D. V. [Household-Economic Study of the Villages of the Pechora Uezd as a Source on the Demographic Processes of the Population of the Pechora Region in the Early 20th century]. *Istoricheskkiye aspekty osvoyeniya Evropeyskogo Severo-Vostoka (issledovaniya, istochniki, istoriografiya)* [Historical Aspects of the Development of the European North-East (Research, Sources, Historiography)]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU Publ., 2018, pp. 65–71. (In Russian).

Vishnyakova D. V. [Marital Status of the Rural Population of the European North-East of Russia (Based on the Census of 1897 Yr.)]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2019, no. 2 (24), pp. 20–24. DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-20-24 (In Russian).

Vishnyakova D. V. [Morbidity and Mortality of the Komi Region Population in the Second Half of the 19th — Early 20th Century]. *Molodezh' i nauka na Severe. Materialy dokladov II Vseros. (XVII) molodezh. nauch. konf.* [Youth and Science in the North. Materials of Reports of the 2nd All-Russian (17th) Youth Sci. Conf.]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN Publ., 2013, vol. 2, pp. 178–179. (In Russian).

Vishnyakova D. V. [Sex and Age Structure of the Population of Ust-Sysolsk, Vologda Province Based on the Materials of the First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897]. *Zhiznedeyatel'nost' cheloveka na Severe: istoriya, istoriografiya i istochniki issledovaniya (na materialakh Respubliki Komi)* [Human Activity in the North: History, Historiography and Sources of Research (Based on the Materials of the Komi Republic)]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU Publ., 2019, pp. 86–91. (In Russian).

Vishnyakova D. V. [The Marriage Structure of the Population of the European Northeast of Russia at the End of the XIX Century]. *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov* [Demographic History of Russia and Regions]. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN Publ., 2018, iss. 2, pp. 24–33. (In Russian).

Vishnyakova D. V. *Etnodemograficheskiye protsessy v Komi kraye v XIX — nachale XX veka* [Ethno-Demographic Processes in the Komi Region in the 19th — Early 20th Century]. Syktyvkar: Komi nauch. tsentr UrO RAN Publ., 2012. (In Russian).

Vishnyakova D. V., Semenov V. A. [The Nuptiality of Population of the European North-East of Russia in the Second Half of XIX — early XX Centuries]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 4 (4), pp. 87–93. (In Russian).

Vlasova V. V. [Family and Marriage in the Komi Old Believer Communities at the end of the 19th–20th Century]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2010, no. 1 (5), pp. 57–63. (In Russian).

Vlasova V. V. [Settlement Areas, the Number of Komi Old Believers; Gender and Age Composition of Communities in the 19th — Early 20th Century]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2008, no. 1 (1), pp. 29–34. (In Russian).

Yakob V. V. [The 1917 All-Russian Agricultural Census as a Source on the History of the Ethnic Composition of the Population of the Komi Region]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2014, no. 1 (13), pp. 70–73. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [Climate Change and Demographic Processes in the Komi Region]. *Evropeyskiy Sever: vzaimodeystviye kul'tur v drevnosti i srednevekov'ye. Tezisy dokladov mezhdunar. nauch. konf.* [European North: Interaction of Cultures in Antiquity and the Middle Ages. Abstracts of Reports of the International Sci. Conf.]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN Publ., 1994, pp. 33–35. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [Climate Change and Demographic History of the European North]. *Rossiyskiye i slavyanskiye issledovaniya* [Russian and Slavic Studies]. Minsk: BGU Publ., 2010, iss. 5, pp. 64–72. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [Development of Historical and Demographic research in the Komi Republic]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography]. Moscow; Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2007, pp. 193–201. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [Historiography of Historical and Demographic Research in the Komi Republic]. *Istoriografiya Komi* [Historiography of Komi]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN Publ., 1999, pp. 4–13. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [Internal Migrations in the Komi Region in the Late 16th — Early 17th Century]. *Problemy etnogeneza naroda komi* [Problems of the Ethnogenesis of the Komi People]. Syktyvkar: Komi filial AN SSSR Publ., 1985, pp. 133–147. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [Materials of the State Archive of the Arkhangelsk Region on the Settlements of the Komi Region]. *Arkhivy v XXI veke: problemy i perspektivy. Nauch.-praktich. konf. Tezisy dokladov* [Archives in the 21st Century: Problems and Prospects. Sci. and Pract. Conf. Abstracts of Reports]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2002, pp. 10–15. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [Migration and Internal Development of the Lands of the Komi Region in the 17th Century]. *Izucheniye agrarnoy istorii Evropeyskogo Severa SSSR na sovremennom etape: Sb. materialov region. nauch. konf. "Agrarnyye problemy Evropeyskogo Severa SSSR. Istoriya i sovremennost'"* [Exploration in Agrarian History of the European North of the USSR at the Present Stage: Collection of Materials of the Regional Sci. Conf. "Agrarian Problems of the European North of the USSR. History and Modernity"]. Syktyvkar: Komi nauch. tsentr UrO AN SSSR Publ., 1989, pp. 16–20. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [On the Issue of the Role of the Climatic Factor in the History of the Finno-Ugric Peoples]. *Etnodemograficheskiye i etnokul'turnyye protsessy na Kraynem Severe Evrazii* [Ethno-Demographic and Ethno-Cultural Processes in the Far North of Eurasia]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2004, iss. 1, pp. 5–43. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [Transition from the Climatic Optimum to the Little Ice Age and Ethno-Demographic Situation among the Finno-Ugric peoples of the European North-East]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2014, no. 1 (13), pp. 7–13. (In Russian).

Zherebtsov I. L. *Gde ty zhivesh': naselennyye punkty Respubliki Komi: Istoriko-demograficheskiy spravochnik* [Where Do You Live: Settlements of the Komi Republic: Historical and Demographic Reference Book]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izd-vo Publ., 2000. (In Russian).

Zherebtsov I. L., Isupov V. A. [Komi Migrations to Siberia and the Far East in the Late 16th — 17th Century]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical demography], 2013, no. 1 (11), pp. 18–29. (In Russian).

Zherebtsov I. L. *Komi kray v XVIII — seredine XIX veka: territoriya i naseleniye* [Komi Region in the 18th — Mid-19th Century: Territory and Population]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN Publ., 1998. (In Russian).

Zherebtsov I. L. *Naseleniye Komi kraya vo vtoroy polovine XVI — nachale XVIII v.* [Population of the Komi Region in the Second half of the 16th — Early 18th Century]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ.; Syktyvkar: IYaLI Publ., 1996. (In Russian).

Zherebtsov I. L., Rozhkin E. N. *Etnodemograficheskiye protsessy v Komi kraye (XI — nachalo XX veka)* [Ethno-Demographic Processes in the Komi Region (11th — Early 20th Century)]. Syktyvkar: In-t yaz., lit. i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2005. (In Russian).

Zherebtsov I. L., Beznosova N. P. [External Administrative Borders of Komi Autonomy in the 20th Century]. *Naseleniye Rossii: istoriko-demograficheskoye izmereniye* [Population of Russia: Historical and Demographic Dimension]. Moscow: IRI RAN Publ., 2016, pp. 128–137. (In Russian).

Zherebtsov I. L., Beznosova N. P., Vishnyakova D. V., Ignatova N. M., Rozhkin E. N., Fauzer V. V., Shabaev Yu. P. *Ot pervobytnykh stoyanok — k gorodam. Ocherki istorii zaseleniya Respubliki Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka* [From Primitive Sites to Cities. Essays on the History of Populating of the Komi Republic from Ancient Times to the End of the 20th Century]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2014. (In Russian).

Zherebtsov I. L., Fauzer V. V. *Demograficheskiye protsessy v Komi v XX veke* [Demographic Processes in Komi in the 20th Century]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN Publ., 2000. (Scientific reports / Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS; iss. 429). (In Russian).

Zherebtsov I. L., Fauzer V. V., Rozhkin E. N., Vishnyakova D. V. *Sel'skoye naseleniye Komi v seredine XIX–XX veke: rasseleniye, sostav, chislennost'* [The Rural Population of Komi in the Mid-19th–20th Century: Settlement, Composition, Number]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2005. (In Russian).

Zherebtsov I. L., Matsuk M. A. [The Beginning of Populating of the Upper Letka (Fragments of Sentinel, Scribe and Census books of the Solvychevodsk Uezd in the First Half of the 17th Century)]. *Krest'yane evropeyskogo severa Rossii v dorevolyutsionnyy period: ekonomika, demografiya, kul'tura* [Peasants of the European North of Russia in the Pre-Revolutionary Period: Economy, Demography, Culture]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN Publ., 1995, pp. 97–104. (In Russian).

Zherebtsov I. L., Rozhkin E. N. *Migratsii i istoricheskiye predposylki formirovaniya mnogonatsional'nogo naseleniya Respubliki Komi (do nachala XX veka)* [Migration and Historical Prerequisites for the Formation of the Multinational Population of the Komi Republic (Before the Beginning of the 20th Century)]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2001. (In Russian).

Zherebtsov I. L., Smetanin A. F., Rozhkin E. N. *Komi kray v XV–XX vekakh: administrativno-territorial'noye deleniye i etnodemograficheskiye protsessy* [The Komi Region in the 15th–20th Centuries: Administrative-Territorial Division and Ethno-Demographic Processes]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN Publ., 2001. (In Russian).

ИСТОЧНИКИ

УДК 94(470)“1915/1918”:912.4

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-78-81

Гришин Евгений Сергеевич

заведующий научной редакцией исторической картографии Большой Российской энциклопедии (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0002-9521-2246

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Карты-справочники строительных материалов для Западного фронта российской армии (1915–1918 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье дается характеристика особой группы картографических источников времен Первой мировой войны — карт строительных материалов. Раскрывается методика составления карт и исходные материалы к ним. Карты создавались Комиссией сырья и химических материалов в составе Комитета Военно-Технической помощи с целью содействия материальному обеспечению российских войск на Западном фронте различными природными материалами, которые могли быть задействованы для фортификационных работ, строительства, прокладки путей сообщений. Всего известно о составлении как минимум 11 листов карт подобного содержания. На примере листа № 14 по Виленскому участку раскрываются основные особенности рассматриваемой группы источников: структура, графическое оформление, основные разделы пояснительной записки, содержание и легенда самой карты. Указываются различные аспекты значимости источника: это одновременно не только носитель информации о природных ресурсах отдельных регионов Российской империи, но и замечательный пример подготовки оперативной картографической информации путем использования и адаптации карт И. А. Стрельбицкого. Карты отражают не только разведанность природных ресурсов региона и их геологическую изученность, но и содержат ценную информацию об их эксплуатации; то же самое может быть отнесено к пояснительной записке, в которой, помимо указанных сведений, имеются данные по водным ресурсам и их использованию. Стоит отметить, что карты строительных материалов практически не фигурируют ни в специальных исследованиях по истории Первой мировой войны, ни в работах, посвященных истории картографии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: картографические источники, Первая мировая война, строительные материалы

SOURCES

UDC 94(470)"1915/1918":912.4

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-78-81

Evgeniy S. Grishin

Head of the Scientific Editorial Board on Historical Cartography in the Great Russian Encyclopedia (Russia, Moscow)

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9521-2246

Reference Maps on Building Materials for the Western Front of the Russian Army (1915–1918)

ABSTRACT. The article gives a description of a special group of the cartographic sources of the First World War period — building materials maps. The methods for compiling maps and the source materials for them are revealed. The maps were elaborated by the “Commission on Raw and Chemical Materials” having been a part of the “Military Technical Assistance Committee”, in order to facilitate the material support of Russian troops on the Western Front with various natural materials that could be used for the fortification and construction works, as well as for laying the communication lines. In total, at least 11 sheets of maps of similar content are known to have been compiled. Using the sheet № 14 for the Vilna area as an example, the main features of the considered group of sources are revealed: structure, graphic design, main sections of the explanatory note, content and legend of the map itself. Various aspects of the significance of the source are indicated: it is not only a carrier of information about the natural resources of individual regions of the Russian Empire, but also a remarkable example of the preparation of operational cartographic information through the use and adaptation of the maps by I. A. Strel’bitsky. The maps reflect not only the extent of prospecting for the regions’ natural resources and their geological knowledge, but also contain valuable information on their exploitation; the same can be put down to the explanatory note, which, in addition to the specified information, contains data on water resources and their use. It should be noted that the maps on building materials practically have not been cited either in special studies on the history of the First World War, or in works devoted to the history of cartography.

KEYWORDS: cartographic sources, First World War, building materials

Карты строительных материалов представляют собой замечательный пример тематических картографических справочников, которые составлялись для решения прикладных задач в условиях повышенной срочности. Как исторический источник карты строительных материалов интересны в качестве образца тематического картографирования на основе уже имеющихся карт, а также группировки данных по разведанным природным ресурсам на территориях, примыкавших к русско-германскому фронту в 1915–1917 гг. В этом смысле содержащиеся в них сведения носят уникальный характер и не встречаются в других источниках. Многие данные, касающиеся локализации строительных материалов и водообеспечения территории, имеют большое значение для изучения истории хозяйства региона. Вместе с тем подобные материалы представляют определенную значимость и для исследователей Первой мировой войны, так как раскрывают специфику ресурсного обеспечения потребностей российской армии.

Карты составлялись в рамках работы Комиссии сырья и химических материалов, которая, в свою очередь, функционировала в составе Комитета Военно-Технической помощи объединенных научных и технических организаций. Комитет был образован 5 июня 1915 г. «с целью координации работы военно-общественных организаций для нужд армии и обороны государства», подчинялся Военному министерству и действовал до начала 1918 г. Его фонд хранится в Российском государственном военно-историческом архиве¹.

В серии карт строительных материалов были изданы следующие листы: 3 и 13 (Либава, Рига, Митава) — авторства А. А. Григорьева; 7 (Люблин, Радом, Брест-Литовск) — Н. И. Криштафовича; 14 (Вильна, Ковно, Двинск) — Н. Н. Соболева; 15 (Минск, Слоним, Слуцк) — А. Б. Миссуны; 16 с клапанами 7 и 30 листов (Луцк, Ковель, Пинск, Овруч) — П. А. Тутковского; 17 лист (Дубно, Ровно, Житомир) — В. Д. Ласкарева; 20 (Орша, Борисов, Рогачев) — А. С. Гинзберга; 30 и 31 (Мозырь, Киев, Тараща) — Н. А. Тутковского. В этом списке обращает на себя внимание то, что 7 и 30 листы получили как собственное исполнение, так и были включены как клапаны, что может свидетельствовать о некоторых изменениях в выборе приоритетных территорий по мере изменения обстановки на фронте.

Любопытен авторский состав ответственных исполнителей по картам строительных материалов. В нем ожидаемо преобладают геологи и географы, однако в его составе есть и специалисты из других областей знания, включая, например, химию. Павел Аполлонович Тутковский в период функционирования Комитета был доктором географии, минералогии и геогнозии, профессором Киевского университета². Анна Болеславовна Миссуна также относилась к геологической группе авторского коллектива, имела большой опыт поиска твердых руд и гидрогеологических работ, работала преподавателем петрографии, палеонтологии, исторической геологии на Московских высших женских курсах³. Николай Иосифович Криштафович в период деятельности в составе комитета был приват-доцентом Харьковского университета⁴. Еще один автор — позднее выдающийся советский географ — Андрей Александрович Григорьев в годы Первой мировой войны читал лекции по физической географии и антропологии на высших педагогических курсах при Фребелевском обществе в Петрограде⁵. Стоит отметить, что деятельность перечисленных авторов в Комитете военно-технической помощи обычно не освещается в описаниях их профессиональной и научной активности. Таким образом, внимание к картам строительных материалов, а также обращение к другим источникам Комитета позволяют полнее осветить результаты работы русских геологов и географов в период Первой мировой войны — сюжет, который до настоящего времени оставался без должного внимания.

Рассмотрим наиболее значимые структурные блоки карт строительных материалов на примере листа № 14⁶. На втором листе обложки представлена «Сборная таблица справочной карты строительных материалов» (см. цв. вклейку, рис. 7).

Фактически данная таблица — это схема размещения листов, по которым были составлены карты. В свою очередь, схема основывается на сборном листе разграфки листов «Специальной

¹ Центральный комитет военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций // Путеводители по архивам России. [Электронный ресурс]. URL: <https://guides.rusarchives.ru/terms/17/8620/centralnyy-komitet-voenno-tehnicheskoy-pomoshchi-obedinennyh-nauchnyh-i-tehnicheskikh> (дата обращения: 5.12.2022).

² Оноприенко В. И. Павел Аполлонович Тутковский, 1858–1930: Геолог и географ. М., 1987.

³ Мирчинк М. Е. Александра Болеславовна Миссуна (1869–1922). М., 1940.

⁴ Стародубцева И. А. Н. И. Криштафович — геолог, издатель, писатель // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический. 2005. Т. 80, № 4. С. 85–93.

⁵ Герасимов И. П. Академик А. А. Григорьев — основатель Института географии АН СССР // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1984. № 2. С. 8–13.

⁶ Карта-справочник строительных материалов по Западному фронту. Лист 14 (Вильна, Ковно, Двинск). Сост. Н. Н. Солевым. Пг., 1916.

карты России» И. А. Стрельбицкого, от которой были унаследованы нумерация листов и математическая основа. На схеме приведены железные дороги и крупнейшие населенные пункты, а также границы листов, по которым были опубликованы карты.

Главная карта сопровождается двумя пояснительными текстами: один касается непосредственно опубликованного листа; второй посвящен целевому назначению всей серии карт и приводится в конце документа.

Составители указывают, что потребность в строительных материалах приобрела «в настоящее время» особое значение: строительство и ремонт железнодорожных путей, проведение новых шоссейных дорог, сооружение фортификаций — все это требует наличия различных строительных материалов в значительных объемах. При этом готовых карт подобного назначения до войны не было. Они могли бы быть составлены путем интерпретации геологических карт, однако такие интерпретации требуют определенных навыков, которые не всегда имелись у тех, кто был вовлечен в строительные работы и проектирование. Отсюда и возникла особая задача Комиссии сырья: предоставить в распоряжение инженерных групп картографические материалы, которые содержали бы указания на наличие строительных материалов без привлечения геологов.

Пояснительная записка по региону листа включает в себя следующие разделы: общие сведения о регионе, прежде всего геологическая характеристика; грунты региона; строительные материалы и полезные ископаемые; раздел «об изыскании воды». В разделе о грунтах приводятся сведения об отдельных их видах: глине, песках, торфе. Относительно строительного материала и полезных ископаемых указывается локализация месторождения и условия добычи строительных камней, известкового камня, железных руд, фосфоритов и других ресурсов.

Раздел, посвященный водным ресурсам, довольно примечателен, так как он в меньшей степени отражен на карте, однако представляет собой замечательную попытку характеристики обеспечения региона водой. Так, авторы приводят общие сведения о поверхностных водах, затем указывают специфику грунтовых вод — глубину их залегания, качество и возможности использования, дают рекомендации по изысканиям подземных вод в различных условиях.

Сама карта строительных материалов построена на картографической основе листа 14 «Специальной карты Европейской России» И. А. Стрельбицкого⁷; основа носит адаптированный характер, масштаб уменьшен в два раза — 20 верст в дюйме вместо оригинального масштаба в 10 верст; соответственно, большая часть объектов, фигурирующих на карте Стрельбицкого, опущена. Из населенных пунктов, помимо городов, указаны крупнейшие села и железнодорожные станции. Пути сообщений представлены железными и шоссейными дорогами (см. цв. вклейку, рис. 14).

Тематическая нагрузка карты отражена в легенде и состоит преимущественно из указаний на различные виды крапа: песок, гравий, валунная глина, сплошные валуны, известняк, мел, песчаная глина, валунные пески. Исключение составляют локальные месторождения торфа и размещение кирпичных заводов, а также ленточный вид отображения глин.

Говоря о прикладном значении карты, укажем, что ее масштаб (1:840 000) позволял обращаться к ней лишь на уровне регионов, а не отдельных местностей. Соответственно, использование карты имело смысл на уровне инженерных групп фронта, отдельных армий, возможно, корпусов, а также структур, которые координировали материальное обеспечение вооруженных сил.

References

Gerasimov I. P. [Academician A. A. Grigoriev — Founder of the Institute of Geography of the Academy of Sciences of the USSR]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya Geograficheskaya* [Izvestia of the Academy of Sciences of the USSR. Geographic series], 1984, no. 2, pp. 8–13. (In Russian).

Mirchink M. E. *Aleksandra Boleslavovna Missuna (1869–1922)* [Alexandra Boleslavovna Missuna (1869–1922)]. Moscow: Mosk. o-vo ispytateley prirody Publ., 1940. (In Russian).

Onoprienko V. I. *Pavel Apollonovich Tutkovskiy, 1858–1930: Geolog i geograf* [Pavel Apollonovich Tutkovsky, 1858–1930: Geologist and Geographer]. Moscow: Nauka Publ., 1987. (In Russian).

Starodubtseva I. A. [N. I. Krishtafovich — Geologist, Editor, Pedagogue]. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otdel geologicheskii* [Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Geological series], 2005, vol. 80, no. 4, pp. 85–93. (In Russian).

⁷ Специальная карта Европейской России (с прилегающей к ней частью Западной Европы и Малой Азии). Масштаб: 10 верст в дюйме (1:420 000) / Под ред. капитана Генерального Штаба И. А. Стрельбицкого. 1865–1871.

УДК 94(574) "1918"

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-82-91

Вебер Михаил Игоревич

к. и. н., старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-7512-6087

E-mail: mikeveber@mail.ru

**Две осады станицы Сарканд в августе 1918 г.
на страницах и картах дневника Н. Д. Кольца**

АННОТАЦИЯ. Публикуется так называемый дневник войскового старшины Сибирского казачьего войска Николая Дионисьевича Кольца. Как показало наше исследование, корректнее называть его журналом военных действий белопартизанского казачьего отряда. Этот исторический источник позволяет реконструировать малоизвестный эпизод Гражданской войны в Семиречье — две осады красными казачьей станицы Сарканд в августе 1918 г. Во время этих осад восставшие против советской власти казаки Лепсинского и Копальского уездов Семиреченской области успешно отбили несколько штурмов станицы красногвардейскими отрядами, посланными на усмирение восстания из г. Верный (ныне — г. Алма-Ата) и значительно превосходящими их в численности и огневой мощи. Отличительной особенностью данного документа является сопровождение текста тремя кроки, визуализирующими ход боевых действий во время обеих осад станицы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гражданская война, Восточный фронт, Семиречье, Сибирская армия, Сибирское казачье войско, кроки

UDC 94(574) "1918"

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-82-91

Mikhail I. Weber

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-7512-6087

E-mail: mikeveber@mail.ru

**Two Sieges of the Cossack Village of Sarkand in August 1918
on the Pages and Maps of the Diary of N. D. Koltz**

ABSTRACT. The paper presents the so-called diary of a White officer — lieutenant colonel of the Siberian Cossack Nikolai Dionisievich Koltz. As our research has shown, it is more correct to call it the journal of military operations of the White partisan Cossack detachment. This historical source makes it possible to reconstruct a little-known episode of Russian Civil War in the region of Semirechye in Central Asia — two sieges of the Cossack village of Sarkand by the Reds in August 1918. During these sieges, the Cossacks of the Lepsinsky and Kopalsky counties of the Semirechensk region, who rebelled against the Soviet government, successfully repulsed several assaults of the village by the Red Guard detachments sent to pacify the uprising from the city of Verny (now Alma-Ata). A distinctive feature of this document is the accompaniment of the text by three croquis showing the course of military action during both sieges of the village.

KEYWORDS: Civil War, Eastern Front, Semirechye, Siberian Army, Siberian Cossack, croquis

После выхода документального романа писателя Л. А. Юзефовича «Зимняя дорога» широкую известность получила героическая оборона красным отрядом под командованием анархиста И. Я. Строда селения Сасыл-Сысы в Якутии от превосходящих сил белых под командованием генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева с 14 февраля по 3 марта 1923 г.¹ Куда менее известен похожий подвиг с «белой» стороны, когда с 8 по 12 августа и с 13 по 28 августа 1918 г. восставшие против советской власти казаки Лепсинского и Копальского уездов Семиреченской области выдержали две подряд осады станицы Сарканд (Саркандской) значительно превосходящими их в численности и огневой мощи красногвардейскими отрядами, посланными на усмирение из г. Верный (ныне — г. Алма-Ата). Помимо массового героизма защитников, два этих эпизода сближает то, что произошли они на задворках Гражданской войны, вдали от основных фронтов, но если декорациями для подвига красных защитников Сасыл-Сысы стали снега Якутии, то белые казаки держали оборону под изнуряющим солнцем в самом сердце Средней Азии.

В 1925 г. о неудачной осаде красными Сарканда в романе «Мятеж» кратко упомянул известный советский писатель Д. А. Фурманов: «От Маканчи ходили на Сарканд — казачью станицу; обложили, назначили час и ударили дружно, — так дружно и крепко ударили, что прорвались на середину станицы. Но дальше площади не пошли. Так и стояли: половину станицы заняли партизаны, другую половину — казаки. И так и этак пытались, — не выходит ничего. Тогда решили выйти вон, обложить наглухо, взять измором. Но для измора надо иметь в запасе время, а на время надо иметь патроны. Уж какой тут мог получиться измор, когда на бойца оставалось по три патрона? Того и гляди, что “изморщиков” переколотят, сомнут, и нечем будет обороняться! Нет, надо уходить, так не выморишь осажденных. И отошли»². Однако широкой известности этот эпизод Гражданской войны не получил. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что осада Сарканда окончилась поражением красных.

Основным историческим источником, на основе которого можно реконструировать ход осады Сарканда, является так называемый дневник казачьего офицера Н. Д. Кольца. В научный оборот этот источник был введен в 1961 г. советским историком С. Н. Покровским, выборочно процитировавшим отдельные фрагменты из него в своей монографии о событиях Гражданской войны в Семиречье³. Стоит отметить, что Покровский подобрал цитаты таким образом, чтобы сделать акцент на тяжелом положении белых защитников станицы. Целостная картина осады станицы Сарканд, закончившейся тяжелым поражением красных отрядов, из приведенных советским историком цитат не складывалась. В дальнейшем к дневнику Н. Д. Кольца обращались и другие исследователи, писавшие о перипетиях Гражданской войны в Семиреченском регионе, в частности, он цитировался в работах современных российских историков В. А. Шулдякова⁴, Д. Г. Симонова⁵ и М. Н. Ивлева⁶.

Большинство историков, писавших о событиях лета 1918 г. в Семиречье, цитировали, как правило, одни и те же фрагменты из дневника Н. Д. Кольца, впервые опубликованные еще С. Н. Покровским. Существенно отошли от сложившегося в советскую эпоху нарратива в описании осады Сарканда лишь современные российские исследователи Д. Г. Симонов и В. А. Шулдяков. Последний в своей монографии впервые в историографии назвал оборону станицы Сарканд одной из героических страниц Гражданской войны, высоко оценив тем самым мужество ее защитников⁷.

Наша публикация ставит своей целью ввод в научный оборот полного текста данного исторического источника. Публикуемый документ был выявлен в фонде 39615 «Семиреченский отряд Сибирской армии» Российского государственного военного архива (РГВА). Его автор, как уже

¹ См.: Юзефович Л. А. Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922–1923: документальный роман. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019. 394 с.

² См.: Фурманов Д. А. Мятеж. М.; Л., 1925. 271 с.

³ Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961. С. 182.

⁴ Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. В 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 191–192.

⁵ Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 326–327.

⁶ Ивлев М. Н. Антибольшевизм в Семиреченском казачьем войске. Краткий исторический очерк // Белая гвардия: альманах. М., 2005. Т. 8: Казачество России в Белом движении. С. 225–235.

⁷ Шулдяков В. А. Указ. соч. С. 191.

упоминалось выше, войсковой старшина Сибирского казачьего войска Николай Дионисьевич Кольц⁸. Рукопись озаглавлена Н. Д. Кольцем «Саркан[д]ское сидение 1918 года» и имеет два авторских подзаголовка: 1) «журнал военных действий Копальско-Саркандского отряда» (на титульном листе) и 2) «дневник» (на втором листе документа, где начинается основной текст рукописи). В исторической литературе с легкой руки историка С. Н. Покровского закрепился второй вариант названия — дневник. Однако, как показывает анализ содержания документа, более точен первый вариант — журнал военных действий. Перед нами не личный дневник Кольца, в который он заносил свои чувства, мысли и переживания, а летопись боевого пути белопартизанского казачьего отряда, оборонявшего станицу Сарканд.

В журнале Кольцем день за днем скрупулезно описывается ход двух осад Сарканда в августе 1918 г., тактические действия обеих сторон, их численность и вооружение. В то время как восставшие казаки были вооружены главным образом устаревшими берданками и холодным оружием, у красных на вооружении были современные трехлинейные винтовки, пулеметы и артиллерийские орудия. В ходе боев станица была подожжена и частично разрушена артиллерийским огнем. Во время первой осады по защитникам Сарканда было выпущено около 100 артиллерийских снарядов, во время второй — еще около 400.

Наиболее тяжелым в этом отношении для защитников станицы, судя по публикуемому документу, выдался день 14 августа 1918 г., когда красные устроили массированный артиллерийский обстрел, выпустив по Сарканду из четырех орудий сразу 309 снарядов. В последующие дни интенсивность артиллерийских обстрелов снизилась, т. к. красные исчерпали запас снарядов. Вероятно, руководители второй осады Сарканда сделали ставку на ошеломляющий первый удар, который должен был подавить у защитников станицы силу воли к сопротивлению, и судя по тому, что 15 августа 1918 г. один из казаков сошел с ума и застрелился прямо в окопах, они были близки к задуманному.

Н. Д. Кольц на страницах журнала военных действий рисует апокалиптическую картину обороны Сарканда. Испепеляющая жара среднеазиатского лета, удушливый дым от подожженных артиллерией домов станицы, которые было некому и некогда тушить, сильная вонь от разлагающихся трупов на полоске ничейной земли между казаками и красными, которых было некому и некогда убирать, — и так на протяжении двух недель. В таких условиях многие казаки быстро падали духом. Кольц довольно откровенно для официального документа пишет о проявлениях трусости у некоторых защитников Сарканда, о резких колебаниях настроения казачьей массы, которое падало, то поднималось в зависимости от хода борьбы и слухов о подходе подкреплений.

Тем не менее оборона станицы выстояла. По свидетельству Н. Д. Кольца, во время первой осады Сарканда, продолжавшейся с 8 по 12 августа 1918 г., потери защитников станицы составили всего 16 человек убитыми и 11 ранеными, а красные оставили на поле боя около 200 трупов, которые были впоследствии подобраны и похоронены казаками, что и дало возможность достаточно точно оценить потери осаждавших. Во время второй осады Сарканда, длившейся с 13 по 28 августа 1918 г., защитники потеряли 13 человек убитыми и 33 ранеными. Потери красных во время второй осады, по мнению Н. Д. Кольца, снова составили около 200 человек убитыми и не менее

⁸ Кольц Николай Дионисьевич (1877–1938) — казачий офицер. Родился 30 октября 1877 г. в дворянской семье в Акмолинской области. Получил домашнее образование. В 1905 г. окончил Оренбургское юнкерское училище по 1-му разряду. С 22 апреля 1905 г. — хорунжий, с 6 мая 1909 г. — сотник, с 5 октября 1912 г. — подъесаул. Участник Первой мировой войны на Кавказском фронте. Служил в 1-м Сибирском казачьем полку. Принял участие в Сарыкамышской операции, в ходе которой 30 декабря 1914 г. был ранен в бою за м. Ольты. 5 января 1915 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени. На 22 октября 1916 г. — есаул, помощник командира 1-го Сибирского казачьего полка по хозяйственной части. 8 декабря 1916 г. награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Летом 1918 г. — один из организаторов белопартизанских казачьих отрядов в Семиречье. В августе 1918 г. руководил обороной станицы Сарканд. Затем назначен командиром Сергиопольской партизанской сотни. В конце 1918 г. назначен командиром 1-го Конно-киргизского полка, приданного в качестве дивизионной конницы 5-й Сибирской стрелковой дивизии 2-го Степного Сибирского корпуса Сибирской армии. С 28 марта 1919 г. — полковник. Осенью 1919 г. — командир Киргизской конной бригады 5-й Сибирской стрелковой дивизии. В начале 1920 г. взят в плен. После фильтрации мобилизован в Красную армию. 16 мая 1920 г. назначен начальником 2-го отделения конского запаса в г. Пишпек, 27 августа 1920 г. переведен в г. Ташкент в распоряжение штаба Туркестанского фронта. В 1921 г. бежал из Советской России в Индию, затем приехал в г. Владивосток, где поступил на службу в Сибирский казачий полк армии Временного Приамурского правительства. С осени 1922 г. в эмиграции в Китае. Скончался в 1938 г. в г. Шанхае.

10–12 телег с ранеными. Таким образом, обе осады Сарканда закончились тяжелым поражением красных отрядов, благодаря чему инициативой на этом участке фронта прочно завладели белые, в свою очередь взявшие в осаду несколько крестьянских сел, поддержавших советскую власть.

Заверительная надпись на обороте последнего листа документа свидетельствует о том, что после окончания второй осады Сарканда журнал военных действий был передан автором в Военно-историческое отделение штаба Сибирской армии. Вероятно, это произошло осенью 1918 г.

Отличительной особенностью публикуемого документа является сопровождение текста тремя кроки, визуализирующими систему обороны станицы и ход боевых действий во время обеих осад Сарканда.

Документ публикуется в современной орфографии, но с сохранением стилистических особенностей автора. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками — [...].

Публикуемые документы

№ 1

Журнал военных действий Копальско-Саркандского партизанского отряда Семиреченского казачьего войска

[Не ранее осени 1918 года]¹⁾

Саркан[д]ское сидение 1918 года²⁾

журнал военных действий
Копальско-Саркандского отряда

Дневник

7 августа. Около 3-х часов дня прибыл¹ в станицу Саркан[д]. Вечером осмотрена восточная часть оборонительной линии. Разъезды и посты были правильно высланы и расставлены.

8 августа. К вечеру была осмотрена остальная часть оборонительной линии. К 8 ч. вечера разъездами выяснено о подходе красной банды со стороны селения «Антоновка» в числе около 600 чел. пеших, при 1 орудии, 2-х пулеметах и 2-х сотен конных, кроме обоза. Как после выяснилось — это был остаток Мамонтовского отряда^{II}, усиленный вновь на вербованными крестьянами Лепсинского уезда. Все жители деревень Покатиловка, Покровск и Антоновка, имея уже оружие, присоединились к банде, надеясь на богатую добычу. Наши силы: 270 берданок при 15 000 патронах и длинной (не по отряду) оборонительной линии, которая еще не была приспособлена к обороне. Сады и заимки кругом станицы давали легкий подход банде. Банда была богато снабжена спиртом и лезла напролом.

9 августа. Утром, к 6 часам, выяснилось, что банда намерена ворваться в станицу со стороны селения Антоновки. Ими был открыт огонь из орудия, который никакого вреда не принес, но внес сильную панику, особенно между жителями. Одновременно с главным наступлением на середину станицы (казенный сад) ими были обхвачены оба конца станицы. Народ в панике кинулся через р. Саркан[д] к горам. К[оманди]р 4-ой сотни, станичный атаман и малодушные вооруженные казаки за жителями тоже кинулись в горы, что сильно ослабило оборонительную линию. Часть киргиз[ов], вооруженных холодным оружием, в начале нападения бежала, а часть

¹ Войсковой старшина Н. Д. Кольц был направлен для организации обороны станицы полковником Ф. Г. Ярушиным — начальником Семиреченского отряда Сибирской армии.

^{II} Имеется в виду красный партизанский отряд под командованием рабочего-металлиста И. Е. Мамонтова, который был сформирован в г. Верный 13 мая 1918 г. по приказу Военного совета Семиреченской области (Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. В 2 т. Алма-Ата, 1963. Т. 1. Май 1918 г. — сентябрь 1919 г. С. 28). И. Е. Мамонтов был убит в бою с белыми в с. Маканчи 29 июля 1918 г. После его смерти командование отрядом принял его брат П. Е. Мамонтов, который погиб во время первой осады Сарканда 8–12 августа 1918 г. (Елагин А. С. Из истории героической борьбы партизан Семиречья (июнь 1918 — октябрь 1919 г.). Алма-Ата, 1957. С. 11).

была перебита огнем во время паники. К обеду банда ворвалась в станицу с нижнего конца (западного); оставшиеся в станице крестьяне и крестьянки занялись поджогами деревянных построек, погромом брошенных зданий, что еще более усилило панику. С восточной стороны банда была отбита, а с северной стороны под их натиском пришлось уступить 1 линию кварталов. Всю ночь шел бой в домах и садах при зареве пожаров. Не было администрации, которая следила бы за внутренним порядком. Расход патронов был большой: к вечеру в резерве остались только 2 цинковые коробки. За это время выяснились боевые качества всех начальников и их помощников: героем и душой обороны оказался вахмистр Василий Алексеевич Королев, под которым в первый же день были убиты две лошади, который кидался в самые опасные места и личным примером храбрости ободрял слабонервных; ему же и была поручена вся оборонительная линия с имеющимися вооруженными людьми. К вечеру можно было считать около 120–150 винтовок на линии — остальные разбежались с конями и патронами. По административной части своим содействием выделился Федор Еремеевич Ананьин. К ночи водворился хоть намек на внутренний порядок.

10 августа. Бой в улицах и домах продолжается. Пулеметная и орудийная стрельба. Пожары, которые не тушатся за отсутствием людей. Шайка шаг за шагом углубляется в станицу с западной стороны, несмотря на наши усилия. С убитых бандитов снимали оружие и патроны, чем усиливалось наше положение.

11 августа. Бой в улицах. Бандиты с севера продвинулись в станицу на два квартала и с запада не дошли до церкви только на один квартал. Положение стало тревожным, но решил обороняться до крайности, надеясь на помощь Копальских сотен, которые о положении Саркан[д]а были извещены в первый же день. Тополевская сотня разбежалась — к[оманди]р сотни убит.

12 августа. В 5 часов утра 2-ая сотня Копальцев в числе 132 человек с запасом патронов с нагорной части станицы ворвалась и тем спасла положение: оборонительная линия была усилена и ударом на правый фланг красных очищена станица с западной стороны. По всему фронту стали теснить бандитов, которые к 6 ч. вечера очистили станицу, отходя на Абакум, о чем Аксуйские сотни были извещены. Преследование было слабое, за неимением лошадей и людей. Отход банды прикрывался двумя сотнями конных. Бандистами³⁾ за все 84 часа боя было выпущено около 100 снарядов.

Наши потери:

убитых — 16

раненых — 11

без вести пропавших — нет

Похоронено неприятельских трупов около 200.

К концу боя патронов осталось около 4-х цинковых коробок.

Схема станицы к 12 августа

[см. цв. вклейку, рис. № 8]

13 августа. Получены сведения, что Ламановский отряд двигается на Абакумский перевал. Приняты меры к обороне станицы и усилению оборонительной линии. В 5 ч. 40 м вечера от Петренко^{III} получен приказ сдать оружие в часовой срок:

^{III} Петренко Александр Яковлевич (1892–1923) — советский военный деятель. Родился в Михайловской волости Верненского уезда Семиреченской области. Работал чернорабочим. Участник Первой мировой войны. Воевал в рядах 20-го Туркестанского стрелкового полка (прошел путь от рядового до старшего унтер-офицера). Награжден солдатским Георгиевским крестом. Член РКП(б) с 1917 г. Участник Гражданской войны в Средней Азии. В 1918 г. — помощник военного комиссара Семиреченской области. 22 июля 1918 г. назначен командующим Северным фронтом Семиреченской области. 13–29 августа 1918 г. руководил второй осадой станицы Сарканд. За участие в антисоветском мятеже 12–19 июня 1920 г. в г. Верный выслан из пределов Семиреченской области. Служил в наркомате земледелия Туркестанской АССР.

Копия

Станичникам-Саркандцам

1918 г. 13 августа

5 ч. 40 м.

Я, командующий отрядами Северного фронта, приказываю немедленно сдать в мои могучие отряды все имеющееся оружие и доставить таковое в часовой срок, если для вас и ваших детей дорога жизнь и существование! Неисполнение такового приказа повлечет за собой ужаснейшие для Вас последствия. Ваше спасение только в исполнении настоящего приказа.

Я, командующий Северного фронта,

А. Петренко

К 6 ч. вечера банда обложила всю станицу.

14 августа. В 6 часов утра с западной стороны бандисты открыли оружейный огонь из 4-х орудий; за сутки ими было выпущено 309 снарядов; редкий дом без знака обстрела. Одновременно был открыт сильный пулеметный (4 пулемета) и ружейный огонь, которым срезывались глинобитные заплаты. Нашим было приказано не стрелять, а выжидать удобной цели и беречь патрон[ы]. Силы банды около 1500 чел. Весь Саркан[д] был обложен: выхода нет. Жители, которые убежали в горы, остались на собственное попечение и отрезаны от станицы. Наблюдалось два пожара в тылу нашей линии. Пожары были быстро потушены и вреда не принесли. Стрелки стойко выдержали огонь и не отошли ни шагу. Наблюдается подъем духа у казаков в ожидании скорой выручки. Начальник оборонительной линии В. А. Королев в самых опасных местах и личным примером поддерживает бойцов. По приблизительному подсчету, бандой за день выпущено было не менее 100 ящиков (не коробок) 3-линейных патронов. Ночь прошла в редкой перестрелке.

15 августа. Бандой выпущено 14 снарядов. Редкая пулеметная и ружейная стрельба. С их стороны были попытки ворваться в станицу, но — отбиты. Наши патроны в количестве уменьшаются. Линия обороны без изменения. Один казак в припадке безумия в окопах застрелился.

16 августа. Бандой выпущено 30 снарядов. Редкая перестрелка. Часть их цепей отведена, но обложение полное. Есть возможность делать вылазки, но нельзя: неизвестно время подхода нашего отряда и недостаток в патронах. Люди без перемены изнывают под солнцем, но стойко держатся.

17 августа. Орудийной стрельбы не было. Редкая перестрелка. Благодаря заботам станичной администрации стрелки по возможности снабжаются всем. Ночью производится починка линии, разрушенной дневной стрельбой. Люди с нетерпением ждут подхода отряда. Действия банды нерешительны. Нам нельзя произвести удара за недостатком патронов. С внешним миром сношений нет. Эпидемических заболеваний не наблюдается.

18 августа. Воскресенье. До 6 ч. вечера выпущено только 2 снаряда. Вялая перестрелка. Льем сами пули и готовим патроны. До 12 ч. ночи затишье.

19 августа. Между 12 ч. и 1 ч. ночи выпущено 20 снарядов; открылась сильная пулеметная и ружейная стрельба; к 5 ч. утра на западе и севере наши посты были оттеснены на 1 квартал. В 6 ч. утра к нам пробрались 2 копальских разведчика, которые сообщили, что Копальская сотня со стороны гор намерена прорваться к нам около 10 ч. утра. Сотне нами посланы навстречу проводники. Банда усиливается притоком новых крестьян из окрестных деревень. В стане банды наблюдается слабое передвижение. В 8 ч. вечера по сигнальной пушке по всему фронту прекратилась стрельба. Что-то замышляют к ночи. Люди изнервничались, и везде им чудится опасность, отовсюду просят подкрепления, но в резерве ни одного человека, ни одной винтовки. Не успеваем убирать трупы — распространяется зловоние. Копальская сотня была оттеснена бандой в горы. На помощь им выслали 60 стрелков, чтоб пробить дорогу. Редкая перестрелка.

20 августа. В 1 ½ ч. утра удалось Копальской сотне пройти в станицу. Состав сотни: 105 винтовок, 3 офицера и 7000 патронов. Дух казаков улучшился. До 12 ч. ночи редкая перестрелка.

21 августа. Вся ночь в перестрелке. К утру передвижений не замечено. В 6 ч. утра банда сосредоточилась на участке между Покровской дорогой и дорогой на Караул. Сильным ударом под прикрытием пулеметного огня к 8 ч. утра на этом участке заняли крайнюю⁴⁾ станицу. Все съестные припасы, белье и обувь в станице взяты на учет для равномерного распределения. До 12 ч. ночи редкая перестрелка. Заметилось накопление людей на участке между дорогами Покровка — Караул.

[см. цв. вклейку, рис. № 9]

22 августа. В 4 ч. утра 1 орудийный выстрел, по которому был открыт сильный пулеметный и ружейный огонь; брошено было около 20 гранат. Банда пошла на приступ; под этим напором на участке Покровск — Караул наши посты выпрямили линию обороны. Под огнем пришлось усилить позицию и устроить укрытия для сообщения с постами и центром.

Положение к 8 ч. утра 22 августа

[см. цв. вклейку, рис. № 10]

У казаков и населения подорвалась надежда на подход отряда из Сергиополя. Раздаются голоса, что их обманывают и что никакого Временного Сибирского правительства не существует. Под влиянием красных (только улица разделяет линии), которые советуют выдать или покончить меня и Королева (начальника обороны), — дух бойцов падает. Приняты все меры к экономному расходованию съестных припасов и фуража, особенно сена, которое ежедневно доставляется под прикрытием цепи стрелков. Сформирован из стариков, женщин и подростков рабочий отряд (числом более 100 чел.) для очистки местности под обстрел, разрушения местных предметов, могущих дать красным укрытие или подступ, для устройства препятствий и проходов. Продолжается работа по снаряжению патронов. В 6 ч. вечера открыли сильный пулеметный огонь против северо-западного угла и прилегающего северного участка; дали 6–7 сильных ружейных залпов; завязалась оживленная перестрелка на этих участках. Жду нападения на северо-восточный участок. На этот участок послано все, что имелось: около 20 человек. К 8 ч. вечера перестрелка затихла.

23 августа. Ночь прошла спокойно. Продолжались работы по дальнейшему укреплению линии. Надеемся на скорое освобождение, ибо уже 10-е сутки: отряд должен быть близко. Люди начинают слабеть: духота, солнцепек и вонь от трупов, которые лежат между нами и красной бандой. Днем перестрелка вялая — к вечеру усиливается. Положение — как 22 августа. Замечается отсутствие орудий и уменьшение количества людей у банды. Предполагаю, что отосланы для выполнения другой задачи.

24 августа. Редкая перестрелка. На камне к нам переброшено воззвание, которое прилагаю⁵⁾. Выжигают кругом станицы скошенный клевер, хлеб на корню и заимки: признак бессилия и скорого их ухода. Целый день перестрелка, которая с 7 до 8 ч. вечера усиливалась. В 8 ч. вечера стрельба прекратилась. Устраиваем ходы и чиним укрытия. В станице 1500 ртов и 1500 п[удов] хлеба.

25 августа. Около 4-х часов утра было выпущено 4 снаряда. По этому сигналу банда с бомбами сделала натиск на северную окрайню, направляясь на церковь. Заняли угловой дом квартала, из которого их не выбьешь. Казаки трусят: при первых выстрелах готовы бросить пост и разбежаться. Около 7 ч. утра со стороны Аксу послышалась ружейная перестрелка и огонь банды был направлен не на нашу сторону. Из этого заключили, что подошла наша часть, чтобы действовать в тыл. Наблюдались беготня красных за р. Саркан[д] около гор. Цепи кругом станицы прежние, но перестрелка с нами почти прекратилась. Наблюдать за полем кругом станицы мешают сады. Дух казаков приподнят. Около 4–5 часов дня со стороны Аксу видна была пыль. В 8 ч. вечера высланы были три охотника, задача которых: дойти до нашей части для связи. Посланные охотники возвратились, ибо не смогли пробраться. Ночью ждем нападения на прежний участок. В резерв стянули только 10 винтовок для поддержки в трудном месте. Редкая перестрелка, которая к 10 ч. вечера усилилась. На северной линии один пост № 2 отошел на ½ квартала. 12 суток уже идет бой: борьба берданок с пушками, пулеметами, 3-линейками с большим запасом патронов и бомб.

26 августа. Редкая перестрелка. Около 1 часу ночи выпущено 3 снаряда и был натиск на северный участок, но нами отбит. Продолжается починка, шитье белья и обуви казакам. Усиленно готовим хлеб и сухари для отряда на первые сутки. Бандой отведена вода от станицы; приступлено к устройству ходов к реке Саркан[д]. Приказано всем жителям припасти воды. Всем в окопах иметь бутылку с водой. Линия обложения суживается. Около 2-х часов дня выпущено 17 снарядов, перестрелка редкая; около 3 часов дня замечена пыль из Абакума на Саркан[д]. Около 5–6 часов вечера замечена пыль и цепь (пеших или конных) по дороге из Аксу на Саркан[д] в 10 верстах от станицы; в то же время по кочевой дороге в 6–7 верстах от Саркан[д]а на с[еверо]-запад замечена пыль, которая двигалась с с[еверо]-запада на юго-восток. В 7 ½ вечера стрельба по всей линии прекратилась. За темнотой никаких наблюдений больше произвести нельзя было. Продолжаем расчистку обстрела на с[еверо]-западном участке № 3.

27 августа. Ночь прошла без перестрелки; были только одиночные выстрелы. В 6 ч. утра приказано всем постам произвести разведку впереди лежащих участков. Посты банды оказались на местах; свободна только нагорная (южная) сторона. Все 4 пулемета на линии обложения. В 11 часов дня приехал казак из нашего отряда и принес сведения о подходе нашего отряда^{IV}. Дух казаков сразу поднялся. Высланы люди для связи с отрядом. На участке (на схеме № 3 пунктиром) спешная подготовка позиции, ибо ждем ночного нападения; замечается суэта и скопление банды против этого участка. Редкая перестрелка.

28 августа. По двум сигнальным пушечным выстрелам на участок № 3 банда повела наступление; одновременно с тем по всему фронту был открыт сильный огонь из пулеметов и винтовок. Банда была пьяна и лезла напролом. Посты из людей Копальской сотни (люди в серьезном огне не были еще) растерялись, разбежались — только благодаря подоспевшему резерву во главе с Королевым удалось занять раньше намеченную позицию № 3 и удержать ее. Потери банды должны быть значительны: утром наблюдалась отправка их раненых в с. Покатилровка на 10–12 телегах. У казаков замечается упадок духа устойчивости, ибо надеются теперь на чужую помощь, а не на себя. Расход патронов за эту ночь не менее 4000. Еще один такой бешеный натиск — и труды, жертвы двухнедельной борьбы сведутся к нулю. Запас патронов ничтожный. Народ нервничает. Редкая перестрелка продолжается.

29 августа. Около часу ночи было слышно против западной окраины станицы передвижение обоза и шум; перестрелки не было. К 6 ч. утра окраины станицы нашими цепями осмотрены и высланы разъезды для определения направления отхода красной банды. Сотня для преследования была готова, но разъезды донесли, что банда отошла по трем направлениям: на Абакум, на Покатилровку и на Антоновку. Саркан[д] свободен.

Наши потери:

убитых 13
раненых 33
больных нет

Потери банды около 200 ч. убитыми.

30 августа. День прошел в улаживании внутреннего порядка. Наши разъезды вошли в связь с Сибирской сотней^V подьесаула Распопина^{VI}. Назначен комендант.

Войсковой старшина

Кольц

^{IV} На подмогу осажденным шла правая колонна Семиреченского отряда полковника Ф. Г. Ярушина. Командовал правой колонной капитан И. И. Даркшевич.

^V Имеется в виду сотня 3-го Сибирского казачьего полка Сибирского казачьего войска. Стоит отметить, что 19 декабря 1918 г. станица Саркандская была переименована в Саркандско-Сибирскую в память о той помощи, которую летом 1918 г. оказало восставшим семиреченским казакам Сибирское казачье войско. (Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. В 2 кн. Кн. 1. М., Центрполиграф, 2004. С. 192–193).

^{VI} В этот период в полках Сибирского казачьего войска служили сразу три Распопина в чине подьесаула. Вероятнее всего, это был Феопемпт (Феопемит) Ефимович Распопин (1891 – ?). Родился 1 января 1891 г. в Семипалатинской области в семье офицера Сибирского казачьего войска. Окончил Омский кадетский корпус и Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду. Участник Первой мировой войны. С 1 декабря 1914 г. – прапорщик. С 19 декабря 1914 г. назначен младшим офицером 2-й сотни 9-го Сибирского казачьего полка. С 22 февраля 1915 г. прикомандирован к 4-му Сибирскому казачьему полку и назначен младшим офицером 1-й сотни. С 25 октября 1915 г. – хорунжий. На 11 сентября 1916 г. – сотник. Награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (ВП от 11.09.1916) и орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (ВП от 14.02.1917). Приказом Сибирскому казачьему войску № 156 от 18 мая 1918 г. уволен в запас из 4-го Сибирского казачьего полка в чине подьесаула. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Приказом Сибирскому казачьему войску № 244 от 16 июня 1918 г. назначен подьесаулом в 3-й Сибирский казачий полк. Старший брат Ф.Е. Распопина – подьесаул Константин Ефимович Распопин (1885 – 1937) – тоже был назначен в 3-й Сибирский казачий полк, но в августе 1918 г. во главе 6-й сотни 3-го полка был направлен в длительную командировку в Урянхайский край и, следовательно, не мог находиться в Семиречье. Кроме того, это мог быть подьесаул Константин Филиппович Распопин (1891 – ?). Родился 15 декабря 1891 г. в Семипалатинской области в семье казака Сибирского казачьего войска. Получил домашнее общее образование. В 1912 г. окончил Оренбургское казачье училище по 1-му разряду. Распределен в 3-й Сибирский казачий полк. С 6 августа 1912 г. – хорунжий (со ст. с 06.08.1911), с 25 октября 1915 г. – сотник (со ст. с 06.08.1915). Участник Первой мировой войны. С 8 октября 1914 г. – младший офицер 1-й сотни 6-го Сибирского казачьего полка. С 7-го марта 1915 г. прикомандирован к 4-му Сибирскому казачьему полку. С 10 ноября 1915 г. – командир 2-й сотни 4-го Сибирского казачьего полка. На 22 января 1917 г. – подьесаул. Приказом Сибирскому казачьему войску № 156 от 18 мая 1918 г. уволен в запас из 4-го Сибирского казачьего полка в чине подьесаула.

[на обороте документа]

Итого пронумеровано десять полулистов.

Н[ачальник]к В[оенно]-истор[ического]
отд[еления] штаба [Сибирской армии],
капитан

[неразборчивая подпись]

РГВА. Ф. 39615. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–10. Подлинник. Рукопись. Красные чернила.

- ¹⁾ Датируется по содержанию документа.
- ²⁾ Собственный заголовок документа.
- ³⁾ Здесь и далее — так в документе. Правильно — бандитами.
- ⁴⁾ Здесь и далее — так в документе. Правильно — окраину.
- ⁵⁾ В архивном деле отсутствует.

References

Elagin A. S. *Iz istorii geroicheskoy bor'by partizan Semirech'ya (iyun' 1918 — oktyabr' 1919 g.)* [From the History of the Heroic Struggle of the Semirechye Partisans (June 1918 — October 1919)]. Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk Kazakhskoy SSR Publ., 1957. (In Russian).

Ivlev M. N. [Anti-Bolshevik Movement in the Semirechensk Cossack Army. A Brief Historical Essay]. *Belaya gvardiya: al'manakh* [The White Guard: Almanac]. Moscow: "Posev" Publ., 2005, vol. 8: Cossacks of Russia in the White movement, pp. 225–235. (In Russian).

Pokrovsky S. N. *Pobeda Sovetskoy vlasti v Semirech'e* [The Victory of Soviet Power in Semirechye]. Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk Kazakhskoy SSR Publ., 1961. (In Russian).

Simonov D. G. *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [The White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk: NGU Publ., 2010. (In Russian).

Shuldyakov V. A. *Gibel' Sibirskogo kazach'ego voyska. 1917–1920: v 2 kn.* [The Fall of the Siberian Cossack Army. 1917–1920: in 2 books]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2004, book 1. (In Russian).

СООБЩЕНИЯ

УДК 061.3

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-92-95

Открытый историко-географический семинар в городе Екатеринбурге

28 октября 2022 г. в Екатеринбурге состоялся Открытый историко-географический семинар. Это мероприятие стало логичным продолжением Первой и Второй научных школ исторической географии в Екатеринбурге, проходивших, соответственно, в 2020 и 2022 гг.¹ Тогда организаторы отмечали отсутствие в регионе специализированных семинаров и круглых столов по историко-пространственной тематике. Большинство регулярно проводимых здесь исторических конференций собирают множество участников с самой широкой и разнообразной тематикой докладов. Для слушателей школы сложившаяся ситуация затрудняла презентацию собственных результатов историко-географических исследований в научном сообществе и их квалифицированное обсуждение. С этим были связаны трудности повышения как профессиональной квалификации молодых исследователей, так и их кооперации между собой.

Модератором семинара выступил заведующий Центром методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург) к. и. н. К. И. Зубков. В своем вступительном слове он отметил, что сегодня историческая география объективно становится одним из лидирующих, перспективных направлений исторической науки. В силу многих обстоятельств, историческая география сегодня покидает скромные рамки вспомогательной исторической дисциплины и выходит на уверенную магистраль развития как один из значимых компонентов высшего гуманитарного синтеза. Прежние географические сущности, прежние регионы и границы, которые, казалось бы, навсегда канули в прошлое, исчезли под слоями новых реальностей, снова всплывают на поверхность политической и социальной жизни. Многие межцивилизационные разломы, которые мы наблюдаем сегодня, глубоко обусловлены географическими факторами. А это значит, что связи человека с окружающей природно-географической средой носят более устойчивый и более глубокий характер, чем это мыслилось прежде. Стало понятно, что в историческом развитии география детерминирует своего рода структурные инварианты самой долгой исторической длительности, которые не так просто сходят с исторической сцены. В настоящее время, с переходом к новой глобальной регионализации и в условиях нарастающего дефицита всего, что дает природно-географическая среда, — пахотных земель, воды, лесов, энергоресурсов, — мы наблюдаем колоссально возрастающую роль пространственных отношений, что делает развитие исторической географии как никогда актуальным.

Программу докладов открывало выступление заведующего Отделом социально-экономической географии Института географии РАН (Москва) д. г. н. В. Н. Стрелецкого на тему «Европейское и российское культурные пространства: сравнительный историко-географический анализ». Целью доклада являлось сопоставление процессов регионализации культуры и генезиса региональных идентичностей в европейском и российском пространствах. По мнению докладчика, культурный регионализм зарубежной Европы — закономерное следствие исторического развития субконтин-

¹ См.: Бородина Е. В., Михеев М. В. Научная школа по исторической географии в городе Екатеринбурге // Уральский исторический вестник. 2020. № 4. С. 148–150; Абрамов И. В. Итоги II научной школы по исторической географии // Там же. 2022. № 2. С. 195–197; Вторая научная школа по исторической географии в городе Екатеринбурге // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 2. С. 138–140.

нента, сложившейся еще в средние века децентрализации всех сторон общественной жизни. Характерные черты европейского культурного пространства – полицентризм; дробность районов с мозаикой и чересполосицей культурных ландшафтов; высокая плотность населения и давняя освоенность территории; давно сложившийся каркас сети городов (по большей части сохранивших свое культурное своеобразие); интенсивность культурных связей и коммуникаций при их пространственной неравномерности и подвижности; давно укорененное и развитое региональное самосознание населения. Культурный регионализм в России, напротив, формировался в условиях централизованного, но полиэтничного государства. Этническое разнообразие стало особенно значимым культурно-дифференцирующим фактором. В большинстве европейских стран регионализация культуры протекала в первую очередь по мере «уплотнения» освоенного пространства и его «обустройства», в России — в основном по мере формирования локальных субкультур в процессе колонизации новых территорий и инкорпорации в культурное пространство иноэтнических ареалов. В России, в отличие от Западной Европы, особенно в пределах этнокультурного мегаядра страны, «вертикальная» поляризация пространства (различия «город — село», «крупный город — малый город») выражена в настоящее время более рельефно, чем его «горизонтальная» дифференциация, то есть различия между культурными районами. Таким образом, при описании местонахождения какого-либо локуса в культурном пространстве определяющее значение в подавляющем большинстве случаев имеет уже не принадлежность его к тому или иному большому культурному ареалу, но его собственный статус и близость к крупному центру. В XX в. деструкция традиционной сельской культуры в России почти повсеместно нашла отпечаток и в упадке региональных идентичностей. Их «ренессанс» наметился лишь с концом советской эпохи.

Два последовавших доклада были подготовлены в рамках реализуемого ИИиА УрО РАН проекта РФ «Картографические методы в исторических исследованиях: пространственная статистика, картирование границ, локализация археологических памятников» (№ 22-78-10159). Сообщение с. н. с. ИИиА УрО РАН Е. С. Гришина и н. с. ИИиА УрО РАН Д. А. Крутова было посвящено методологическим проблемам исторического картографирования на примере атласа Крыма периода его нахождения в составе Таврической губернии. По мнению докладчиков, практика составления комплексных тематических атласов, апробированная на примере атласов отдельных областей, разработанных в 1960–1970-е гг., показала высокую эффективность совмещения разнотематических карт одного региона в общем сборнике: это значительно повышает информативность каждой отдельной карты при сопоставлении их с картами прочих тематик, позволяет проследить связанность и преемственность картографируемых явлений и процессов. Крымский полуостров в составе Таврической губернии был выбран в качестве опорного региона в силу ряда присущих ему характеристик: разнообразие географической среды; наличие разных этнических и конфессиональных групп; вариации в формах освоения территории и хозяйственной деятельности; динамичные социально-экономические и демографические процессы. При определении структуры атласа использовалось совмещение тематического и хронологического подходов: карты, посвященные хронологически стабильным разделам (общая география, климат, почвы и природные ресурсы), вынесены в общий раздел, без привязки к конкретному периоду. Отдельные разделы посвящены этапам изучения территории Крыма в период его нахождения в составе Российской империи (рост картографической изученности, маршруты путешествий, ход открытия и изучения памятников материальной культуры). Назначение атласа состоит не только в разработке истории выбранного региона в формате картографических материалов, но и в накоплении опыта комплексного исторического полимасштабного картографирования, формировании типовых решений наиболее востребованных историко-картографических задач, которые могут возникать перед исследователями.

В докладе с. н. с. ИИиА УрО РАН А. В. Дедука была рассмотрена проблема локализации границ территории двух «волостей» XV в. Почеп и Передол, располагавшихся в бассейне р. Протвы, левого притока р. Оки. Эти две административные единицы в 1410-х гг. стали приданным дочери московского князя Василия I Анастасии, выданной замуж за киевского князя Александра Владимировича. В 1458/59 г. Почеп и Передол были пожалованы княгиней Анастасией Троице-Сергиеву монастырю. В исторической литературе волости Почеп и Передол обычно локализуются по их одноименным центрам. В работе изучена история двух волостей в XV–XVIII вв., итогом чего стал вывод о том,

что их территория с середины XV в. практически не изменилась. Это дает возможность определить площадь двух административных единиц XV в., которая составляет около 20 кв. м. В докладе были подробно разобраны и локализованы «разъезды» конца XV в., которые установили границы, оставшиеся неизменными до эпохи Генерального межевания. Кроме этого, удалось установить, что волость Почеп являлась анклавом Малоярославского уезда. В докладе было отмечено, что территория двух волостей относилась к «отменным местам рязанским», которые вошли в состав Московского княжества в середине XIV в. Как известно, земли по берегам р. Протвы в XVI–XVII вв. были достаточно пестрыми в административном плане: здесь сходились границы Тарусского, Оболенского, Малоярославского, Калужского, Медынского и Боровского уездов. В сообщении было высказано предположение, что такая ситуация во многом отражает особенности конфигурации границ различных политических образований эпохи феодальной раздробленности.

На семинаре было представлено еще два доклада, посвященных проблемам картографирования землевладений и населенных пунктов России эпохи раннего Нового времени. К. С. Кунавин, к. и. н., с. н. с. Лаборатории социальной истории Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, сделал сообщение об особенностях локализации сельских поселений XVII в. В его докладе рассматривалась проблема определения точного расположения населенных пунктов южного фронта середины XVII в. Первичные сведения о населенных пунктах содержатся в писцовых книгах XVI–XVII вв. В частности, сообщаются название населенного пункта, водоем, при котором он расположен, его статус (село, сельцо, деревня, слобода и т. д.), иногда — численность душ мужского пола или количество дворов. Для локализации этих данных используются картографические источники. Существенной проблемой является то, что наиболее ранние карты и планы, подходящие для решения этой задачи, датируются лишь концом XVIII в., то есть временной разрыв между письменной и визуальной информацией составляет более 150 лет. В рамках этой работы был поставлен эксперимент. Его цель — выяснить, какую долю населенных пунктов из писцовых книг возможно будет локализовать, не прибегая к дополнительным источникам или экспертной информации. Иными словами, предстояло определить степень топонимической или субъектной устойчивости населенных пунктов в период быстрого экстенсивного освоения региона. Априорные сценарии утраты топонима или утраты субъектности показывают, что наиболее распространенным фактором этого процесса является интенсивный способ хозяйствования. Эти размышления корректно предсказывают итоговый результат: в экстенсивно осваиваемом регионе доля нелокализованных населенных пунктов будет существенно уступать доле обнаруженных. Исходный массив состоит из 152 объектов, большая часть из которых (65 %) является селами. Помимо них также присутствуют в достаточном количестве деревни (24 %) и слободы (9 %). Не поддаются локализации 34 объекта (22 %), половину из которых составляют деревни. На доминирующие в исходном массиве села здесь приходится 41 %. Данная диспропорция позволяет связать зависимость топонимической и субъектной устойчивости от размера населенного пункта. Это справедливо не только в разрезе типологии населенных пунктов, но и в разрезе численности населения внутри каждого типа. Так, среднее количество душ мужского пола в селах исходного массива равно 249, а нелокализованного — 188; для деревни это 101 и 76 соответственно.

Цель совместного доклада А. Л. Грязнова, с. н. с. НП «НИЦ «Древности» (Вологда), и к. и. н. А. В. Сергеева, заведующего кафедрой промышленной безопасности Института промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства (Санкт-Петербург), заключалась в систематизации и расширении сведений, а также выявлении тенденций эволюции землевладения Стародубских и Белозерских Юриковичей. Данные для исследования были получены из родословных и писцовых книг, актов, экономических примечаний к Планам Генерального межевания и т. п. В начале XVI в. в Белозерском уезде располагались владельческие комплексы князей Кемских, Согорских, Андомских, Вадбальских, Ухтомских, Шелешпальских, Угольских и Дябринских. Белозерские Юриковичи (кроме Кемских и Согорских) не смогли выработать и последовательно реализовать механизм сохранения родовых земель. С ростом численности наследников вотчины дробились, выморочные владения уходили в монастыри. Крупные вотчины Кемских, Согорских, Андомских, вероятно, были «взяты на государя» вследствие пребывания уезда в опричнине и пресечения двух первых указанных фамилий. Вадбальские, Ухтомские, Шелешпальские, Дябринские могли быть тогда же выселены из «родовых гнезд». В 1620-х гг. в Белозерском уезде родовое

землевладение было в незначительной мере восстановлено Вадбальскими, а в Пошехонье — Ухтомскими. Крупная родовая вотчина вернулась одной из ветвей Шелешпальских. На эволюцию землевладения князей Стародубских повлияло резкое уменьшение численности большинства фамилий в последней трети XVI в. в результате гибели князей в ходе почти непрерывно ведшихся войн, сопутствовавших им эпидемий и, в меньшей мере, опричных репрессий. Выморочные владения передавались монастырям, попадали в «дворцовые земли», иногда шли «в роздачу» помещикам. В Стародубе тенденция «умирания» крупных вотчинных комплексов местных княжеских фамилий проявилась вполне отчетливо уже в конце XVI в. Однако возвышение Пожарских и Ромодановских, сохранение высокого положения Хилковыми и Татевыми создали здесь в первой половине XVII в. условия для «ренессанса» родового княжеского землевладения. Построенные карты иллюстрируют изменения размеров владений, состава землевладельцев рассматриваемых уездов в середине XVI в. и в 1620-х гг.

Доклад С. И. Цеменковой, к. и. н., доцента кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета (Екатеринбург), был посвящен истории изменения архитектурно-пространственного облика Екатеринбурга в период с 1723 по 1781 г. В первые десятилетия своего существования Екатеринбург являл собой результат переплетения идей идеального «регулярного» города, саксонского опыта создания практичной, недорогой, пожаробезопасной промышленной застройки и характерной для того времени практики строительства укрепленных фортификацией городов и заводов. Заложенная изначально в планировку города идея регулярности сохранялась достаточно долго, хотя все это время территория нового населенного пункта постоянно расширялась. Уже в 1735 г. Екатеринбург начинает постепенно перестраиваться: для увеличения площади гостиного двора сдвигается вонне западная стена крепости, в городе появляются каменные здания, в частности двухэтажное здание горной Канцелярии. Уже к середине 1720-х гг. фиксируются первые стихийные выходы селитебной застройки за пределы города. Эта тенденция сохраняется и в период восстания Е. Пугачева, когда город обретает вторую земляную крепостную стену, охватившую все посады, бывшие до этого вне старой крепости. Эта стена уже не имела четких геометрических форм, и можно считать, что к концу 1770-х гг. заканчивается период послепетровских изменений первоосновы города. Накапливаются изменения в масштабах и архитектуре города, организации его внутреннего пространства. Крепость-завод превращается в достаточно крупный город. Композицию ансамбля Екатеринбурга формировали одноэтажные, в основном деревянные, дома и вертикали церквей и соборов. От первоначальной крепости-завода остались лишь планировка центра, территория завода (также с изменениями), плотина. Исчезают постепенно земляные валы крепости, и хотя в конце 1780-х гг. появляется проект строительства вокруг города каменной стены, до его реализации дело не дошло.

Два заключительных доклада семинара, посвященных исторической демографии, опубликованы на страницах настоящего номера. Это статьи А. И. Татарниковой и Н. М. Игнатовой. Редколлегия Историко-географического журнала намерена опубликовать полные тексты остальных докладов семинара во втором томе в 2023 г.

Открытый историко-географический семинар в Екатеринбурге был организован АНО «НИЦ «Молодые историки Урала» совместно с Институтом истории и археологии УрО РАН, Пермским государственным национальным исследовательским университетом, Научным издательством «Большая российская энциклопедия», Уральским федеральным университетом. Мероприятие проводилось при поддержке Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества. Проект № 21-2-002276.

Докладчики семинара и оргкомитет

УДК 069.1

DOI: 10.58529 / 2782-6511-2022-1-4-96-98

Итоги исторической реконструкции «Бажовский ОГО!род»

Сохраненное подворье семьи Бажовых в г. Сысерти является единственным на Урале музеем-усадебой горнозаводского рабочего. На этой площадке посетители могут познакомиться с семейными традициями, бытом, культурой и другими аспектами жизни горнозаводских жителей XIX в. Частью подворья является участок земли, который в прошлом использовался как огород. Именно на нем было решено создать необычную экспозицию — реконструировать уральский огород конца XIX — начала XX в. Целью проекта «Бажовский ОГО!род» стало создание полноценной реконструкции аутентичного огорода горнозаводского рабочего. Проект получил поддержку Благотворительного фонда В. Потанина «Музей без границ»¹.

Для жителей горнозаводских поселений Урала огороды — не прихоть, а житейская необходимость. Они были и есть повсеместно, воплощая в себе особенности той или иной эпохи, традиции лечения, знахарства, народные способы преодоления трудностей войны, голода и других социальных бедствий. Урал является зоной рискованного земледелия; вегетационный сезон здесь очень короткий; погода летом характеризуется резкой сменой температур и влажности; почвы в большинстве своем не способны давать такой же урожай, как на юге страны. Поэтому уральский огород является особым примером упорства людей в преодолении суровостей природы. Урожай бывает чаще небогатый и достается большой ценой. Опыт огородничества, переработки урожая, заготовки и использования полезных растений впрок передается из поколения в поколение и запечатлен в различных формах народного творчества. Изучение этих традиций, их популяризация и осмысление способствуют сохранению исторической памяти, повышению общей грамотности и передаче культурного опыта современным жителям Урала.

Реализация проекта включала следующие этапы: 1) поиск и подбор соответствующих концепций проекта ассортимента растений, агрономических и землеустроительных приемов, строительных конструкций; 2) разработка проектной документации (генеральный план, посадочный чертеж, ассортиментная ведомость, эскизы планировки); 3) благоустройство площадки (создание комплекса сооружений и зеленых насаждений в соответствии с планом проекта) и ее включение в систему экскурсионных программ музея.

Поисковые исследования были выполнены с опорой на исторические, краеведческие, иллюстративные источники. С их помощью были составлены списки ассортимента культур и способов их возделывания. Черпались сведения из медицинской литературы, справочников по огородничеству, ведению хозяйства и садоводству середины XIX — начала XX в. Учитывался также народный опыт выращивания и использования лекарственных растений, были проанализированы травники XIX столетия. Проведена была аналитическая работа с экспозициями и архивами музеев (музей Бажова в Сысерти, Екатеринбург, Сысертский краеведческий музей), изучены упоминания о существовавших способах возделывания огородов и садов в краеведческих публикациях, календарях и произведениях самого П. П. Бажова. Учтен был и личный опыт писателя на ниве огородничества; он отчасти восстановлен, благодаря письму Е. А. Пермьяку от 19 апреля 1945 г. В нем Бажов писал другу: «В коротких словах — люблю веселый огород, где бестолково перемежаются малина с хреном, капуста с маком и т. д. Все это пускается погуще. Зелень получается буйная, кудрявая»².

¹ См.: Итоги конкурса «Культура участия» фонда В. Потанина в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/podvedeny-itogi-konkursa-muzy-4-0/> (дата обращения: 24.04.2022).

² См.: Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950 / Сост. Г. А. Григорьев, Л. С. Григорьева; науч. ред. М. А. Литовская. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 235.

Итоги работы с литературными источниками были обсуждены учеными-филологами на Ученом Совете МАУК ОМПУ. К интеллектуальной работе в рамках проекта были привлечены сотрудники профильных вузов. Под их руководством трудились студенты-волонтеры фармацевтического факультета Уральского государственного медицинского университета и кафедры плодоводства и овощеводства им. проф. Н. Ф. Коняева Уральского государственного аграрного университета, а также практиканты Ботанического сада УрО РАН. Выполненные исследования, ставшие составной частью проекта «Бажовский ОГО!род», прошли проверку и заслужили высокую экспертную оценку (победы в конкурсах «Меня оценят в XXI веке», «Знаток истории фармации», «Источниковедение»).

В августе 2020 г. проект «Бажовский ОГО!род» был представлен на II Евразийском фестивале ландшафтного искусства «Атмосфера» (см. *цв. вклейку, рис. № 12*). Там прошла экспертиза ландшафтной части проекта, был представлен макет (см. *цв. вклейку, рис. 13*) и стилизованный чертеж генерального плана, авторские декорации, выполненные из дерева сотрудниками Объединенного музея писателей Урала (МАУК ОМПУ); состоялась лекция о концепции проекта. На фестивале «Бажовский ОГО!род» получил ряд ценных замечаний и нашел поддержку в лице специалистов, волонтеров и активистов.

В 2020 г. проведен комплексный анализ территории проектирования, дана характеристика исторической и культурной специфики, учтены агроклиматические особенности района, выполнен подробный анализ флоры и почвы на земельном участке, выделенном для реализации проекта (250 кв. м). При выполнении проектной документации и презентационных материалов проекта были использованы программы Autodesk AutoCAD 2018, SketchUp 2017, Lumion 9.0.2.

На выделенной территории была проведена планировка площади аутентичного огорода горнозаводского рабочего конца XIX в., размещения сельскохозяйственных сооружений и другой инфраструктуры, посадок многолетних и однолетних растений для целей просветительства. Функционал проектируемой территории выполнен с учетом основной идеи — формирования в Сысерти офлайн-площадки для общения, обмена опытом, самореализации и презентации сельскохозяйственных достижений жителей и для жителей. Всего предложено три функциональных зоны (см. *цв. вклейку, рис. 11–13*). Первая — площадка для культурно-массовых мероприятий (около 40 кв. м). Территорию решено замостить камнем, так как планируется большая рекреационная нагрузка. Вторая функциональная зона — непосредственно огород (120 кв. м). Здесь располагаются грядки, парники, плодовые деревья, кустарники и соединяющие их дорожки. Третья зона предназначена для тихого отдыха. Для нее отведен небольшой участок (около 20 кв. м), где размещается лабаз (погреб).

Размещение древесно-кустарниковых культур осуществлено так, чтобы у посетителей была возможность ознакомиться с ними и даже собрать урожай. Всего на территории музея в Сысерти высажено 37 единиц деревьев и кустарников, более 400 экземпляров многолетних растений. Составлены рекомендации по особенностям возделывания каждой культуры (технологические карты) с соблюдением принципов севооборота для защиты от болезней и вредителей и поддержания благополучного фона. Реализация проекта начата в августе 2020 г. Поскольку перед авторами проекта стояла задача организации Интернет-трансляции всех событий, происходящих на площадке, были подготовлены соответствующие коммуникации, произведен монтаж камер видеонаблюдения, созданы все технические и программные условия круглосуточной онлайн-трансляции на сайте МАУК ОМПУ.

Подготовка и монтаж всех основных конструкций, благоустройство территории огорода происходило в период 2020–2021 гг. — самого непростого времени в связи с разразившейся пандемией. Однако были проведены все запланированные масштабные ландшафтные и инфраструктурные работы, и задача по созданию реконструкции огорода горнозаводского рабочего конца XIX в. была решена.

На огороде высажены растения, которые на Урале в XIX в. были основой пищевого рациона населения, например, репа огородная, капуста огородная, рапс, редька посевная, тыква обыкновенная, свекла обыкновенная, морковь обыкновенная, огурец обыкновенный, хрен деревенский, щавель кислый, редька черная, редис, горох посевной, фасоль обыкновенная, подсолнечник однолетний.

Высажены были также травянистые растения, которые преимущественно возделывались по причине их лекарственных свойств или как пряность: мята полевая, чабрец, котовник обыкновенный, любисток аптечный, петрушка обыкновенная, укроп пахучий. Еще одну группу посадок составили традиционные уральские плодово-ягодные и витаминные растения: смородина черная, смородина красная, крыжовник обыкновенный, калина обыкновенная, облепиха обыкновенная, боярышник, рябина обыкновенная, земляника, малина. Сорно-рудеральные растения (подорожник, крапива, одуванчик, чистотел, лопух, полынь горькая, сныть, марь белая, лебеда,

белена черная) принято решение не искоренять до конца, поскольку они использовались в пищевых и лечебных целях, а также в ветеринарии.

Как известно из работ А. А. Савичева, заводчане по заказу господ строили сооружения защищенного грунта для содержания видов-экзотов, например, томатов («помдамур») — устаревшее народное наименование помидора). Эта культура интересна в познавательных целях, и на огороде для нее тоже нашлось место.

В 2021 г. состоялся запуск событийных программ, основанных на реконструкции цикла крестьянских работ (гастрономические мастер-классы, посадки растений, борьба с сорняками, полив и пр.). Воссозданы условия, в которых происходила заготовка сырья и урожая впрок. Аутентичное воспроизведение имеет не только общеисторическую значимость. Сохраняя старинный опыт, можно наглядно видеть и практически усваивать, как развивалась культура использования лекарственных и пищевых видов растений в уральской горнозаводской «цивилизации», лучше понимать специфику ее повседневности. Гастрономический интерактив, целью которого является возрождение старинных рецептов уральской кухни и обычаев гостеприимства, стал очень популярен в формате видеомастер-классов и тренингов, а также в виде проведения дегустаций. В 2021 г. цикл гастрономических мероприятий завершился итоговой выставкой из даров уральского огорода, солений и квашений по рецептам XIX в.

Основной целевой аудиторией нового музейного проекта стали семейные и малые детские туристические группы. Дети и подростки из семей, не имеющих огородов или дачных участков, начинают лучше понимать бытовую повседневность XIX в., многие процессы для них являются открытием. А дети, знакомые с работой на дачных и садовых участках, могут с пользой применить полученные знания в реальной жизни. Родители же получают площадку для ознакомления своих детей с историей и приобщения их к труду и ответственности в развлекательной и познавательной форме. Посетители, которым довелось самим посадить на огороде растения, живо интересуются их состоянием, периодически возвращаются в музей.

Благодаря продвижению проекта в социальных сетях, популярность музея-огорода существенно выросла. Презентации проекта регулярно проводятся в рамках экскурсий по музею, включены в событийные мероприятия Свердловской области (Евразийский форум «Атмосфера», «Бажовская верста», «Ночь искусств», «Ночь музеев», «Небо и Земля», «ДИКОРОСЫ» и т. д.), в программы организованных инфотуров для представителей туристического бизнеса Челябинской и Свердловской областей. Запущены прямые эфиры в аккаунте музея с рецептами и аграрными технологиями XIX в., информацией о проекте. Так формируется сообщество постоянных посетителей и друзей музея, которые следят за проектом, активно поддерживают его разработчиков и энтузиастов. В рамках проекта разработан цикл лекций и уроков для школьников по огородному делу с разных точек зрения: ботанической, агрономической, исторической, литературной. Создана «линейка» живых огородных сувениров.

Огород, таким образом, стал неотъемлемой частью экскурсионных программ музея, создал новую грань его восприятия посетителями. Опыт личного взаимодействия с огородом, приобщения обычных посетителей в рамках игровых и экскурсионных программ к реалиям производственной и бытовой культуры предков позволяет предложить данный опыт коллегам-музейщикам. Разработанная система циркуляции материалов и изделий для мастер-классов также показывает свою эффективность. В рамках проекта расширяется функционал сотрудников музея, меняется самоощущение сотрудников на рабочем месте. Создание подобного долговременного проекта меняет подход к преемственности в организации, поскольку без корректной передачи знаний и инструкций следующим поколениям музейных сотрудников огород долго существовать не сможет.

Дом-музей П. П. Бажова в г. Сысерти стал самым посещаемым музеем в составе ОМПУ в 2021 г. В настоящий момент площадка открыта и активно функционирует в офлайн и в онлайн-формате, знакомит туристов с бытом и культурой горнозаводских крестьян, подчеркивая их отличия от повседневной жизни традиционного крестьянства, служит для визуализации особенностей уральской горнозаводской «цивилизации».

Киселева О. А.

ФГБУН Ботанический сад УрО РАН

Забоева Н. В.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»

Каптур А. А., Григорьев Г. А.

МБУК «Объединенный музей писателей Урала»

Сокращения

АСЗ — Акты служилых землевладельцев.

ГВИПМЗ — Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГФ НТД ФГУП «Маяк» — Группа фондов научно-технической документации ФГУП

Производственное объединение «Маяк», г. Озерск, Челябинская область.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

ДРВМ — Древняя Русь: Вопросы медиевистики.

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук.

Ки (кюри) — внесистемная единица измерения активности. В Российской Федерации кюри допущен к использованию в качестве внесистемной единицы без ограничения срока с областью применения «ядерная физика, медицина». Активность вещества равна 1 Ки, если в нем каждую секунду происходит $3,7 \cdot 10^{10}$ радиоактивных распадов.

Ки/л (кюри на литр) — внесистемная единица радиоактивности жидкой и газообразной среды (удельная объемная активность).

ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

р/с (рентген в секунду) — внесистемная единица экспозиционной дозы радиоактивного облучения рентгеновским или гамма-излучением, определяемая по их ионизирующему действию на сухой атмосферный воздух.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической Комиссией.

РИО — Русское историческое общество.

Рис. 2. Среднее течение р. Упы в первой половине XV в.

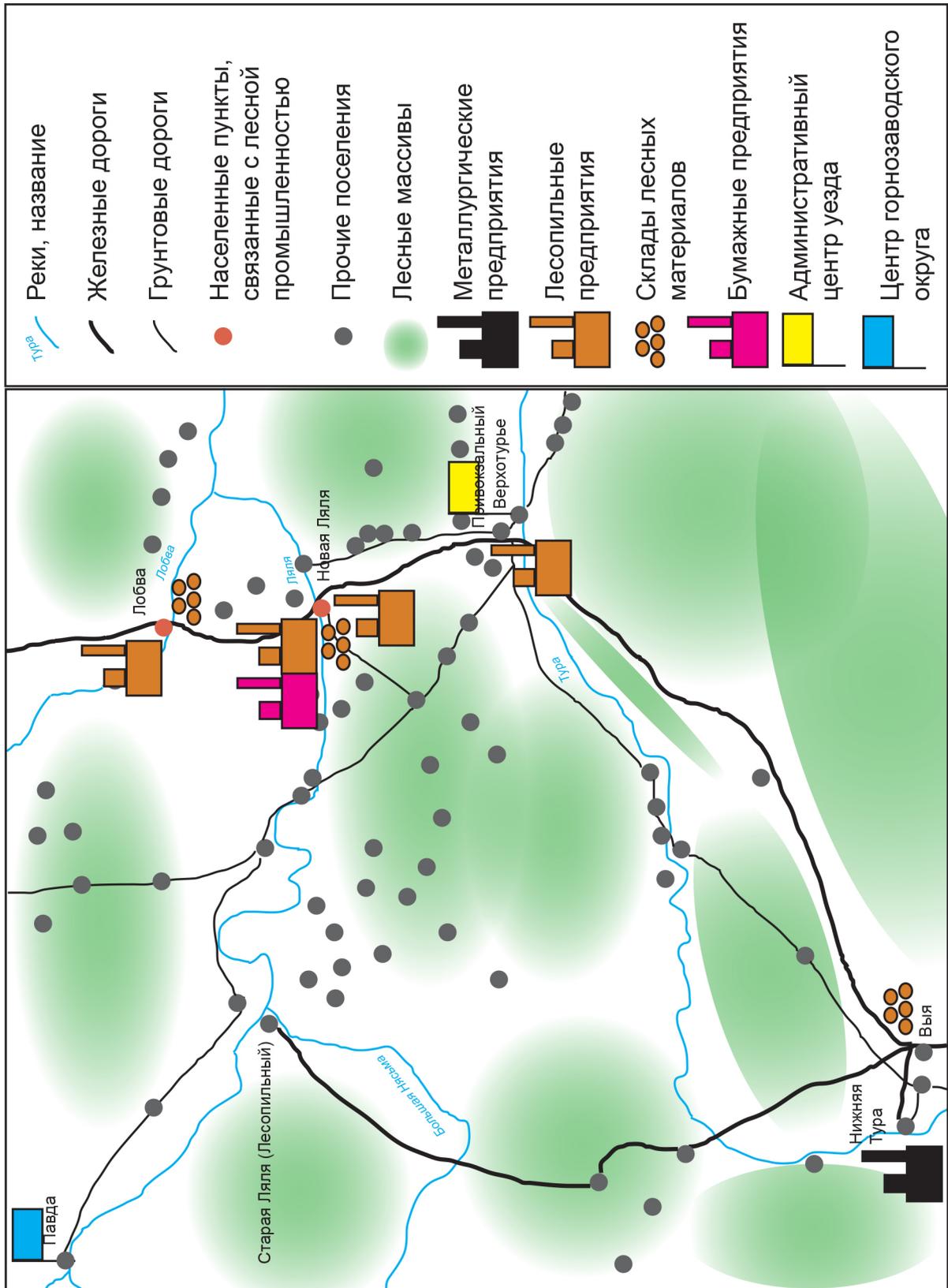

Рис. 3. Николае-Павдинский горный округ (Северный Урал) и соседние территории в 1914 г.

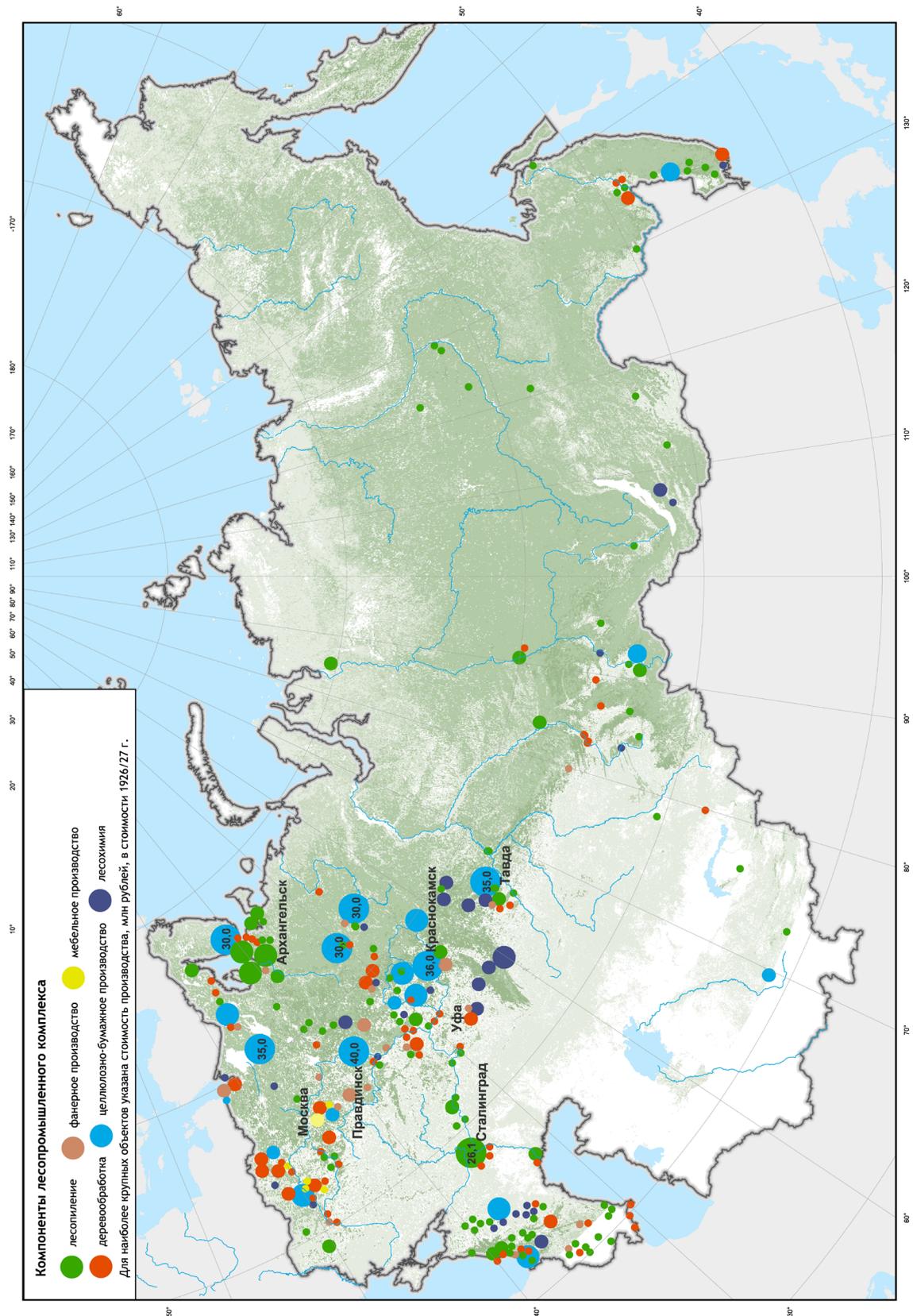

Рис. 4. Пространственное размещение объектов нового строительства государственной промышленности в лесопромышленном комплексе Советского Союза по проекту первого пятилетнего плана (1928/1929–1932/1933 гг.)

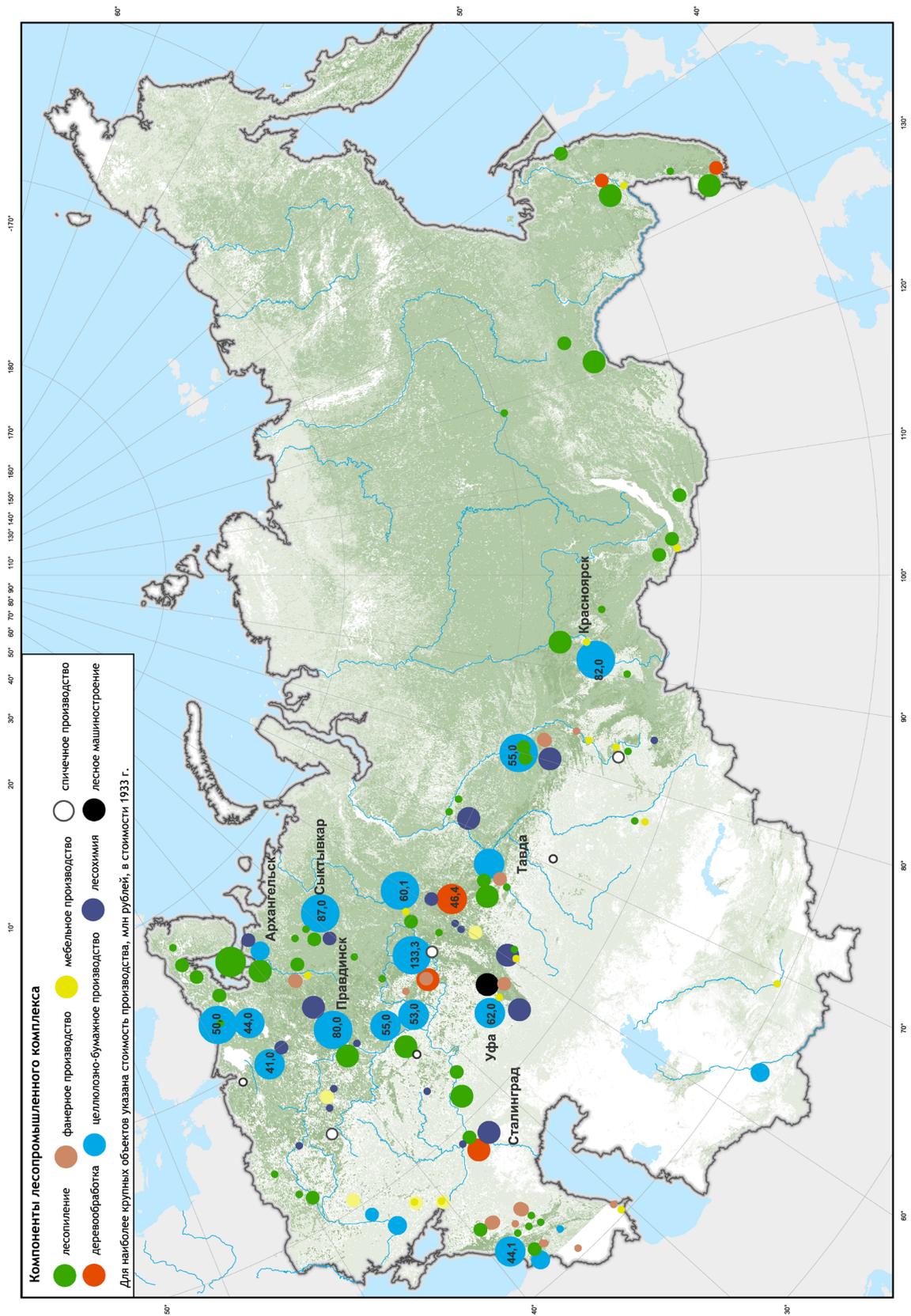

Рис. 5. Пространственное размещение объектов нового строительства государственной промышленности в лесопромышленном комплексе Советского Союза по проекту второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.)

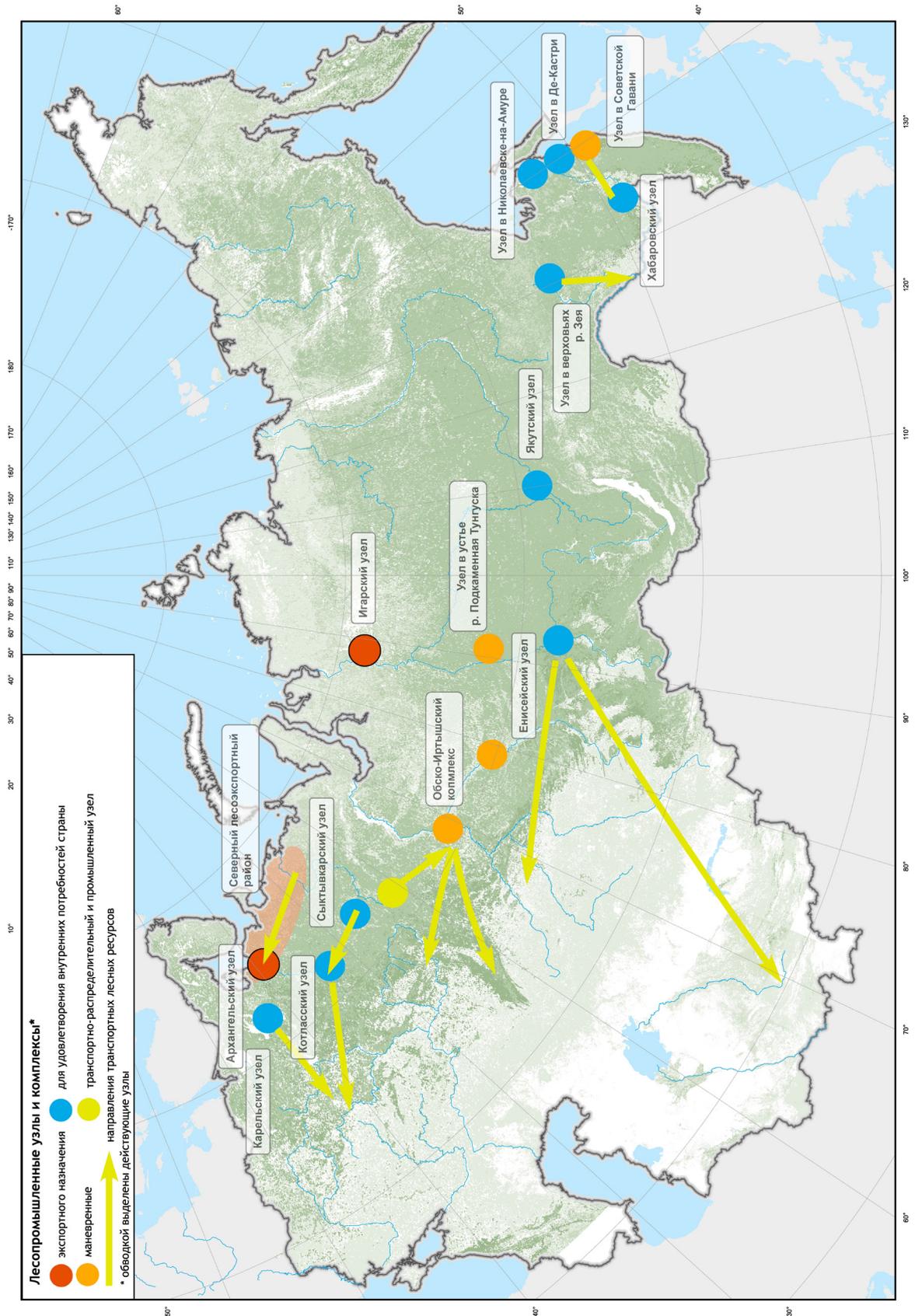

Рис. 6. Лесопромышленные узлы Советского Севера на перспективу второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.), согласно концепции И. Капитонова и С. Славина

Сборная таблица Справочной Карты строительных материалов.

Объяснение см. на 3 стр. обложки.

Рис. 7. «Сборная таблица»: схема всех составленных карт строительных материалов к 1916 г. с разграфкой листов и их номерами

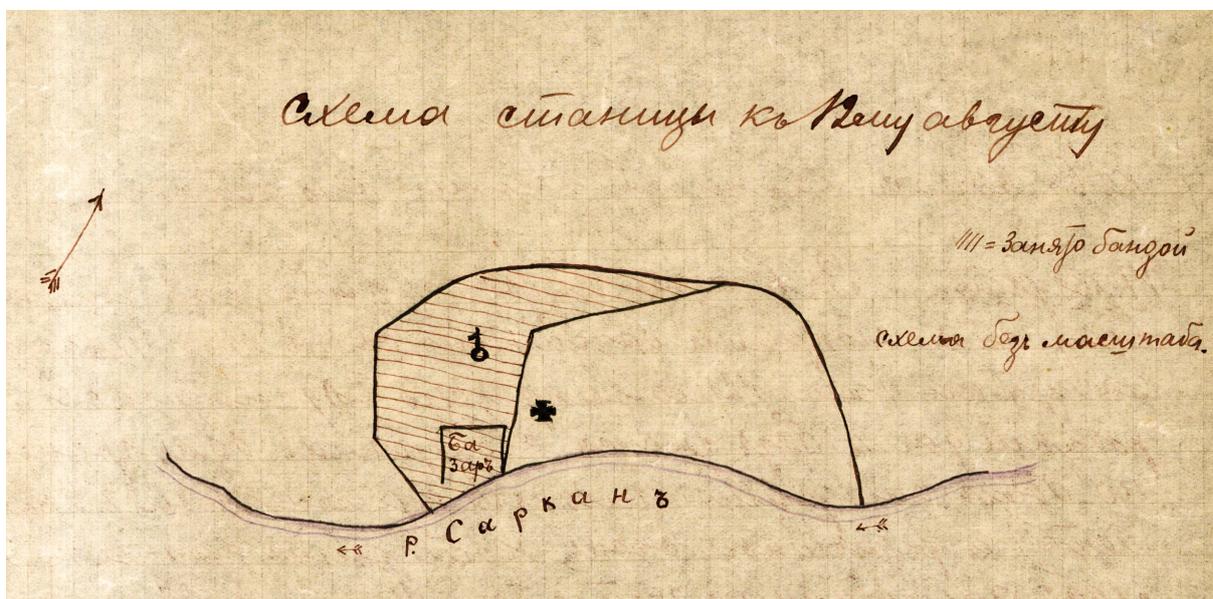

Рис. 8. Схема боевых действий и линии фронта у станции Сарканд к 12 августа 1918 г. (РГВА. Ф. 39615. Оп. 1. Д. 51. Л. 4)

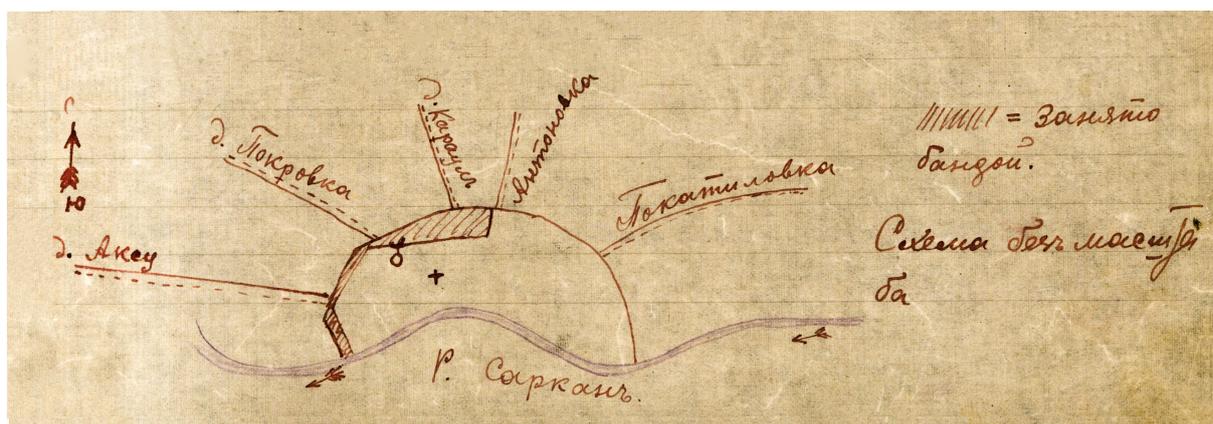

Рис. 9. Схема боевых действий и линии фронта у станции Сарканд к 21 августа 1918 г. (РГВА. Ф. 39615. Оп. 1. Д. 51. Л. 6)

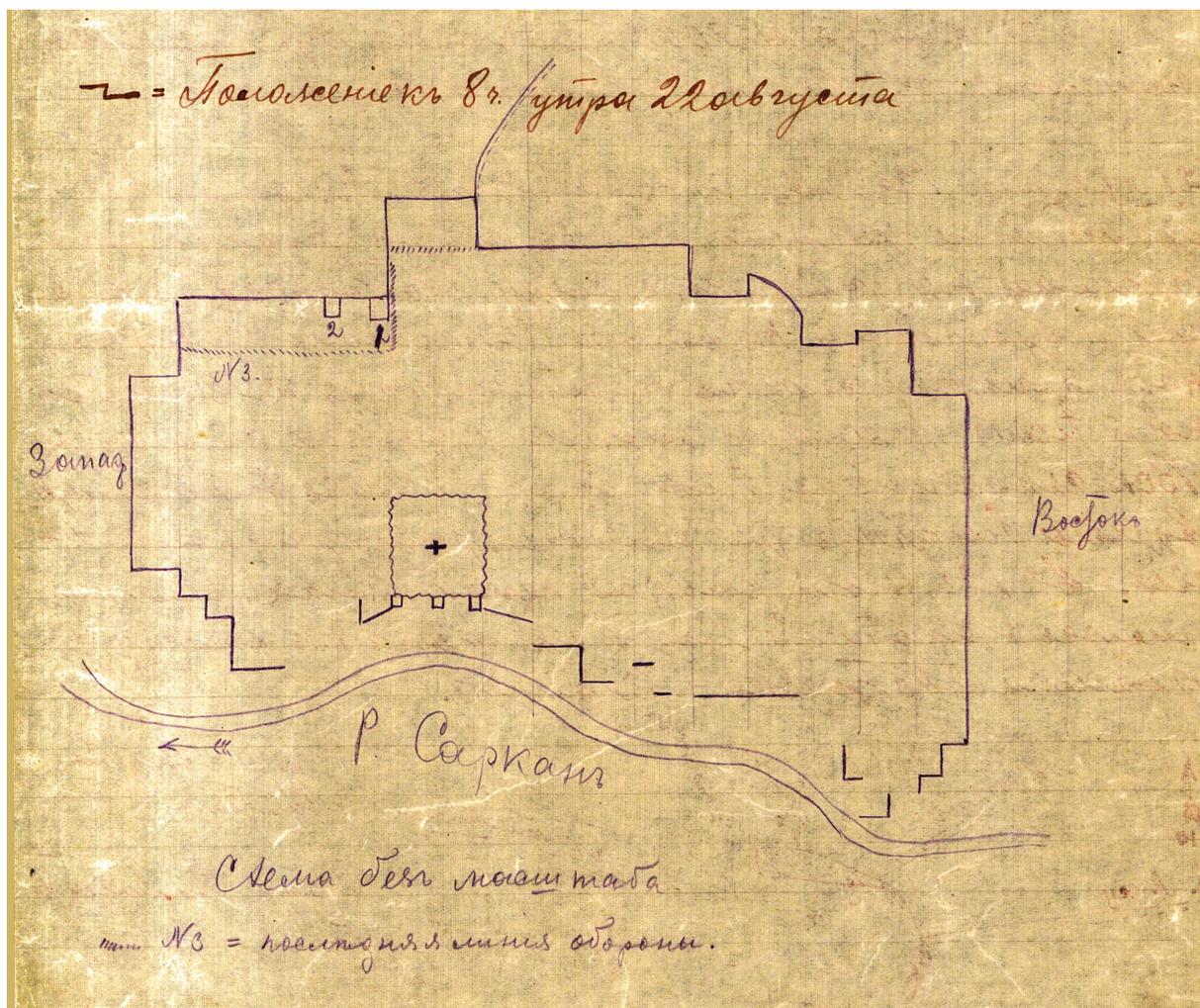
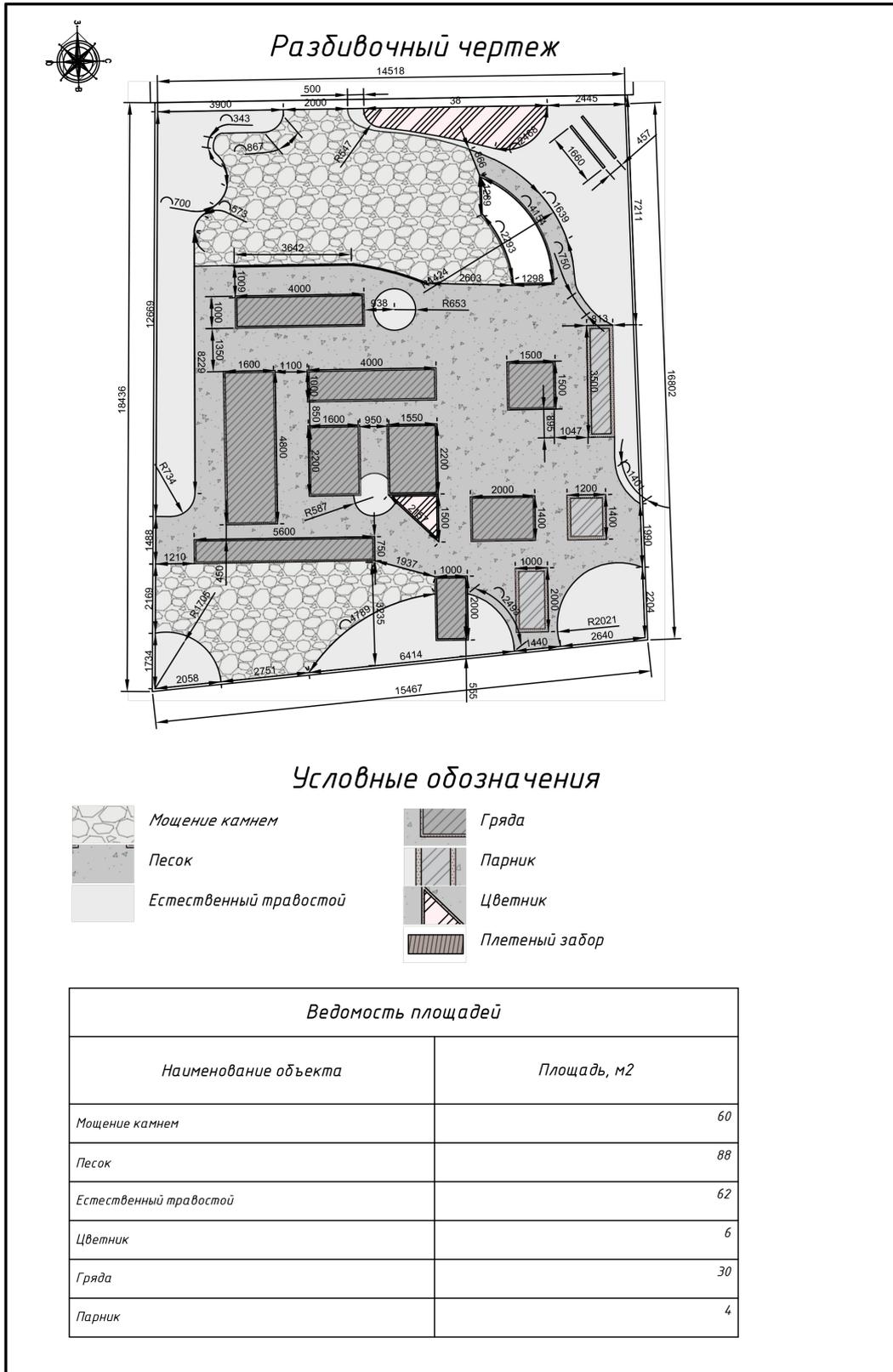

Рис. 10. Схема боевых действий и линии фронта у станции Сарканд к 8 ч. утра 22 августа 1918 г.
(РГВА. Ф. 39615. Оп. 1. Д. 51. Л. 60б)

К сообщению «Итоги исторической реконструкции „Бажовский ОГО!род“»

Формат А4 М 1:150

Рис. 11. Разбивочный чертёж ландшафтного проекта

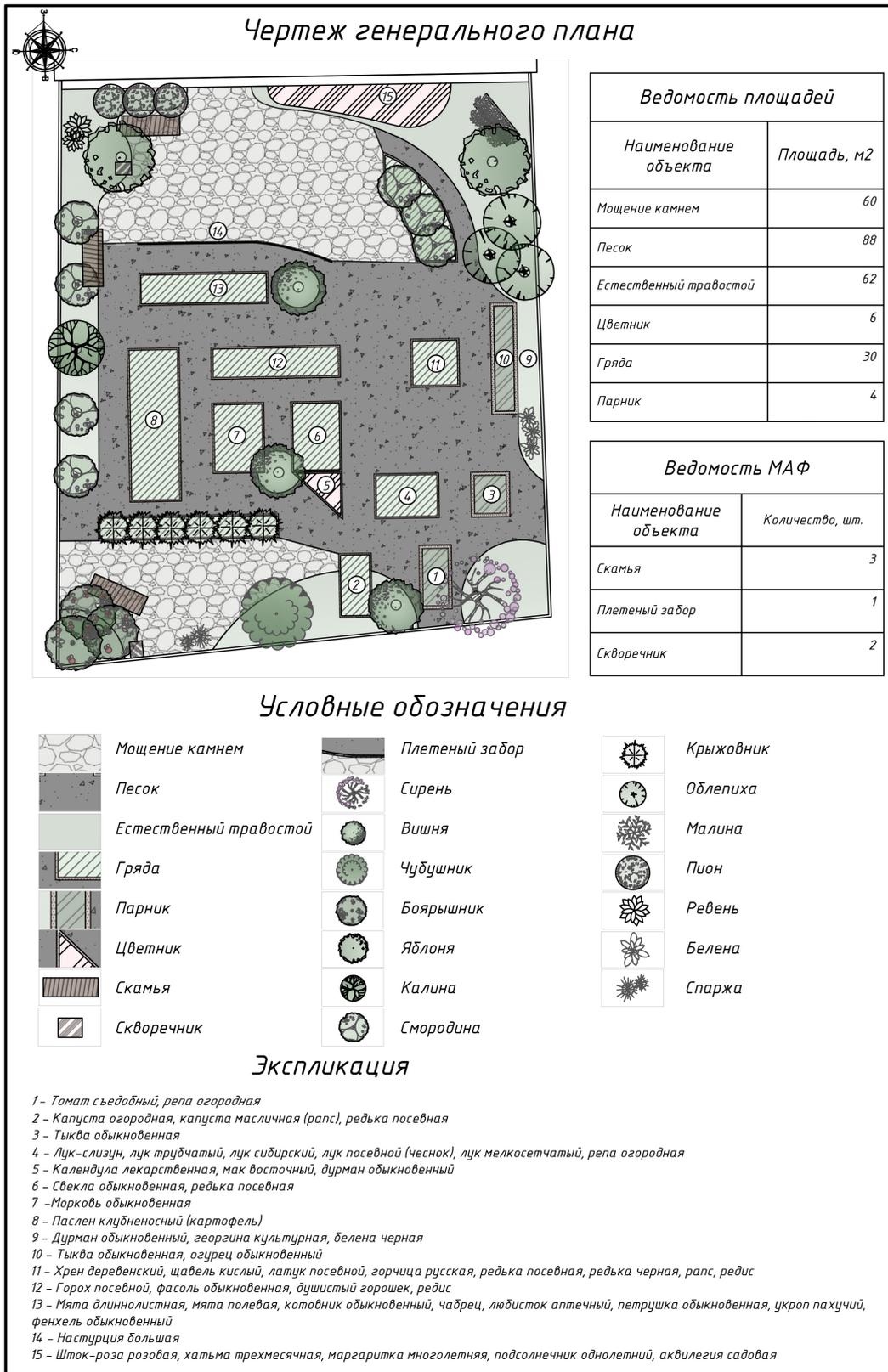
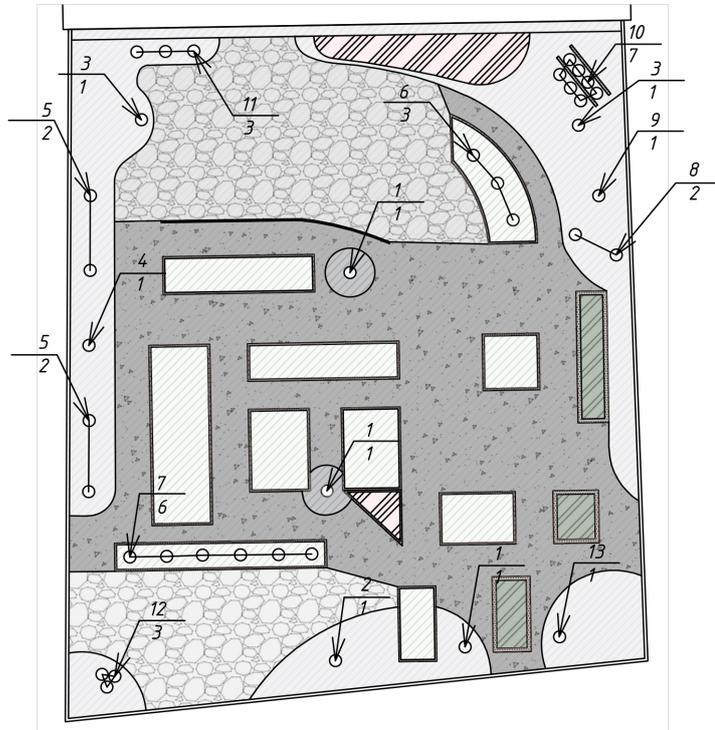

Рис. 12. Генеральный план проекта «Бажовский ОГО!род»

Посадочный чертеж

Условные обозначения

	Мощение камнем
	Песок
	Естественный травостой
	Гряда
	Цветник
	Плетеный забор

Посадочная ведомость

№	Название	Количество, шт
1	Вишня обыкновенная	3
2	Чубушник венечный	1
3	Яблоня витаминная	2
4	Калина обыкновенная	1
5	Смородина черная	4
6	Смородина красная	3
7	Крыжовник обыкновенный	6
8	Облепиха обыкновенная (женская особь)	2
9	Облепиха обыкновенная (мужская особь)	1
10	Малина обыкновенная	7
11	Пион травянистый	3
12	Боярышник крово-красный	3
13	Сирень обыкновенная	1

Формат А4

Рис.13. Посадочный чертеж на древесно-кустарниковые растения

Листъ 14
КАРТЫ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ

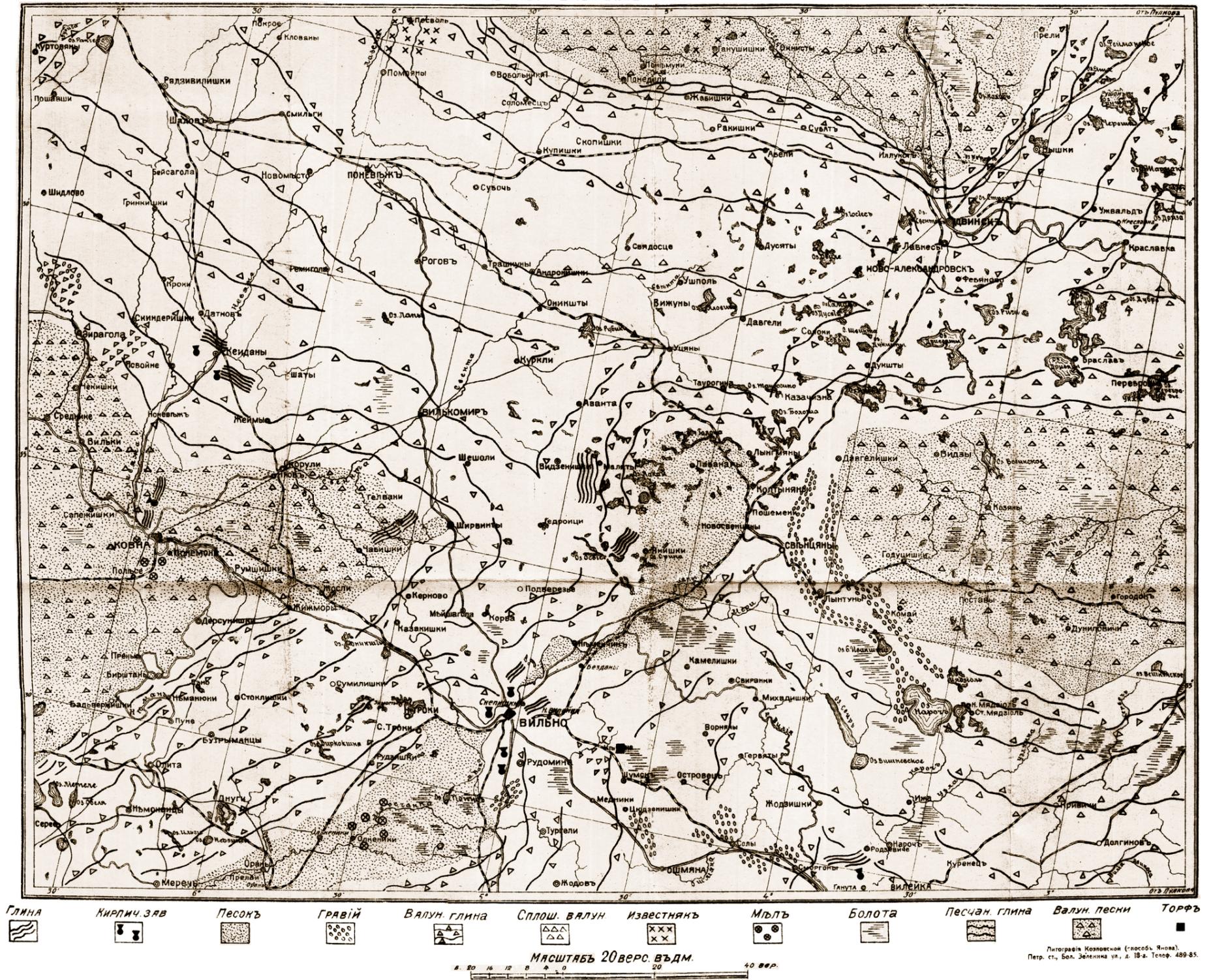

Рис. 14. Пример карты строительных материалов. Лист № 14 (участок Ковно — Вильно — Двинск) 1916 г.

Научное издание
Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 4

Главный редактор

М. В. Михеев

Корректор

Т. А. Качалова

Верстка

Н. Р. Хамидулова

Ретушь иллюстраций

В. Р. Рудаков

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м². Гарнитура Calibri

Уч.-изд. л. 9,07. Усл. печ. л. 11,63.

Тираж 120 экз. Заказ № 16535

Дата выхода в свет 28.12.2022 г. Цена свободная

Макет подготовлен и отпечатан в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»

620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж

тел. 8 800 300-16-00